

Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная, С. Н. Каратай

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 6 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

*Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь*

2-е издание, исправленное и дополненное

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2014

УДК 821.161.1.09(075.3=161.3=161.1)

ББК 83.3(2Рос=Рус)я721

М93

А в т о р ы:

Мушинская Т. Ф. («Рассказ как эпический жанр»; «И. С. Тургенев»; «Сюжет и композиция рассказа»; «А. П. Чехов»; «О рассказе А. П. Чехова»; «А. И. Куприн»; «Возможности рассказа»; «В. Г. Распутин»; «Ю. П. Казаков»; «Повторение»);

Каратай С. Н. (Былина. «Илья Муромец и Соловей Разбойник»; «Из древнерусской литературы»; «Летописание»; «Сказание о смерти князя Олега»; «По мотивам летописного сказания»; «А. С. Пушкин»; «Песнь о вещем Олеге»; «Басня как эпический жанр»; «И. А. Крылов»; «Как читать басню»; «Повесть как эпический жанр»; «В. О. Богомолов»);

Перевозная Е. В. («О художественной литературе»; «Стихотворение как лирический жанр»; «А. С. Пушкин»; «Стихотворная речь»; «М. Ю. Лермонтов»; «Н. А. Некрасов»; «А. А. Блок»; «А. А. Ахматова»; «Н. А. Заболоцкий»; «Н. М. Рубцов»; «Повесть как эпический жанр»; «Н. В. Гоголь»; «Литературоведческий словарь»)

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филол. наук, проф. кафедры теории литературы Белорусского государственного университета *А. Н. Андреев*;

методист высшей категории учебно-методического отдела образования, спорта и туризма Столбцовского райисполкома *А. И. Голенович*;

учитель русского языка и литературы высшей категории государственного учреждения образования «Средняя школа № 175 г. Минска» *Л. И. Зорич*

На обложке — репродукция картины *Е. Волкова* «Октябрь».

В учебном пособии использованы иллюстрации *В. Васнецова*, *А. Лаптева*, *Кукрыниксов*, *К. Лебедева*, *Б. Кустодиева*

ISBN 978-985-559-368-4

- © Мушинская Т. Ф., Перевозная Е. В., Каратай С. Н., 2009
- © Мушинская Т. Ф., Перевозная Е. В., Каратай С. Н., с изменениями, 2014
- © Оформление. НМУ «Национальный институт образования», 2014

О художественной литературе

Дорогие ребята! Вы изучаете литературу, которая называется *художественной*. Почему она так называется? В чём её особенность? Давайте подумаем об этом. Вспомните строки М. Ю. Лермонтова:

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут...

Перед глазами разворачивается выразительная картина в движении, в красках, звуках. Читая «Бородино», вы сопереживаете русским солдатам, восхищаетесь героями. Проходят годы, но образ, созданный талантом Лермонтова, не забывается.

А теперь загляните в одну из энциклопедий. Там о Бородинском сражении написано, сколько войск с одной и другой стороны участвовало в нём, сколько было погибших. В этом тексте — цифры, факты. В нём доказывается, что сражение было грандиозным, кровопролитным.

И стихотворение Лермонтова, и статья в энциклопедии — литературные произведения. Но «Бородино» — это произведение *художественной литера-*

туры, а статья о Бородинском сражении — из произведений *научной литературы*. Учёный доказывает, почему и как произошло то или иное событие, какие цели преследовали люди, что им мешало или помогало их достичь. В научном описании не должно быть вымысла, эмоциональных оценок. Писатель не доказывает, а *показывает* события, обстановку, людей. В изображение жизни он вносит свои представления, вымысел, фантазию. Всё, о чём пишет писатель, согрето теплом его сердца, пронизано его чувствами. В центре художественного творчества — человек, его мысли, переживания, его судьба. Для создания многообразных картин жизни у литературы больше возможностей по сравнению с другими видами искусства. Ведь писатель пользуется *словом*, которое имеет множество разнообразных оттенков. Помните, А. С. Пушкин писал об осени — «прощальная краса»: краса — красота, которая всегда радуется, восхищается, доставляет наслаждение. Но «краса прощальная» — значит уходящая, умирающая, а это рождает грустное чувство. Всего два слова, а сколько возникает мыслей, образов, чувств!

Художественная литература имеет возможность показывать человека, события в движении, в прошлом, настоящем и будущем. С её помощью можно побывать в разных исторических эпохах, в любом селе, городе, в том числе и в сказочном, фантастическом.

Читая художественные книги, вы проживаете вместе с героями несколько жизней, приобретаете ценный опыт, становитесь мудрее. Но всё это, ребята, литература даёт вам только тогда, когда вы читаете внимательно, стремясь осознать то, чем хотел поделиться с вами писатель.

Русская художественная литература в своём развитии прошла большой путь. В школе изучает-

ся и древнерусская литература, и литература XIX и XX веков. В V классе в начале учебного года вы изучали сказки. И это не случайно. Русская художественная литература всегда была тесно связана с устным народным творчеством, черпала из него идеи, образы, средства выразительности.

Чтобы лучше понимать литературное произведение, важно знать, когда оно было написано. В данной книге произведения в разделах расположены в хронологическом¹ порядке. Таким образом, вы будете узнавать, как в литературе отражались события, жизнь людей в ту или иную эпоху.

При внимательном чтении вы углубите свои знания о родах литературы: лирике, эпосе, драме; о различных жанрах: басне, лирическом стихотворении, рассказе, повести. Понимание особенностей рода и жанра прочитанного литературного произведения помогает разобраться в его содержании, отношении автора к героям. Размышлять о героях произведений особенно увлекательно, так как можно многое узнать о себе самом, своих друзьях, вообще о людях, обогатить свои представления о хороших и плохих поступках, достойном и неприличном поведении.

В этом году вы будете читать летопись, рассказы, повести, стихотворения. В V классе вы усваивали особенности литературных родов — эпического, драматического, лирического. А теперь вам предстоит определять различные виды (*жанры*) произведений этих родов. Например, жанры эпоса — сказка, былина, повесть, рассказ; драмы — комедия, трагедия; лирики — лирическое стихотворение, песня. С жанрами драматических произведений вы познакомитесь в следующих классах.

¹ *Хронологический* — здесь: расположенный в порядке времени написания.

Так ли уж важно знать, в каком жанре написано произведение? Безусловно. Это знание помогает глубже понять его художественную мысль, композицию, особенности языка, проникнуть в замысел писателя.

Как вы будете изучать литературное произведение? К восприятию художественного текста необходимо подготовиться. С этой целью в книге даются краткие сведения о писателях, об истоках и о времени создания произведений.

Работать над литературными текстами предлагается приблизительно по такому плану:

- выясняем первые впечатления о прочитанном;
- перечитываем произведение, размышляем над его проблемами, оцениваем героев, выясняем особенности рода, жанра, композиции, языка;
- обобщаем свои впечатления и наблюдения;
- сопоставляем литературное произведение с другими видами искусства;
- выполняем творческие задания: рисуем, играем, сочиняем.

При изучении произведений вы, конечно, будете вчитываться в текст, следить за авторской мыслью, сопереживать героям, вслушиваться в художественное слово, представлять изображённые картины, оценивать мастерство писателя. И тогда у вас появится желание самим сочинять, фантазировать, выразительно читать стихи и прозу, разыгрывать сценки. В этом вам помогут предлагаемые в книге разнообразные задания под рубрикой «Наше творчество».

Изучая произведения и выполняя задания, пользуйтесь литературоведческим словарём терминов, помещённым в конце книги.

Желаем вам полезного и увлекательного чтения!

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

В предыдущих классах вы знакомились с произведениями устного народного творчества — пословицами и поговорками, загадками, песнями, сказками. Значительное место в древнерусском фольклоре занимают *былины*. В них воспеты героические дела, ставшие преданиями уже в глубокую старину. События, о которых рассказывается в былинах, со временем приобретали сказочный, даже фантастический характер. Подвиги, совершённые группами людей, в былинах олицетворяет богатырь — смелый, могучий человек, любящий родную землю.

Былины (от слова «быль») — произведения устной поэзии о богатырях, об исторических событиях Древней Руси IX—XIII веков.

Действие былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» происходит в период существования Киевского государства, в годы княжения Владимира. Главная её тема — защита родной земли. Самые известные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович. Стоят они на богатырской заставе, охраняют Киев, побивают врагов, как бы они ни назывались: Соловей Разбойник, Идолище, Змей Горыныч, Кáлин-царь. Добрыня Никитич и Алёша Попович — молодые богатыри. Илья Муромец —

старший на заставе, атаман. В былинах он изображён могучим, справедливым, бескорыстным, храбрым.

В течение многих веков былины передавались устно от одного поколения к другому. Их не рассказывали, а *сказывали* — исполняли нараспев в сопровождении гуслей народные певцы-сказители. Былины называют иногда эпическими или былевыми песнями. Пение придавало былинному рассказу торжественность. Красоту былинных напевов высоко ценили композиторы и часто использовали их в музыкальных произведениях.

Былинный стих — особый стих. Он приспособлен для передачи разговорных интонаций. Вслушайтесь в ритмичное звучание былинных строк:

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец...

Как же создаётся и поддерживается стихотворный ритм в былине? Прежде всего — местом ударения в строке: оно падает на третий слог от начала стиха и на третий слог от конца. Ударным всегда бывает также последний слог. Для этой цели певцы часто растягивали и сжимали слова: «Птица чёрный ворон *не пролётыват*» (вместо *не пролётывает*), «А подъехал как ко силушке *великойей*» (вместо *великой*), а также вставляли в стих дополнительные слоги — чаще всего междометия: «Ай ты славная Владимир стольно-киевский». Слушатель скоро привыкал к этим вставкам и переставал замечать их. Зато былинный стих напоминал естественную разговорную речь.

У былины не только особый стих, но и особое строение. Строятся былины по определённому плану.

Обычно они начинаются кратким вступлением — *зачином*, где указывается время и место действия:

Как во славном городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира
Было пиروваньице — почестен пир...

Затем идёт *основная часть* былины — рассказ о подвигах богатырей.

В отличие от сказки, где главный интерес представляет сказочное повествование, в былине в центре внимания сказителя — богатырь. Поэтому действие былины концентрируется вокруг богатыря, его судьбы. *Кульминацией*, высшим напряжением действия, в былинном повествовании является описание сражения богатыря с противником. В сказке одержать победу над врагом герою часто помогают волшебные существа и вещи. В былине богатырь побеждает врага без посторонней помощи.

В былине всё подчинено созданию образа богатыря. Часто употребляется такой художественный приём, как *гипербола*. Преувеличивается сила богатыря: Илья Муромец, как пёрышко лебединое, поднимает палицу весом в 90 пудов. Взмахом руки он валит наземь полчища врагов. Богатырский конь Ильи Муромца скачет «выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего».

В былинах много *повторений*: повторяются отдельные слова, словосочетания и даже целые эпизоды. Повторения, как вы помните, встречаются и в сказках, они усиливают их занимательность. В былинах же при помощи повторений внимание слушателя обращается на какой-нибудь значительный эпизод, подчёркивается важная для былины мысль. Так, в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник»

четыре раза встречается описание страшного свиста Соловья. От этих повторений крик разбойника кажется ещё страшнее. Дорога Ильи Муромца в Киев представляется особенно трудной, когда встречается повторение слова «заколодела»:

Прямоезжая дорожка *заколодела*¹,
Заколодела дорожка, замуравела²...

Необыкновенно богат и выразителен *язык* былин. Особый поэтический мир создают былинные эпитеты: богатырь называется *могучим, сильным*; князь Владимир — *ласковым, славным, красным солнышком*; враг — *поганым, злым, безбожным*. Определяемое слово часто употребляется с одним и тем же эпитетом. Такие эпитеты называются *п о с т о я н н ы м и*, например: *буйна* голова, ноги *резвые*, слёзы *горючие*, цветики *лазоревые*.

Былина часто завершается особой *концовкой*: «Тут Илье и славу поют» или «На том былинка и кончилась».

Читая былинку, представьте древний город, богатыря Илью Муромца, его врагов, князя Владимира. Вслушайтесь в звучание древних слов. И вам откроется удивительный, необыкновенный мир далёкого прошлого.

По В. П. Аникину

1. Почему былины называют эпическими песнями?
2. Каковы особенности былинного стиха?
3. По какому плану строится былина?
4. С какой целью употребляются в былине гиперболы, повторения, постоянные эпитеты?

¹ *Дорóжка заколо́дела* — дорога завалена стволами засохших деревьев (колодами).

² *Замура́вела* — заросла муравой, то есть травой.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый
молодец.

Он стоял заутреню¹ во Муроме,
А й к обеденке² поспеть хотел он
в стольный Киев-град.

Да й подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным черно.
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою³ никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный
под Чернигов-град,

Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

¹ *Заўтренняя* — утренняя церковная служба.

² *Обедня* — дневная церковная служба.

³ *Пехотою* — здесь: пешком.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у покляпыя¹,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова²
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,

¹ *Покля́ная* — пригнутая книзу, искривлённая.

² *У того креста́ у Левани́дова* — деревянные кресты в старину ставили над могилами погибших в дороге.

Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тою ко берёзе ко покляпя, —
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Тёмны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белú рукú,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериноного,
Не видал ли ты ударов богатырских?
А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый¹,
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею²,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку
булатному,

¹ *Разры́вчатый* — упругий, тугой лук. Когда тетива отпущена, хороший лук издаёт резкий звук, как бы разрывая воздух.

² *Коси́ца* — висок.

Он повёз его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнёздушка повёз да соловьиного.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со Божьей
церкви,

Он пришёл в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идёт он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пята¹ он дверь-то поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко
кланялся,

Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всем его князьям он подколенным².

Тут Владимир-князь стал молодца
выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний³, дородный
добрый молодец,

Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,

¹ На пята́ — широко, настезь.

² Подколенные князья́ — младшие князья, подчинённые князю Владимиру.

³ Откулешний — откуда.

Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный
Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный
Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную берёзу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.
Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же, мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься¹,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица чёрный ворон не пролётывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у берёзы у покляпыя,

¹ *Подлыгаться* — лгать.

У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.
То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы́ ножки́,
Куныю шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко́,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.
Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев
сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого каза́ка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати...
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же, Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во по́лсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во по́лкрика звериногo...
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А окóленки во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людюшек — так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-зверинуму,
Тебе полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых
детушек!

1. Что вам показалось в былине особенно интересным?
2. Что было трудным для понимания?
3. Каким вы представляете Илью Муромца? Каков его воинский убор? Какой у него конь? Откуда выезжает богатырь? Куда держит путь?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Как описана в былине вражеская сила под Черниговом? Какие слова и выражения помогают вам «увидеть» несметные вражеские полчища?
2. Как победил Илья *силушку великую*? Кто ему помогал? Каким оружием он справлялся с врагами?
3. Как характеризует Илью его отказ быть у черниговцев воеводою и его решение ехать в Киев по *прямоезжей дорожке*?
4. Какие сравнения, гиперболы помогают вам представить богатырского коня Ильи Муромца?
5. Опишите место, где находится гнездо Соловья Разбойника. Определите, какова роль повторов отдельных слов и выражений в данном описании.
6. Расскажите, как Илья Муромец пленил Соловья Разбойника.

В ПОМОЩЬ!

П л а н:

- а) место, где происходят события (речка Смородина, берёза, дуб, на котором сидит Соловей Разбойник);
 - б) разрушительная сила крика и свиста Соловья;
 - в) Илья готовится к бою;
 - г) пленённый Соловей Разбойник.
7. Как ведёт себя Илья Муромец перед князем?
 8. Найдите и прочитайте, как меняется отношение князя к Илье во время их беседы. Чем это можно объяснить?

ОБОБЩАЕМ НАБЛЮДЕНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1. Почему Илья Муромец стремится в стольный Киев-град?
2. Какой изображена Русская земля в былине? (Поля, леса, города.)
3. Почему герой былины — богатырь?
4. Попробуйте доказать, что былина — эпическое произведение.
5. Что роднит былину со сказкой и в чём их отличие?
6. Подготовьте выразительное чтение наиболее интересного для вас эпизода из былины.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Нарисуйте (словесно, карандашами, красками) иллюстрацию к одному из эпизодов былины.
2. Подготовьте рассказ об Илье Муромце: «Илья Муромец — богатырь», «Илья едет в стольный Киев-град», «Встреча с врагами», «Илья и князь Владимир», «Илья Муромец — народный герой».

РАБОТАЕМ С КАРТИНОЙ

1. На форзаце размещена репродукция картины В. М. Васнецова «Богатыри». Рассмотрите её. Какие богатыри изображены на картине? Кто из них похож на былинного Илью Муромца? Обратите внимание, как одеты богатыри, какое у них оружие, какие кони. Какая природа их окружает? Как вы думаете, что привлекло внимание богатырей?
2. Передайте устно впечатление от картины (парная работа).

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Из года в год вы, ребята, учитесь постигать художественный мир литературных произведений. И, наверное, не раз задавали себе вопросы о том, когда же возникла художественная литература, какими были первые литературные произведения.

Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к далёкой истории. Конец X и первая половина XI века на Руси — время княжения Владимира и его сына Ярослава Мудрого. Славяне были язычниками, то есть поклонялись многим богам. Чтобы укрепить политическое и экономическое единство государства, князь Владимир ввёл единую христианскую религию. Она пришла к нам с Востока, из далёкой Византии. На Руси начали строить церкви, монастыри, из Византии приглашались священники. Для распространения нового религиозного учения понадобились церковные книги. Но их надо было перевести с греческого языка. И тогда два брата, уроженцы болгарского города Солу́ня, Кирилл и Мефодий, хорошо знавшие языки славян, создали славянскую азбуку, *кириллицу*, от которой и происходит русский, белорусский, украинский алфавит. И вот уже более тысячи лет славяне почитают Кирилла и Мефодия как создателей письменности.

Древнерусская литература делится на переводную и оригинальную. **Переводная** литература — это первые переводы на древнерусский язык церковных книг. **Оригинальная** (от лат. *originalis* — подлинный) литература — это произведения, написанные самими местными авторами в XI—XII веках.

Оригинальная литература богата произведениями различных жанров: *летописи* рассказывали об

истории государства, начиная с легендарных времён; *жития* (жизнеописания) повествовали о жизни отдельных людей; *поучения* служили воспитательным целям, их авторы делились своим жизненным опытом, учили задумываться о смысле жизни, мире, человеку.

Древние книги были рукописными и представляли собой своеобразные произведения искусства. Обложки книг делали из тонких дощечек, обтянутых кожей или какой-либо дорогой тканью — бархатом, парчой. Они завязывались шнурками или застёгивались металлическими застёжками. Обложки самых роскошных книг украшали драгоценными камнями, узорами из золота и серебра. Память о деревянных обложках сохранилась до наших дней в выражении «прочитать от доски до доски» — это значит от начала до конца. Весь текст писался чёрными чернилами, а первые буквы, с которых начиналась строка, часто рисовали в виде цветов, птиц, зверей и выделяли красной краской. Отсюда и известное вам выражение «писать с красной строки». Со временем среди текста появляются небольшие рисунки — *миниатюры*. Потом они стали занимать целые страницы.

Книги писались и переписывались от руки. Это был нелёгкий труд. С утра до вечера переписчики старательно выводили букву за буквой. От напряжения глаза застилала мгла, пальцы сводила судорога. А переписчик писал и писал при свете лучины. И с какой радостью он выводил в конце книги: «Закончил! Закончил! Аминь!» Встречалась и такая запись: «Рука, что писала это, сгниёт в могиле, написанное останется на долгие годы...»

Книг было мало, они читались и перечитывались много раз, в них искали советы и наставления. У богатых людей собирались большие библиотеки, существовал культ книги.

Вот как писал о книгах автор летописи «Повесть временных лет»:

Это — реки, напояющие вселенную,
это источники мудрости,
в книгах ведь неизмеримая глубина...

Знакомство с произведениями древнерусской литературы даст вам знания о наших далёких предках, их взглядах на мир, их мышлении, а также поможет лучше понять литературу позднейших времён. Читая произведения древних авторов, вы найдёте в них глубокие мысли, высокие идеалы, прекрасные поэтические образы.

1. Когда и почему возникла древнерусская литература? Какие виды и жанры в ней существовали?
2. Как создавались древние книги? Как они выглядели?
3. Для чего нужно знать древнюю литературу?

Летописание

Среди жанров древнерусской литературы центральное место занимает **л е т о п и с ь** — запись исторических событий по годам, или, как говорили в старину, по **лётам**. Древнейшая русская летопись, которая дошла до нас, — «Повесть временных лет», составленная в начале XII века Нестором, учёным монахом Киево-Печерского монастыря.

В ней повествуется, «откуда есть пошла Русская земля», как жили славянские племена в древности, о крещении Руси и других исторических событиях.

Писались летописи с целью оставить потомкам свидетельства о том, что было. Однако летопись — не только документ, но и интересная книга, включающая произведения разных литературных жанров:

рассказы, повести, сказания. Значительное место в летописи занимают с к а з а н и я — устные исторические предания в литературной обработке летописца. К сказаниям летописец обращался тогда, когда у него не было более достоверного материала. Вот почему сказания часто встречаются в той части летописи, где излагаются события очень далёкого прошлого. Рассказывая о них, летописец мог опереться только на один источник — устное историческое предание — и отбирал то, что казалось ему наиболее значительным и интересным.

Сказания нельзя путать со сказками. В основе сказки — вымысел, фантазия, а в основе сказания — сведения о когда-то происшедших событиях.

СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА

И жил Олег, княжа в Киеве, мир храня со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить и уже не садился на него. Ибо когда-то спрашивал он волхвов¹ и кудесников:

— От чего мне умереть?

И сказал ему кудесник один:

— Княже! Коня любишь и ездешь на нём, — от него тебе и умереть!

Олегу запали слова эти в душу, и сказал он:

— Никогда не сяду на него и не увижу его больше.

И повелел кормить коня и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошёл на греков.

¹ *Волхвы* — кудесники, волшебники, предсказатели; они молились богам, лечили людей, а также сохраняли древние сказания, передавая их следующим поколениям.

Когда вернулся Олег от Царьграда¹ в Киев и прошло четыре года, на пятый год вспомнил он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старшего конюха и сказал:

— Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?

Тот же ответил:

— Умер!

Олег тогда засмеялся и укорил того кудесника, сказав:

— Не правду говорят волхвы, но только ложь: конь умер, а я жив.

И повелел оседлать себе коня:

— Да увижу кости его.

И приехал на место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и посмеявшись сказал:

— От сего ли черепа смерть мне принять?

И ступил ногою на череп. И выползла змея из черепа и ужалила его в ногу.

И с того разболелся и умер. И оплакивали его все люди плачем великим и понесли его и похоронили его на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и до сего дня, слывёт могилой Олеговой. И было всех лет княжение его тридцать и три.

1. Как вы определите, что летописное сказание было создано в далёком прошлом?
2. Как вы думаете, какова роль повторяющегося в начале почти каждой фразы *и* в создании интонационной окраски текста?
3. Чем может быть интересно древнее сказание современному читателю?

¹ По преданию, Олег прибил свой щит над воротами Царьграда в знак победы. Царьградом на Руси называли Константинополь — столицу Византии.

По мотивам летописного сказания

Александр Сергеевич Пушкин, используя летописное сказание о смерти Олега, написал стихотворение «Песнь о вещем Олеге». Читая пушкинские строки, представьте то далёкое время, а вслушиваясь в звучание волшебных стихов, подумайте, почему поэт назвал своё произведение «Песнью...».

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ¹ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам²,
Их сёлы и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам³;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

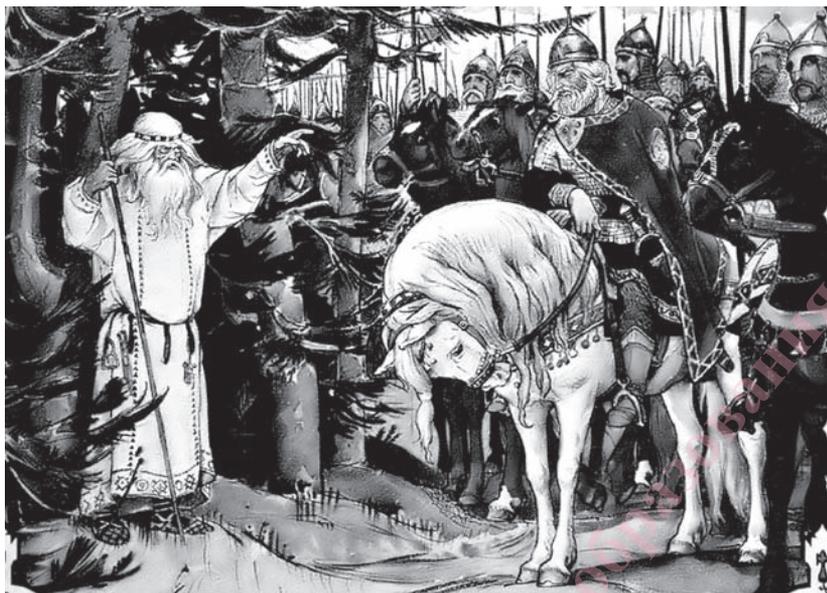
Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

¹ *Вещий* — мудрый, проницательный, дальновидный.

² *Хазары* — народ, живший в VIII—XI вв. в низовьях Волги и на Северном Кавказе.

³ *Обрёк он мечам и пожарам* — разрушил и сжёг.

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ¹, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...

¹ *Пращ* (или *пращá*) — сложенный петлёю ремень или верёвка для метания камней.

Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю¹.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи², возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».

И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.

¹ *Бра́нное по́ле* — поле битвы. *Брань* (устар.) — битва.

² *Отроки-дру́ги* — здесь: слуги князя.

И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег,
— Скажите, где конь мой ретивый¹?
Здоров ли? всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет² ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль³.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне⁴, уже недалёкой,

¹ *Ретивый* — здесь: быстрый, бойкий.

² *Внимать* — слышать (отсюда: внимательный).

³ *Ковыль* — степной дикорастущий злак с узкими листьями.

⁴ *Тризна* — обрядовые действия и пиршество в память умершего.

Не ты под секирой¹ ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змея,
Шипя, между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1. Вы прочитали стихотворение А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Что вас взволновало, что запомнилось?
2. Какими вы представляете себе князя Олега, кудесника?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Прочитайте стихотворение про себя. Когда и где происходят события? Расскажите о нравах, обычаях того далёкого времени, используя слова и выражения из текста.
2. Каким вы представляете князя Олега? Определите эпизоды, которые помогут вам в этом. Обратите внимание на описание внешнего облика князя, манеру держаться, поведение в момент разговора с кудесником; на его размышления над предсказанием, отношение к коню.
3. Каким вы представляете кудесника? Откуда он появляется перед княжеской дружиной? Какие эпитеты употребляет Пушкин, характеризую его внешний облик, речь, поведение?

¹ *Секíра* — старинное оружие в виде топора на длинной рукояти.

4. Какой эпизод в стихотворении самый напряжённый, волнующий? Подробно опишите участников эпизода, их речь, поведение.
5. Какие детали свидетельствуют о том, что между предсказанием кудесника и смертью князя прошло много времени?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Почему А. С. Пушкин изображает рядом с князем Олегом *вдохновенного* кудесника?
2. Почему стихотворение заканчивается не описанием смерти Олега, а описанием тризны?
3. Попробуйте доказать, что стихотворение Пушкина — эпическое произведение.
4. Подготовьте выразительное чтение отрывка из стихотворения. Передайте своё отношение к событиям и героям.

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ

В тексте помещена иллюстрация В. М. Васнецова «Вещий Олег и волхв». Как изобразил художник князя Олега, кудесника? Такими ли вы представляли героев стихотворения?

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Подготовьте художественный рассказ о князе Олеге от лица его любимого дружинника.
2. Нарисуйте (устно, карандашами, красками) иллюстрацию к стихотворению.
3. Составьте сценарий диафильма (парная или групповая работа) к стихотворению: восстановите последовательность событий, определите количество кадров диафильма, продумайте детали при описании героев и событий.

ЖАНРЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

БАСНЯ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР

Басни создавались в глубокой древности неизвестными художниками слова и передавались из уст в уста на протяжении многих столетий. Так было в Древней Греции, Китае, Индии. Мудрость басен, их краткость, поучительный смысл нравились людям. Когда появилась письменность, басни стали записывать. Создателем басен, имя которого дошло до нас, считается знаменитый древнегреческий баснописец Эзоп. Он жил примерно в VI веке до нашей эры. По преданию, жизнь его закончилась трагически: он был сброшен со скалы в море за вольнодумство. Проявлением этого вольнодумства и были басни, сделавшие имя Эзопа бессмертным. Сюжеты его басен привлекали многих писателей, которые пересказывали их по-своему.

В младших классах вы читали басни И. Крылова «Стрекоза и Муравей», «Зеркало и Обезьяна», «Мартышка и Очки».

Что же такое басня как жанр? Начнём с того, что басня — это короткий нравоучительный рассказ, чаще всего стихотворный.

Басни учат читателя быть трудолюбивым, честным. Учат добрым нравам. Нравоучительный смысл обычно подчёркивается в словах автора, находящихся

в начале или в конце басни. Оценка событий автором называется м о р а л ь ю басни. Так, мораль басни «Стрекоза и Муравей» содержится в словах: «Ты всё пела? это дело, / Так поди же попляши!»

В баснях действующими лицами являются звери, птицы, растения, даже предметы. Но они ведут себя как люди. За легкомысленной стрекозой вы видите беспечного, беззаботного человека, за свиньёй под дубом — человека неблагодарного и глупого. Такое изображение жизни, в котором скрывается иной смысл, называется а л л е г о р и е й.

Басни обычно пишут стихами. Но это особые стихи. Они называются в о л ь н ы м и. Вольный стих приближает басню к разговорной речи: в строках различное количество слогов, нет строф, стихотворные строки объединяются свободно. Вольные стихи дают возможность лучше рассказать о повседневной жизни людей, внести в басню разговор действующих лиц, передать быстроту и живость действия. Вольный стих помогает басне стать маленьким живым рассказом.

Теперь можно вернуться к определению басни и уточнить его.

 Басня — это небольшой, чаще всего стихотворный, нравоучительный рассказ, в котором есть иносказание (аллегория) и выделенная автором мораль.

С этими признаками басни вы встретитесь в произведениях Крылова, где есть забавный рассказ, и аллегория, и мораль.

- 1. Когда возникла басня?
2. Назовите основные признаки басни.
3. Почему басня — эпическое произведение?

Иван Андреевич
КРЫЛОВ

1769—1844

Имя И. А. Крылова, его басни знакомы вам с раннего детства. Великого баснописца уже при жизни знали и любили. А. С. Пушкин считал Крылова самым народным из русских поэтов. «Книгой мудрости самого народа» называл его басни Н. В. Гоголь.

Читая его басни, вы смеётесь над героями — потешными зверями, иногда хитрыми и злыми, иногда глупыми. Но хорошо понимаете, что Крылов высмеивает и разоблачает человеческие пороки и недостатки: лень, зависть, невежество, лицемерие.

Язык басен Крылова удивительно прост и ясен. Стихи звучат как живой, непринуждённый разговор. Читаешь басни — и словно видишь перед собой яркие, живые сцены жизни.

Почти на все языки мира переведены басни Крылова. Читайте их, не забывайте мудрого баснописца. Его басни всегда дадут добрый совет, предостерегут от нехороших поступков и ошибок.

1. Как о И. А. Крылове отзывался А. С. Пушкин?
2. Как оценивал басни И. А. Крылова Н. В. Гоголь?
3. Какие из басен вы читали? Чем они интересны?

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим.

Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший¹ Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью,

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне ещё и от роду нет году», —
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

¹ *Светлейший* — почётное обращение к особенно знатным вельможам.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал — и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

1. Какими вы представляете героев басни?
2. Кому из них сочувствуете? Кого осуждаете?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Где и почему встретились Волк и Ягнёнок? В каких словах автор выражает своё отношение к встрече?
2. Как ведёт себя в споре Волк? Обратите внимание на интонационные оттенки его речи.
3. Объясните смысл выражения *делу дать хотя законный вид и толк*.

4. Понаблюдайте за речью Ягнёнка. Какие слова он употребляет? Убедительно ли он говорит о своей невинности? Почему же он не убедил Волка?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. В каких словах выражена главная мысль басни?
2. Как автор относится к своим героям?
3. Приведите примеры, доказывающие, что басня И. Крылова имеет обобщающий смысл и её мораль можно применить ко многим случаям из жизни.
4. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

1. Рассмотрите иллюстрацию А. Лаптева к басне «Волк и Ягнёнок», помещённую в тексте. Поделитесь впечатлениями.
2. Поинтересуйтесь, какие ещё художники иллюстрировали басни И. Крылова.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Подготовьте чтение¹ басни в лицах (групповая работа): распределите роли, постарайтесь в чтении верно передать характер и настроение героев басни.

КВАРТЕТ²

Проказница Мартышка,
Осёл,
Козёл
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альт³, две скрипки

¹ См. далее статью «Как читать басню» (с. 38).

² *Квартет* — музыкальное произведение для четырёх инструментов или ансамбль из четырёх музыкантов.

³ *Бас, альт* — струнные или духовые музыкальные инструменты с низким звучанием.

И сели на лужок под липки —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. —
Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима¹, сяду против вторы²,
Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осёл, — мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдёт на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.

¹ *Прима* — здесь: первая скрипка.

² *Втора* — здесь: вторая скрипка.

Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить
сомненье.

«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:

И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь, как нам сесть!» —

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье

И уши ваших понежней, —

Им отвечает Соловей, —

А вы, друзья, как ни садитесь,

Всё в музыканты не годитесь».

1. Что вам показалось комичным и нелепым в поведении героев басни?
2. Кто особенно смешон?
3. Чем вас насмешили слова Мартышки, Осла?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Случайно ли именно этих зверей собрал вместе И. Крылов?
2. О чём герои басни постоянно спорят?
3. Перечитайте первые девять строк басни. Обратите внимание на слова, в которых выражено отношение писателя к героям. Верит ли автор, что игра получится?
4. Попробуйте передать при чтении иронию Крылова в отношении игры *музыкантов*.
5. Почему автор выбрал судьёй именно Соловья?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какова главная мысль басни «Квартет»?
2. К каким случаям из жизни можно применить мораль этой басни? Приведите примеры.
3. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?
4. Подготовьте выразительное чтение басни.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Подготовьте (устно или письменно) рассказ на тему «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь». Подумайте, какой случай из вашей жизни или из жизни ваших друзей вы положите в основу рассказа.

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

1. К басне «Квартет» в тексте помещена иллюстрация, которую выполнили художники Кукрыниксы. Рассмотрите её. Насколько позы «музыкантов» на иллюстрации соответствуют изображению в тексте басни и их репликам?
2. Найдите и рассмотрите также иллюстрации В. Серова, А. Лаптева и других художников к этой басне.

Как читать басню

Басни требуют особого исполнения. Их выразительно *рассказывают*, сохраняя темп и интонации разговорной речи.

Чтение басни одним лицом. Вначале перескажите басню от первого лица: представьте, что вы сами «видите» всё, что происходит в басне. Например, начало пересказа басни «Волк и Ягнёнок» может быть таким: «Как-то в жаркий летний день бродил я по лесу — и вышел к ручью. Вдруг я услышал шорох в кустах... Это пробирался к ручью маленький ягнёнок...» В пересказ обязательно вставляйте ваши оценки поступков и характеров героев басни. Например, о Волке: «Какой он злобный и коварный!» Ваши оценки — это подтексты отдельных частей басни. Они подскажут вам правильную интонацию пересказа от первого лица при чтении басни наизусть.

После пересказа басни сделайте разметку (или партитуру) текста, используя следующие условные обозначения:

- / — пауза в конце стихотворной строки;
- // — пауза после точки;
- — выделение слова голосом (логическое ударение);
- == — сильное выделение слова голосом (сильное логическое ударение);
- ↗ — повышение голоса;
- ↘ — понижение голоса.

Вот как будет выглядеть отрывок из басни «Квартет» после такой работы:

Проказница Мартышка,

Осёл, /

Козёл /

Да косопалый Мишка /

Затеяли сыграть Квартет. // *Подтекст* **Надо же! Что придумали!!**

Какие они разные!
 Вертлявая Мартышка,
 глупый Осёл,
 упрямый Козёл,
 неуклюжий Мишка.

Чтение басни в лицах. Исполнение басни в лицах отличается от рассказывания её одним лицом. Здесь исполнители уже не очевидцы событий, а действующие лица. Они разыгрывают маленькую сценку.

В басне бывает несколько героев, и всегда есть автор, который по-разному их оценивает. Например, мы чувствуем осуждение автором Волка и сочувствие Ягнёнку в басне «Волк и Ягнёнок». Это отношение надо передать в чтении. Неодинаково будут звучать и слова Волка и Ягнёнка: ведь один — груб и зол, а другой — вежлив, честен, справедлив.

Ваше чтение должно помочь слушателям пережить вместе с вами события басни и понять её мораль, почувствовать нелепость всей ситуации, а также глупость и самонадеянность «артистов». Читать басню в лицах очень интересно, но это надо делать умело. Сначала распределите роли, затем сделайте разметку

текста (каждый решит, как нужно читать свою роль).
Читающему слова автора нужно подумать, как он
относится к героям басни — ведь от этого во многом
будет зависеть воздействие его чтения на слушателей.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счёты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» —
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же ещё тарелку он берёт:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян. — Зато уж чванных¹ не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак² и шапку,

¹ *Чванный* — любящий славу, любящий важничать, вы-
ставляя напоказ свои достоинства, тщеславный.

² *Кушак* — пояс, чаще широкий, длинный, матерчатый,
несколько раз охватывал в талии верхнюю мужскую одежду.

Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

* * *

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой¹ имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза, и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

1. Что самое комичное в сцене, изображённой И. Крыловым?
2. Какие смешные детали (слова, выражения, интонации) вы заметили?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Какими словами, с какой интонацией Демьян спрашивает Фоку съесть ещё тарелочку? Найдите эти выражения.
2. Какими словами Фока просит хозяина не настаивать на своём? Перечитайте эти строки басни. Убедительно ли говорит Фока?
3. Почему Демьян не слушает соседа? Слышит ли он его?
4. Какая черта в характере Демьяна открывается читателю в его реплике *Да кланяйся, жена!*?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какова главная мысль басни «Демьянова уха»? Где она прямо выражена и кому адресована?
2. К каким случаям из жизни можно применить мораль этой басни? Приведите примеры.
3. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?
4. Подготовьте выразительное чтение басни, можно в лицах.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Постарайтесь сделать 1—2 иллюстрации к басне.
2. Найдите иллюстрации А. Лаптева, Кукрыниксов. Сравните: кому из художников удалось точнее передать ситуацию, изображённую Крыловым? Какие её детали переданы разными способами?

¹ *Прямой* — здесь: настоящий, большой.

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей являть своё искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры¹:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

* * *

Избави, Бог, и нас от этаких судей.

¹ *Аврора* — богиня утренней зари (по римской мифологии).

1. Что в случае, изображённом в басне, показалось вам смешным и нелепым?
2. Над кем из героев смеётся автор?
3. Как вам кажется, в чём причина самоуверенности Осла?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Почему именно Осёл выбран И. Крыловым судить о соловьином пении?
2. Какими словами передаёт автор красоту и искусство соловьиного пения? Перечитайте эти строки басни.
3. Обратите внимание на слова, в которых выражено воздействие соловьиного пения на живую и неживую природу, человека. Прочитайте их ещё раз.
4. Как вы думаете, почему пастух, слушая Соловья, ничего не говорит пастушке, а только молча улыбается?
5. Попробуйте передать тон, в каком Осёл судит о пении Соловья. Почему этот тон и смысл его слов смешны и нелепы?
6. Почему Соловей ничего не ответил Ослу?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какова главная мысль басни «Осёл и Соловей»? Где она прямо выражена?
2. К каким случаям из жизни можно применить мораль этой басни? Приведите примеры.
3. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?
4. Подготовьте выразительное чтение басни, можно в лицах.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Расскажите (устно или письменно) о ситуации, похожей на ту, которую изобразил баснописец. Подумайте, какой случай из жизни или из прочитанного в книгах или газетах вы положите в основу рассказа.

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ

Найдите иллюстрацию к басне «Осёл и Соловей» художника А. Лаптева. Рассмотрите её. Как художнику удалось передать характер Осла?

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная! — промолвил Дуб ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

* * *

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды.
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

- ?
1. Что в басне вам понравилось?
 2. Чьи слова показались вам разумными? Почему?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Какими словами из речи Свиньи автор передаёт её невежество, самоуверенность и глупость? Перечитайте эти строки басни.
2. Сопоставьте слова и поведение Свиньи. Как вы думаете, почему их смысл совпадает?
3. Почему именно Ворон выбран автором в судьи поведения Свиньи?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какова главная мысль басни «Свинья под Дубом»? Где она прямо выражена?
2. К каким случаям из жизни можно применить мораль этой басни? Приведите примеры.
3. Подготовьте выразительное чтение басни, можно в лицах.
4. Одну из басен И. Крылова выучите наизусть.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Расскажите (устно или письменно) о ситуации, похожей на ту, которую изобразил баснописец.

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

1. Найдите иллюстрацию к басне «Свинья под Дубом» художника А. Лаптева. Рассмотрите её. Как художнику удалось передать характер Свиньи?
2. Найдите и рассмотрите также иллюстрации В. Серова, В. Конашевича, В. Фаворского, Кукрыниксов и других художников к басням И. Крылова.

РАССКАЗ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР

Рассказ — одна из малых жанровых форм эпоса. Это прозаическое произведение, в основу которого положен несложный сюжет. В рассказе речь может идти о каком-нибудь случае из жизни одного-двух героев. Главным звеном сюжета считается самый напряжённый момент в развитии действия — *кульминация*. Кульминации обычно предшествуют несколько эпизодов, в которых действие нарастает.

А начинается развитие действия с *завязки* — с того момента, когда события рассказа развёртываются в направлении кульминации. Завязке может предшествовать *экспозиция* — несколько абзацев или фраз текста, которыми автор вводит читателя в пове-

ствование, говорит о месте и времени происходящего события, сообщает что-либо о героях. После самого напряжённого момента следует *развязка* — результат решительного поступка героя.

Итак, *звенья сюжета* в рассказе можно представить как дугу:

Композиция — построение художественного произведения, соотношение его частей, размещение их по отношению друг к другу, например последовательность глав в большом рассказе.

Если *сюжет* — это цепь эпизодов, событийный ряд, то *композиция* — это *соединение, стыковка* разных частей произведения, в том числе и эпизодов. В композицию входят части текста, не относящиеся к сюжету: *описания* (портрет, пейзаж), *авторские отступления* (например, повествования о прошлом героя). Вы помните, наверное, как в рассказе «Муму» И. С. Тургенев говорит о жизни Герасима в деревне, о его работе в качестве дворника. Всё это части текста, которые не входят в сюжет, но включаются в композицию.

Построение рассказа, его композицию, то есть целесообразность размещения автором того или иного

отрывка текста именно в этом месте, лучше всего рассмотреть на конкретном примере. В рассказе Л. Толстого «Кавказский пленник», который вы изучали в V классе, отчётливо видна *композиция*, то есть стыковка и соотношение частей. Пленение Жилина, его пребывание в татарском ауле, попытки бежать, помощь Дины. Вступительная часть нужна, чтобы читателю было понятно всё, что произошло дальше. Значит, композиция, как и сюжет, подчинены *авторскому замыслу*. Иначе говоря, композиция обусловлена тем, что и как хочет сказать писатель о своём герое. Можно отчётливо представить композицию произведения, если составить его план, то есть выделить смысловые части, обозначив их заголовками.

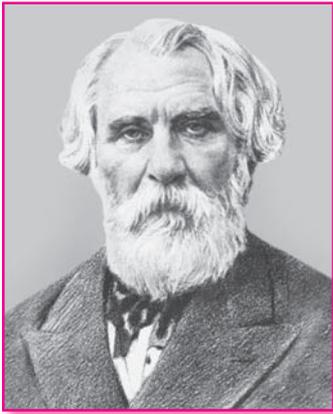
Композиция, как и сюжет рассказа, подчинена главной цели — изображению человека, его переживаний, размышлений, изображению окружающей жизни. Это значит, что и композиция, и сюжет зависят от того, как автор видит и понимает человека, которого он хочет изобразить.

Главное отличие рассказа от сказки в том, что в сказке с самого начала есть установка на вымысел, а рассказ с первой фразы претендует на правдивость, соответствие реальной жизни.

В рассказе никогда не бывает ни прямого, ни косвенного правоучения. Автор рассказа стремится передать жизнь так, как он её понимает. А дело читателя — самому разобраться и всё самостоятельно оценить, выяснив авторские оценки изображённой ситуации и участвующих в ней героев.

1. Почему рассказ относится к эпическим жанрам? Почему его называют малой жанровой формой?
2. Какие элементы сюжета вы знаете? Что такое кульминация? Почему завязка и развязка так называются?
3. Что такое композиция? Назовите внесюжетные элементы текста.

Иван Сергеевич
ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Первая книга Ивана Сергеевича Тургенева вышла в 1852 году. Это был сборник рассказов «Записки охотника». Многие страницы в нём занимают описания природы. До И. Тургенева ни у кого из русских писателей не было такого редкостного дара — широкими полотнами изображать в прозе природу средней полосы России, где красота не яркая, не броская, а тихая и незаметная. Писателя привлекают оттенки красок, их едва уловимые полутона. Он любит словесно рисовать переходы природы из одного состояния в другое: дня — в вечер, а потом в ночь, рождение утра, восход солнца.

С детства будущий писатель отличался любознательностью, стремлением заметить, запомнить, понять мельчайшие проявления живой природы. Отсюда берёт начало дар наблюдательности.

Автор «Записок охотника» находит прекрасное в каждом проявлении природы, пытается разгадать её вещей язык, тайну. Есть ещё одна особенность тургеневских пейзажей. В них нет прямо выраженного восхищения, восторженных слов и восклицательных знаков. Благородная сдержанность и чувство меры сочетаются с поэтичностью и тонкостью авторского

восприятия всего, что он описывает. Лирическое начало в тургеневском пейзаже чуткий читатель ощутит всегда.

Человек, как видит его Тургенев, — тоже создание природы, он тесно связан с нею, он чувствует её в себе и себя в природном мире.

Когда вы будете читать рассказ «Бежин луг», обратите внимание на пейзажи, на то, как изображены крестьянские дети, как слиты их души с жизнью природы, чудесным и таинственным в ней, вечными загадками жизни и смерти.

БЕЖИН ЛУГ

(Из «Записок охотника»)

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное¹ — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами

¹ *Лучезáрное* — сверкающее, сияющее.

ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны¹, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последнее из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости². В такие дни жар бывает иногда весьма силён, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ³ немилосердно резал мне плечо; но уже

¹ *Лазурный* — цвета лазури, светло-синий.

² *Кротость* — покорность, смиренность.

³ *Ягдташ* — охотничья сумка для дичи.

вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь»¹ кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я. — Да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги; какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мною, а за ними далеко-далеко виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да

¹ *Площадь* — в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. (Примечание И. С. Тургенева.)

это Парахинские кусты! — воскликнул я наконец, — точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашёл? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная¹, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой². Уже я с трудом различал отдалённые предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи.

Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

Что я было принял за рощу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлто-пегую³ собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостом, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я от-

¹ *Неторная* — ненаезженная, нехоженная.

² *Межа́* — граница земельных участков.

³ *Пегий* — пятнистый, пёстрый (о масти животных).

чаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими¹ боками; на дне её торчало стоймя несколько больших белых камней, — казалось, они сползлись туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверёк слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я всё ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдёргнул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертанья отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и

¹ *Полóгий* — покатый, не крутой.

прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой и кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках¹ под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков², дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю, ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся

¹ *Околóток* — окружающая местность, окрестность.

² *Гуртовщи́к* — хозяин и погонщик гуртов (гурт — стадо скота, которое гонят на продажу).

они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейниками в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозняка и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо

смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг них; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему изо всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так,

для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаха с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок¹, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были включенные, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый — что и говорить! — а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи² да из заплатанных портов. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи³; толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было

¹ *Армячок* от *армяк* — крестьянский кафтан из тонкого сукна.

² *Замашная рубáха* — рубаха из холста.

³ *Онучи* — портянки, обмотки для ног под сапоги или лапти.

невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить, но странное впечатление производили его большие, чёрные, жидким блеском блестящие глаза; они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке, по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложенья тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирённо прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котёльчик висел над одним из огней; в нём варились «картошки».

Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Ильюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль, Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали¹ о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Ильюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

¹ *Калякать* (прост.) — разговаривать, беседовать.

— В старой рольне¹.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках² состоим.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребяташки; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребяткам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребята, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-от, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то³ спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к

¹ *Рольня* и *черпальня* — строение на бумажных фабриках, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Примечание И. С. Тургенева.)

² *Лисовщики* гладят, скоблят бумагу. (Примечание И. С. Тургенева.)

³ *Дворцо́м* называется то место, по которому вода бежит на колесо. (Примечание И. С. Тургенева.)

двери наверху, да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма¹ зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл, да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварилась?

Павлушка пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покатилась.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, наметались что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

¹ *Форма* — сетка, ею бумагу черпают. (Примечание И. С. Тургенева.)

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый: пошёл он раз, тятенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи да и заблудился; зашёл — Бог знает куды зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она, знай, хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеку, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы

мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятливо стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчания, — да как же это может такая лесная нечисть христианскую душу спортить, он же её не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил¹, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатях², всё слышал.

— Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Ильюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся³ звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься — и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как

¹ *Ба́ять* — говорить, рассказывать.

² *Пола́ти* (устар.) — в избе нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной.

³ *Стелющийся* от *стенать* — стонать, кричать со стоном.

будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел, — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

— А слышали вы, ребятки, — начал Ильюша, — что намеднись у нас на Варнавицах произошло?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки¹, овраги, а в оврагах всё казюли² водятся.

— Ну, что такое случилось? рассказывай...

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могилка его ещё видна, да и та чуть видна: так — бугорочек... Вот на днях зовёт приказчик псаря Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмелён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет

¹ Буера́ки — овраги.

² Казю́ли (по-орловскому) — змеи. (Примечание И. С. Тургенева.)

Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек — ничего. Вот идёт Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, храпит, головой трясёт; однако он её отпрукал¹, сел на неё с барашком и поехал опять, барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...» Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что там? что такое? — спросили мальчики.

¹ *Отпру́кать* от *тпру* — возглас, которым возница останавливает лошадь.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукою на лошадь, — так, что-то собаки зачуяли. Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Ильюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). — Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. Ещё бы! ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумлённый Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

— Разрыв-травы¹, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

— Вишь какой! — заметил Федя, — мало, знать, пожил.

— Экое диво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу² видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Ильюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... — Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть³ на церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видала она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя.

— Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только всё как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идёт...

¹ *Разрыв-травá* — по народным поверьям, в народных сказках волшебная трава, с помощью которой открываются любые замки и запоры.

² *Родительская суббóта* — одна из суббот в октябре, которая, по старому русскому обычаю, посвящалась поминанию умерших родственников.

³ *Па́перть* — крыльцо перед входом в церковь.

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идёт и головушки не подымает...

А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться — ах ты, Господи! — сама идёт по дороге, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросил Федя.

— Ей-богу, сама.

— Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

— Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымилась и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, — налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли это душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное¹?

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

¹ Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Примечание И. С. Тургенева.)

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на́ поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление»¹. Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку² увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Ильюша, — ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто³ будет такой человек удивительный, который придёт, а придёт он, когда наступят последние времена⁴. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по дорогам;

¹ *Светопреставлѣние* — конец света. *Преставлѣние* от *преставитъся* — умереть.

² В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе. (Примечание И. С. Тургенева.)

³ *Эвто* — искажённое «это».

⁴ *Послѣдние временá* — конец света.

и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ христианский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! ой, Тришка идёт!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то, враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар¹, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчики засмеялись и опять приумолкли на мгновенье, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не

¹ *Бочар* (или бóндарь) — мастер, изготавливающий из узких дощечек деревянную посуду, бочки, лохани.

было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли... Станный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и спустя несколько мгновений повторился уже далее...

Костя вздрогнул: «Что это?»

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя... — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь...

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл — знаешь, там, где он сугибелью¹ выходит, там ведь есть бучило²; знаешь, оно ещё всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезненный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

¹ *Сугибель* — крутой поворот в овраге. (Примечание И. С. Тургенева.)

² *Бучило* — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Примечание И. С. Тургенева.)

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат.

— Лягушки? Ну нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) — Эк её! — невольно произнёс Костя, — словно леший кричит.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Ильюша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани Бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, — пфу!..

— А зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на Божьи звёздочки, — что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, опёрся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились. <...>

Павел встал и взял в руки пустой котёльчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить. Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упави в реку! — крикнул ему вслед Ильюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащут. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что её любовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдёт. Бывало, пойдёт-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул, Господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васина шапонецка по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утонул; ляжет, братцы мои, да и затащит песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот её-то она и затащит, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

— А вот Павлуша идёт, — молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — неладно дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, Господи! ах ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Ильюша.

— Ну, ничего, пушай! — произнёс Павел решительно и сел опять, — своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову. Павел прислушался.

— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда же они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц вошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, предрассветным сном.

В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понуриив головы... Сладкое забытье напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редяющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убили, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

1. Что вам показалось интересным и близким в этом рассказе?
2. Какие эпизоды произвели на вас наибольшее впечатление? Как вы это можете объяснить?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Какой из рассказов мальчиков кажется вам самым интересным? Чем? Какой вам хотелось бы перечитать ещё раз?
2. Вы, наверное, заметили, что рассказчиков трое. Это Ильяша, Костя и Павлуша. Выберите из текста все истории, рассказанные каждым из них. Чей рассказ больше других напугал мальчиков, чей развеселил? Как вы думаете, чей рассказ больше нравится автору?
3. То, что рассказывает человек, всегда его каким-то образом характеризует. Как вам кажется, чем отличаются друг от друга три мальчика-рассказчика по своему отношению к окружающему (то есть какие стороны жизни и поведения людей наиболее интересны для каждого из них)? Сравните манеру рассказывания. Чем она отличается у Кости? у Павлуши? у Ильяши? Обратили ли вы внимание на интонацию каждого рассказчика? Как вы думаете, кому подражают ребята в манере повествования?
4. Сравните портреты мальчиков. Какая художественная деталь в них подчёркивается? Попробуйте сопоставить портрет и рассказ каждого из ребят. Какие отличия становятся заметны в их характерах, интересах, поведении? Кто из них более деятельный и смелый? Кто мечтатель и фантазёр? У кого более заметен дар поэтического воображения? Кто из мальчиков лучше знает жизнь природы?
5. Какие поступки Павлуши вызвали восхищение автора? Какие черты характера видны в этих поступках? Почему рассказ закончен сообщением о смерти Павлуши?

6. Как вы думаете, есть ли связь между рассказами мальчиков и тем, что автор-повествователь заблудился, чуть не упал с обрыва? Если есть, то какая?
7. Перечитайте тургеневские пейзажи ещё раз. Их в рассказе несколько. Изображён июльский день от раннего утра до позднего вечера, ночь и утро следующего дня. На какие детали этих описаний вы могли бы указать как на результат тонкой наблюдательности писателя, его обострённого внимания к тому, что происходит в природе? Найдите в описаниях природы сравнения, метафоры и олицетворения. Какова их роль? Как вам кажется, автор просто наблюдает и регистрирует то, что заметил, или он восхищается, волнуется, радуется, удивляется? Как вы думаете, присутствует ли в этих описаниях лирическое начало?
8. Какой пейзаж вам понравился, вызвал отклик в душе? Может, вы сами когда-нибудь наблюдали восход солнца, рождение утра или какие-нибудь другие перемены в природе?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Каково отношение автора к природе, крестьянским детям, их рассказам? Что главное увидел и понял писатель в ребятах? Как вам кажется, есть ли связь между одухотворёнными образами мальчиков и общей антикрепостнической направленностью «Записок охотника»?
2. Каким образом такие разнородные элементы, как развёрнутые пейзажи, портреты ребят, их рассказы, соединены в одном произведении? Что их скрепляет, придаёт повествованию единство, цельность? Попробуйте объяснить композиционную целесообразность любого из названных элементов рассказа.
3. Из чего складывается образ повествователя-рассказчика в сознании читателя? В каком месте рассказа автор прямо выражает своё отношение к героям и ситуации? Каким тоном он ведёт повествование? Каким общим настроением проникнуто произведение Тургенева?

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Выразительное чтение. Выберите понравившийся вам рассказ одного из мальчиков. Какова его интонация? Попробуйте её воспроизвести так, чтобы ваши слушатели замерли в ожидании следующего слова. Потренируйтесь в выразительном чтении.
Подготовьте выразительное чтение одного из пейзажей — того, который вам больше понравился. Несколько фраз из него выучите наизусть.
2. Дневник наблюдений. Понаблюдайте за изменением освещения какого-нибудь предмета (стены дома, дерева, зарослей, крыши и т. п.) в течение дня — утром, днём, вечером, в сумерках. Запишите свои наблюдения как можно точнее. Что интересного вы заметили?
Понаблюдайте, как под ветром колышутся ветви деревьев. Если ветер слабый или порывистый, то какие веточки будут колебаться? Запишите свои наблюдения.
Прислушайтесь, как шелестят под ветром листья разных деревьев. Есть ли разница в шорохах, шелесте листьев? Какими словами можно передать эту разницу?
Понаблюдайте за выражением глаз и лица ваших родных, знакомых, товарищей по классу, учителей. Присмотритесь, какое выражение глаз и лица характерно (то есть чаще всего бывает) для того или иного человека. Как оно изменяется, когда он говорит, рассказывает или слушает, смеётся, сердится? Попробуйте найти точные слова, чтобы передать это выражение. (Несколько точных слов или одна фраза могут стать главными в литературном портрете человека.)
3. Сочиняем рассказ. Используя свои записи (заготовки), попробуйте рассказать о каком-нибудь случае, встрече, происшествии. Вставьте в подходящем месте пейзаж (хотя бы 2—3 фразы), портрет своего собеседника, встречного или случайного попутчика. Позаботьтесь о том, чтобы ваш рассказ получился интересным. Для этого придумайте занимательный сюжет. (Помните его элементы? См. с. 46.) Хорошо продумайте композицию, чтобы переход от одной части к другой был непринуждённым.

Если сочинение получилось, почитайте его товарищам, сравните, у кого оно лучше. Если вышло не очень удачно, продолжите свои наблюдения, записывайте, ищите точные слова для выражения чувств, настроений, записывайте интересные мысли и постарайтесь в следующий раз написать более живо и занимательно.

Сюжет и композиция рассказа

Как вы теперь видите, *сюжет* рассказа И. Тургенева несложен. Охотник целый день провёл в поисках дичи, вечером заблудился и вышел к Бежину лугу. Там наткнулся на мальчиков у костра, остался с ними ночевать и слушал их рассказы, присматривался к ним. Ранним утром дети погнали лошадей в деревню, а рассказчик отправился домой. Таков сюжет, то есть цепь событий.

А *композиция* рассказа намного сложнее. Большое место в тексте отводится *пейзажам*, изменениям в природе в течение суток. Повествование о мальчиках начинается с их развёрнутых *портретов*. Затем идут рассказы детей, имеющие форму монолога (то есть речи одного). Каждый монолог отличается своей интонацией, потому что манера рассказывания у ребят разная. С помощью портрета героя и его монолога автор создаёт образ действующего лица, раскрывает своеобразие его облика, внешнего и внутреннего. Так, писатель выделяет среди мальчиков Павлушу, отмечает особенности его внешности, изображает его поступки. Между монологами есть и диалог, то есть замечания, вопросы слушателей. В повествование о мальчиках И. С. Тургенев включает и свои замечания, наблюдения, иногда оценки.

Таким образом, пейзаж, портрет, монолог, авторские замечания не включаются в сюжет, а являются *элементами* (составными частями) композиции.

Пейзаж выступает для героев как фон, созвучный их настроению. Например, рассказы мальчиков о загадочном хорошо сочетаются с ночным пейзажем, странными и таинственными звуками ночи и вместе создают поэтическую картину жизни природы и человека в природном мире. Ведь непонятное, загадки судьбы, жизни, смерти волнуют человека с детства. Поэтому дети так любят говорить о загадочном и непонятном.

1. Какая разница между сюжетом и композицией рассказа? Каковы их элементы?
2. Какую роль играют портрет, монолог, пейзаж в раскрытии характеров персонажей?

**Антон Павлович
ЧЕХОВ**

1860—1904

Антон Павлович Чехов — мастер юмористического рассказа. Он умел подметить весёлое, смешное, любил пошутить. В этом нетрудно убедиться, прочитав его небольшие рассказы. Например, «Письмо к учёному соседу». Герой рассказа, помещик, узнав о большой учёности своего нового соседа, пишет ему письмо. Он говорит, что очень уважает науку и хотел бы вместе с ним сделать какое-нибудь открытие. При этом он делится своими сомнениями относительно

того, что на Луне могут жить люди. Ведь их не видно. Да и всё сыпалось бы оттуда на Землю, потому что Луна высоко в небе.

В произведениях А. Чехова много остроумных выражений, смешных деталей. Героиня одного рассказа так описывает свои наблюдения: «Солнце то всходило, то заходило».

У Чехова можно научиться замечать занятное и весёлое, забавные выражения и необычные ситуации. Во многих его рассказах центральное место занимают мелкие житейские события, смешные или удивительные случаи.

Чтение рассказов А. П. Чехова поможет вам развить чувство юмора — способность понимать смешное, весёлое, ценить его в повседневной жизни.

ХАМЕЛЕОН¹

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель² Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской³ с решетом, доверху наполненным конфискованным⁴ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пуцай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

¹ *Хамелеон* — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² *Надзиратель* — чин полицейского, в отличие от городского.

³ *Городовой* — низший чин полицейской охраны в городе.

⁴ *Конфискованный* от *конфисковать* — здесь: отобрать, отнять.

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пуцай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы

написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине.

В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой!¹ Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой² рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые³...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

¹ *Кривой* (разг.) — слепой на один глаз.

² *Мировой* — судья, разбиравший единолично мелкие дела, устанавливавший мир между спорящими сторонами.

³ *Легавые* — охотничьи собаки.

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Проخور зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1. Что в рассказе А. Чехова самое смешное?
2. Прочитайте те места, которые вас насмешили. На какие выражения и повороты действия вы обратили внимание?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Сколько раз Очумелов меняет отношение к Хрюкину и решение о судьбе собаки? От чего это зависит? Какую сторону служебных и человеческих отношений это приоткрывает? Какими комическими деталями автор сопровождает эти перемены? Какими репликами Очумелова?
2. Вызывает ли у вас сострадание потерпевший Хрюкин? Прочитайте его реплики. Каким человеком он вам представляется? Почему он говорит, что у него брат в жандармах?
3. Как ведёт себя толпа? Почему она смеётся не над Очумеловым и Елдыриным, а над потерпевшим? Чем потешает её положение Хрюкина?
4. Можно ли по рассказу судить о том, как протекает жизнь в городке? Чем заняты люди? Чем они развлекаются? Каковы их интересы? Хотели бы вы жить среди таких людей? Обоснуйте свой ответ.
5. Случаен ли подбор фамилий — Очумелов, Елдырин, Хрюкин? Как автор оценивает участников происшествия и как относится к тому, что описано?
6. Кто в рассказе вызывает сострадание и кому отдана симпатия писателя? Почему после чтения рассказа становится грустно?

ПРИСМОТРИМСЯ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ДЕТАЛЯМ

1. Прочтите ещё раз две первые фразы рассказа. Узелок в руке Очумелова — свидетельство того, что кто-то откупился от полиции или задабривает её. Слово «конфискованный»

употребляется обычно по отношению к какому-нибудь запрещённому товару на крупную сумму денег, который забирают у владельца в наказание за нарушение закона. Решето с крыжовником как конфискованный товар вызывает улыбку. Для чего писатель употребил эти художественные детали?

2. Ясно, что дело происходит летом, в жару. Тогда зачем Очумелов в новой шинели? Это для него предмет гордости, как шуба на лисьем меху на купце или чиновнике. Её надевали и в тёплое время, чтобы все видели богатую вещь. Кроме того, полицейский в шинели выглядит внушительнее. Какие ещё «говорящие» художественные детали текста могут быть таким же образом расшифрованы?
3. Какими словами изображена площадь, действующие лица? Какие портретные и речевые детали не позволяют перепутать героев?
4. Обратите внимание на то, как энергично строится фраза у Чехова. Каков порядок слов? их подбор?

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Рассказ легко превратить в пьесу, разыграть как комическую сценку. Можно снять небольшой фильм, предварительно написав сценарий. В текст сценария или пьесы войдут все слова автора в качестве или характеристики места действия, или указаний актёрам, как держаться и как строить мизансцену¹.
2. Приготовьте с товарищами выразительное чтение рассказа для «Театра у микрофона». Устройте конкурс групп чтецов. Постарайтесь так прочитать рассказ, чтобы слушатели от души посмеялись.
3. Попробуйте сами сочинить смешной или забавный диалог, кратко расскажите о происшествии или ситуации, насмешившей её свидетелей или участников. Запишите свой рассказ, добавьте придуманные вами художественные детали, которые сделали бы текст более ярким, красочным. Устройте в классе конкурс юмористических рассказов.

¹ *Мизансцена* — размещение актёров на сцене в тот или иной момент спектакля.

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

1. В тексте помещена иллюстрация Кукрыниксов к рассказу А. Чехова «Хамелеон». Найдите иллюстрации художников Д. Кардовского, Н. Вышеславцева к этому рассказу. Какие стороны ситуации и характеров действующих лиц выделяет каждый из художников?
2. Какие иллюстрации вы хотели бы нарисовать сами? А может, серию рисунков по типу комиксов? Или кадроплан? Кто был бы на них изображён? Опишите словами эти сцены. Какие строки из текста рассказа вы могли бы подписать под рисунками?

О рассказе А. П. Чехова

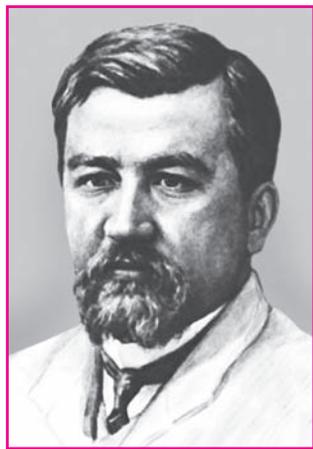
Присмотритесь к сюжету рассказа. В нём внесюжетные элементы (пейзаж, портрет), осложняющие построение текста, сведены к нескольким фразам или даже нескольким словам. Со звеньями сюжета вы познакомились ещё в V классе (завязка, кульминация, развязка), рассматривали сюжетную дугу на с. 46. С какого момента в рассказе Чехова начинается действие? Конечно, с тех нескольких слов, с которыми Очумелов «врезается в толпу». Это *завязка*. И дальше сюжет разворачивается как кривая линия, идущая то вверх, то вниз, снова вверх, и достигает *кульминации* в разговоре Очумелова с Прохором. Потом следует *развязка* — полицейский надзиратель лебезит перед генеральским поваром, отдаёт ему собаку и угрожает Хрюкину. А начало рассказа? Это *экспозиция*. Она включает описание места действия. «Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих». Далее автор вводит читателя в происшествие ещё до вмешательства Очумелова и делает это так, что мы становимся как бы свидетелями всей сцены. Её изображение полно точных деталей —

художественных, по которым легко представить себе, что происходит на площади. О некоторых мы уже говорили: о новой шинели полицейского надзирателя, узелке в его руке и конфискованном крыжовнике. В экспозиции к таким художественным деталям можно отнести «окровавленный палец» Хрюкина.

Воспроизводя речь действующих лиц, писатель всегда озабочен тем, чтобы интонация фразы была точной, то есть кроме прямого смысла слов несла дополнительную информацию о человеке, его отношении к людям и происходящему. В словах Очумелова «Я покажу вам, как собак распускать!» звучит прямая угроза. Она смягчается следующей фразой: «Пора обратить внимание на подобных господ...», потому что сам полицейский почувствовал, что слишком круто взял.

Александр Иванович КУПРИН

1870—1938

Александр Иванович Куприн — удивительный человек и необыкновенный художник слова. Вся его жизнь как яркий приключенческий роман. Куприн сменил множество профессий, в каждой из которых

хотел стать первоклассным мастером. Он стремился всё узнать, всё постигнуть сам. Большая часть произведений писателя так или иначе связана с его личным жизненным опытом.

Охотно и много Александр Иванович писал о детях и животных. Один из его героев говорит о себе: «Да я и вообще-то детей до безумия люблю! — детей и животных». В этом отношении писателя к детям и животным больше всего было трепетной нежности, доверия, теплоты. Чистосердечие и открытость души ребёнка особенно привлекали Куприна, потому что он и сам был человеком откровенным, искренним. По его мнению, в детях и животных отражались неиспорченность и красота самой природы, возможная для всех людей нравственная чистота.

В рассказах «Чудесный доктор», «Бонза», «На реке», «Тапёр», «Слон», «Конец сказки», «В недрах земли» Куприн пишет о детях увлекательно и серьёзно, без слащавости, с уважением к их душевным движениям и чувствам, с глубоким проникновением в мир их радостей и огорчений.

Вы убедитесь в этом, когда прочитаете рассказ Куприна «Тапёр»¹. В нём повествуется о мальчишке-музыканте, уже достигшем высокого уровня взрослого профессионала. Это признали и высокомерные аристократы, которым не верилось, что «маленький человечек» может быть так талантлив, трудолюбив и вынослив.

ТАПЁР

Двенадцатилетняя Тиночка Руднева влетела, как разрывная бомба, в комнату, где её старшие сёстры

¹ *Тапёр* — музыкант, играющий в небольших ресторанах, на танцевальных вечерах.

одевались с помощью двух горничных к сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, с разлетевшимися кудряшками на лбу, вся розовая от быстрого бега, она была в эту минуту похожа на хорошенького мальчишку.

— Mesdames, а где же тапёр? Я спрашивала у всех в доме, и никто ничего не знает. Тот говорит — мне не приказывали, тот говорит — это не моё дело... У нас постоянно, постоянно так, — горячилась Тиночка, топая каблуком о пол. — Всегда что-нибудь перепутают, забудут и потом начинают сваливать друг на друга...

Самая старшая из сестёр, Лидия Аркадьевна, стояла перед трюмо. Повернувшись боком к зеркалу и изогнув назад свою прекрасную обнажённую шею, она, слегка прищуривая близорукие глаза, закалывала в волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась к «мелюзге» с холодным и вежливым презрением. Взглянув на отражение Тины в зеркале, она заметила с неудовольствием:

— Больше всего в доме беспорядка делаешь, конечно, ты, — сколько раз я тебя просила, чтобы ты не вбегала, как сумасшедшая, в комнаты.

Тина насмешливо присела и показала зеркалу язык. Потом она обернулась к другой сестре, Татьяне Аркадьевне, около которой возилась на полу модистка, подмётывая на живую нитку низ голубой юбки, и затараторила:

— Ну, понятно, что от нашей Несмеяны-царевны ничего, кроме наставлений, не услышишь. Танечка, голубушка, как бы ты там всё это устроила. Меня никто не слушается, только смеются, когда я говорю... Танечка, пойдём, пожалуйста, а то ведь скоро шесть часов, через час и ёлку будем зажигать...

Тина только в этом году была допущена к устройству ёлки. Не далее как на прошлое Рождество её в это время запирали с младшей сестрой Катей и с её сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой ёлки, а что «просто только пришли полотёры». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особые привилегии, равнявшие её некоторым образом со старшими сёстрами, она волновалась больше всех, хлопотала и бегала за десятерых, попадаясь ежеминутно кому-нибудь под ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздниках в рудневском доме.

Семья Рудневых принадлежала к одной из самых безалаберных, гостеприимных и шумных московских семей, обитающих испокон века в окрестностях Пресни, Новинского и Конюшков и создавших когда-то Москве её репутацию хлебосольного города. Дом Рудневых — большой ветхий дом доекатерининской¹ постройки, со львами на воротах, с широким подъездным двором и с массивными белыми колоннами у парадного, — круглый год с утра до поздней ночи кишел народом. Приезжали без всякого предупреждения, «сюрпризом», какие-то соседи по нарвчатскому или инсарскому имениям, какие-то дальние родственники, которых до сих пор никто в глаза не видал и не слышал об их существовании, — и гостили по месяцам. К Аркаше и Мите десятками ходили товарищи, менявшие с годами свою оболочку, сначала гимназистами и кадетами², потом юнкерами³ и студентами и, наконец, безусыми офицерами или

¹ То есть до царствования Екатерины II (1762—1796).

² *Кадёт* — воспитанник кадетского корпуса (среднее военно-учебное заведение в царской России).

³ *Юнкер* — воспитанник военного училища.

щеголеватыми, преувеличенно серьёзными помощниками присяжных поверенных¹. Девочек постоянно навещали подружки всевозможных возрастов, начиная от Катиных сверстниц, приводивших с собою в гости своих кукол, и кончая приятельницами Лидии, которые говорили о Марксе и об аграрной² системе и вместе с Лидией стремились на Высшие женские курсы³. На праздниках, когда вся эта весёлая, задорная молодёжь собиралась в громадном рудневском доме, вместе с нею надолго водворялась атмосфера какой-то общей наивной, поэтической и шаловливой влюблённости.

Эти дни бывали днями полной анархии⁴, приводившей в отчаяние прислугу. Все условные понятия о времени, разграниченном, «как у людей», чаем, завтраком, обедом и ужином, смешивались в шумной и беспорядочной суете. В то время когда одни кончали обедать, другие только что начинали пить утренний чай, а третьи целый день пропадали на катке в Зоологическом саду, куда забирали с собою гору бутербродов. Со стола никогда не убирали, и буфет стоял открытым с утра до вечера.

Несмотря на это, случалось, что молодёжь, проголодавшись совсем в неуказанное время, после коньков или поездки на балаганы⁵, отправляла на кухню депутацию к Акинфычу с просьбой приготовить «что-нибудь вкусенькое». Старый пьяница, но глубокий

¹ *Присяжный поверенный* — в царской России: адвокат.

² *Аграрный* — земельный.

³ *Высшие женские курсы* — высшее учебное заведение для женщин, появившееся в России в конце XIX в. Раньше женщин в университет не принимали.

⁴ *Анархия* — безвластие, отсутствие всякого управления.

⁵ *Балаган* — старинное народное театральное зрелище комического характера.

знаток своего дела, Акинфич сначала обыкновенно долго не соглашался и ворчал на депутацию. Тогда в ход пускалась тонкая лесть: говорили, что теперь уже перевелись в Москве хорошие повара, что только у стариков и сохранилось ещё неприкосновенным уважение к святости кулинарного искусства, и так далее. Кончалось тем, что задетый за живое Акинфич сдавался и, пробуя на большом пальце острие ножа, говорил с напускной суровостью:

— Ладно уж, ладно... будет петь-то... Сколько вас там, галчата?

Ирина Алексеевна Руднева — хозяйка дома — почти никогда не выходила из своих комнат, кроме особенно торжественных, официальных случаев. Урождённая княжна Ознобишина, последний отпрыск знатного и богатого рода, она раз навсегда решила, что общество её мужа и детей слишком «мескинно»¹ и «брютально»², и потому равнодушно «иньорировала»³ его, развлекаясь визитами к архиереям и поддержанием знакомства с такими же, как она сама, окаменелыми потомками родов, уходящих в седую древность.

Впрочем, мужа своего Ирина Алексеевна не уставала даже и теперь тайно, но мучительно ревновать. И она, вероятно, имела для этого основания, так как Аркадий Николаевич, известный всей Москве гурман⁴, игрок и щедрый покровитель⁵ балетного ис-

¹ *Пошло* (от франц. *mesquin*), примитивно, грубо в нравственном отношении.

² *Грúбо* (от франц. *brutal*).

³ *Игнорировала* (от франц. *ignorer*), умышленно не замечала.

⁴ *Гурман* — любитель и ценитель изысканной пищи.

⁵ *Покровитель* — тот, кто оказывает помощь и поддержку, защищает.

куства, до сих пор ещё, несмотря на свои пятьдесят с лишком лет, не утратил заслуженной репутации дамского угодника, поклонника и покорителя. Даже и теперь его можно было назвать красавцем, когда он, опоздав на десять минут к началу действия и обращая на себя общее внимание, входил в зрительную залу Большого театра — элегантный и самоуверенный, с гордо поставленной на осанистом¹ туловище, породистой, слегка седеющей головой.

Аркадий Николаевич редко показывался домой, потому что обедал он постоянно в Английском клубе² и по вечерам ездил туда же играть в карты, если в театре не шёл интересный балет.

В качестве главы дома он занимался исключительно тем, что закладывал и перезаклаживал то одно, то другое недвижимое имущество, не заглядывая в будущее с беспечностью избалованного судьбой грансенёра³. Привыкнув с утра до вечера вращаться в большом обществе, он любил, чтобы и в доме у него было шумно и оживлённо. Изредка ему нравилось сюрпризом устроить для своей молодёжи неожиданное развлечение и самому принять в нём участие. Это случалось большею частью на другой день после крупного выигрыша в клубе.

— Молодые республиканцы! — говорил он, входя в гостиную и сияя своим свежим видом и очаровательной улыбкой. — Вы, кажется, скоро все заснёте от ваших серьёзных разговоров. Кто хочет ехать со мной за город? Дорога прекрасная: солнце, снег и мо-

¹ *Осанистый* — обладающий внушительной осанкой, крупный, величественный.

² *Английский клуб* — московский аристократический клуб, где формировалось общественное мнение, где за едой и картами обсуждались текущие события.

³ *Грансенёр* — вельможа.

розец. Страдающих зубной болью и мировой скорбью прошу оставаться дома под надзором нашей почтеннейшей Олимпиады Савичны...

Посылали за тройками к Ечкину, скакали сломя голову за Тверскую заставу, обедали в «Мавритании» или в «Стрельне»¹ и возвращались домой поздно вечером, к большому неудовольствию Ирины Алексеевны, смотревшей брезгливо на эти «эскапады»² дурного тона». Но молодёжь нигде так безумно не веселилась, как именно в этих эскападах, под предводительством Аркадия Николаевича.

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в ёлке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности.

— Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому? — спрашивали Аркадия Николаевича дочери. — Он большой такой, гимназист последнего класса... нельзя же ему игрушку...

— Зачем же игрушку? — возражал Аркадий Николаевич. — Самое лучшее купите для него хорошенький портсигар. Юноша будет польщён таким солидным подарком. Теперь очень хорошенькие портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, наекните этому Коле, чтобы он не стеснялся при мне курить. А то давеча, когда я вошёл в гостиную, так он папироску в рукав спрятал...

¹ «Мавритания», «Стрельня» — московские загородные рестораны.

² Прокáзы (от франц. *escapade*).

Аркадий Николаевич любил, чтобы у него ёлка выходила на славу, и всегда приглашал к ней оркестр Рябова. Но в этом году¹ с музыкой произошёл целый ряд роковых недоразумений. К Рябову почему-то послали очень поздно; оркестр его, разделяемый на праздниках на три части, оказался уже разобраным. Маэстро в силу давнего знакомства с домом Рудневых обещал, однако, как-нибудь устроить это дело, надеясь, что в другом доме переменят день ёлки, но по неизвестной причине замедлил ответом, и когда бросились искать в другие места, то во всей Москве не оказалось ни одного оркестра. Аркадий Николаевич рассердился и велел отыскать хорошего тапёра, но кому отдал это приказание, он и сам теперь не помнил. Этот «кто-то», наверно, свалил данное ему поручение на другого, другой — на третьего, переврав, по обыкновению, его смысл, а третий в общей сумятице и совсем забыл о нём...

Между тем пылкая Тина успела уже взбудоражить весь дом. Почтенная экономка, толстая, добродушная Олимпиада Савична, говорила, что и взаправду барин ей наказывал распорядиться о тапёре, если не приедет музыка, и что она об этом тогда же сказала камердинеру Луке. Лука, в свою очередь, оправдывался тем, что его дело ходить около Аркадия Николаевича, а не бегать по городу за фортепьянщиками. На шум прибежала из барышнинных комнат горничная Дуняша, подвижная и ловкая, как обезьяна, кокетка

¹ Рассказ наш относится к 1885 г. Кстати заметим, что основная фабула (содержание) его покоится на действительном факте, сообщённом автору в Москве М. А. З-вой, близко знавшей семью, названную в рассказе вымышленной фамилией Рудневых. (Примечание А. И. Куприна.)

и болтунья, считавшая долгом ввязываться непременно в каждое неприятное происшествие. Хотя её и никто не спрашивал, но она совалась к каждому с жаркими уверениями, что пускай её Бог разразит на этом месте, если она хоть краешком уха что-нибудь слышала о тапёре. Неизвестно, чем окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, весёлая блондинка, которую вся прислуга обожала за её ровный характер и удивительное умение улаживать внутренние междоусобицы.

— Одним словом, мы так не кончим до завтрашнего дня, — сказала она своим спокойным, слегка насмешливым, как у Аркадия Николаевича, голосом. — Как бы то ни было, Дуняша сейчас же отправится разыскивать тапёра. Покамест ты будешь одеваться, Дуняша, я тебе выпишу из газеты адреса.

Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать ёлки, потому что сию минуту начнут съезжаться. Деньги на извозчика возьми у Олимпиады Савичны...

Едва она успела это произнести, как у дверей передней громко затрещал звонок. Тина уже бежала туда стремглав, навстречу целой толпе детишек, улыбающихся, румяных с мороза, запушённых снегом и внёсших за собою запах зимнего воздуха, крепкий и здоровый, как запах свежих яблоков. Оказалось, что две большие семьи — Лыковых и Масловских — столкнулись случайно, одновременно подъехав к воротам. Передняя сразу наполнилась разговором, смехом, топотом ног и звонкими поцелуями.

Звонки раздавались один за другим почти непрерывно. Приезжали всё новые и новые гости. Барышни Рудневы едва успевали справляться с ними. Взрослых приглашали в гостиную, а маленьких завлекали в детскую и в столовую, чтобы запереть их

там предательским образом. В зале ещё не зажигали огня. Огромная ёлка стояла посредине, слабо рисуясь в полутьме своими фантастическими очертаниями и наполняя комнату смолистым ароматом. Там и здесь на ней тускло поблёскивала, отражая свет уличного фонаря, позолота цепей, орехов и картонажей¹.

Дуняша всё ещё не возвращалась, и подвижная, как ртуть, Тина сгорала от нетерпеливого беспокойства. Десять раз подбегала она к Тане, отводила её в сторону и шептала взволнованно:

— Танечка, голубушка, как же теперь нам быть?.. Ведь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла к старшей сестре и сказала вполголоса:

— Я уж и не придумаю, что делать. Придётся попросить тётю Соню поиграть немного... А потом я её сама как-нибудь заменю.

— Благодарю покорно, — насмешливо возразила Лидия. — Тётя Соня будет потом нас целый год своим одолжением донимать. А ты так хорошо играешь, что уж лучше совсем без музыки танцевать.

В эту минуту к Татьяне Аркадьевне подошёл, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

— Барышня, Дуняша просит вас на секунду выйти к ним.

— Ну что, привезла? — спросили в один голос все три сестры.

— Пожалуйте-с. Извольте-с посмотреть сами, — уклончиво ответил Лука. — Они в передней... Только что-то сомнительно-с... Пожалуйте.

¹ *Картона́жи* — картонные украшения в виде фигурок зверей или предметов.

В передней стояла Дуняша, ещё не снявшая шубки, закиданной комьями грязного снега. Сзади её копошилась в тёмном углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая жёлтый башлык¹, окутывавший её голову.

— Только, барышня, не браните меня, — зашептала Дуняша, наклоняясь к самому уху Татьяны Аркадьевны. — Разрази меня Бог — в пяти местах была и ни одного тапёра не застала. Вот нашла этого мальчика, да уж и сама не знаю, годится ли. Убей меня бог, только один и остался. Божится, что играл на вечерах и на свадьбах, а я почему могу знать...

Между тем маленькая фигурка, освободившись от своего башлыка и пальто, оказалась бледным, очень худощавым мальчиком в подержанном мундирчике реального училища². Понимая, что речь идёт о нём, он в неловкой выжидательной позе держался в своём углу, не решаясь подойти ближе. Наблюдательная Таня, бросив на него украдкой несколько взглядов, сразу определила про себя, что этот мальчик застенчив, беден и самолюбив. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и с очень тонкими чертами; несколько наивный вид ему придавали вихры тёмных волос, завивающихся «гнёздышками» по обеим сторонам высокого лба, но большие серые глаза — слишком большие для такого худенького детского

¹ *Башлык* — капюшон с длинными концами, которые надевали в непогоду поверх головного убора.

² *Реальное училище* — в России до 1917 г. общеобразовательное учебное заведение без преподавания древних языков (в гимназиях они изучались), с преобладанием в учебном плане естественнонаучных предметов. И реалисты, и гимназисты носили форменную одежду.

лица — смотрели умно, твёрдо и не по-детски серьёзно. По первому впечатлению мальчику можно было дать лет одиннадцать-двенадцать.

Татьяна сделала к нему несколько шагов и, сама стесняясь не меньше его, спросила нерешительно:

— Вы говорите, что вам уже приходилось... играть на вечерах?

— Да... я играл, — ответил он голосом, несколько сиплым от мороза и от робости. — Вам, может быть, оттого кажется, что я такой маленький...

— Ах, нет, вовсе не это... Вам ведь лет тринадцать, должно быть?

— Четырнадцать-с.

— Это, конечно, всё равно. Но я боюсь, что без привычки вам будет тяжело.

Мальчик откашлялся.

— О нет, не беспокойтесь... Я уже привык к этому. Мне случалось играть по целым вечерам, почти не переставая...

Таня вопросительно посмотрела на старшую сестру. Лидия Аркадьевна, отличавшаяся странным бессердечием по отношению ко всему загнанному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умеете, молодой человек, играть кадрили?

Мальчик качнулся туловищем вперёд, что должно было означать поклон.

— Умею-с.

— И вальс умеете?

— Да-с.

— Может быть, и польку тоже?

Мальчик вдруг густо покраснел, но ответил сдержанным тоном:

— Да, и польку тоже.

— А лансье? — продолжала дразнить его Лидия.

— *Laissez donc, Lidie, vous etes impossible*¹, — строго заметила Татьяна Аркадьевна.

Большие глаза мальчика вдруг блеснули гневом и насмешкой. Даже напряжённая неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вам угодно, *mademoiselle*, — резко повернулся он к Лидии, — то, кроме полек и кадриллей, я играю ещё все сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рапсодии Листа.

— Воображаю! — деланно, точно актриса на сцене, уронила Лидия, задетая этим самоуверенным ответом.

Мальчик перевёл глаза на Таню, в которой он инстинктивно угадал заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выражение.

— Пожалуйста, прошу вас... позвольте мне что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, как больно затронула Лидия самолюбие мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже запрыгала на месте и захлопала в ладоши от радости, что эта противная гордячка Лидия сейчас получит щелчок.

— Конечно, Танечка, конечно, пускай сыграет, — упрашивала она сестру, и вдруг со своей обычной стремительностью, схватив за руку маленького пианиста, она потащила его в залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется с носом... Ничего, ничего.

Неожиданное появление Тины, влѣкшей на буксире застенчиво улыбавшегося реалистика, произвело общее недоумение. Взрослые один за другим

¹ Перестаньте же, Лидия, вы невозможны (франц.).

переходили в залу, где Тина, усадив мальчика на выдвинутой табурет, уже успела зажечь свечи на великолепном шрёдеровском фортепиано¹.

Реалист взял наугад одну из толстых, переплетённых в шагрень² нотных тетрадей и раскрыл её. Затем, обернувшись к дверям, в которых стояла Лидия, резко выделяясь своим белым атласным платьем на чёрном фоне неосвещённой гостиной, он спросил:

— Угодно вам *Rapsodie Hongroise*³ № 2 Листа?

Лидия пренебрежительно выдвинула вперёд нижнюю губу и ничего не ответила. Мальчик бережно положил руки на клавиши, закрыл на мгновение глаза, и из-под его пальцев полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодии. Странно было видеть и слышать, как этот маленький человечек, голова которого едва виднелась из-за пюпитра, извлекал из инструмента такие мощные, смелые, полные звуки. И лицо его как будто бы сразу преобразилось, просветлело и стало почти прекрасным; бледные губы слегка полуоткрылись, а глаза ещё больше увеличились и сделались глубокими, влажными и сияющими.

Зала понемногу наполнялась слушателями. Даже Аркадий Николаевич, любивший музыку и знавший в ней толк, вышел из своего кабинета. Подойдя к Тане, он спросил её на ухо:

— Где вы достали этого карапуза?

— Это тапёр, папа, — ответила тихо Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играет?

¹ *Шрёдеровское фортепиано* — инструмент производства знаменитой фирмы «Шрёдер».

² *Шагрень* — мягкая козья или овечья кожа с характерным рисунком на неровной поверхности.

³ «Венгерская рапсодия» (франц.).

— Тапёр? Такой маленький? Неужели? — удивлялся Руднев. — Скажите пожалуйста, какой мастер! Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы.

Когда Таня рассказала отцу о сцене, происшедшей в передней, Аркадий Николаевич покачал головой.

— Да, вот оно что... Ну, что ж делать, нельзя обижать мальчугана. Пускай поиграет, а потом мы что-нибудь придумаем.

Когда реалист окончил рапсодию, Аркадий Николаевич первый захлопал в ладоши. Другие также принялись аплодировать. Мальчик встал с высокого табурета раскрасневшийся и взволнованный; он искал глазами Лидию, но её уже не было в зале.

— Прекрасно играете, голубчик. Большое удовольствие нам доставили, — ласково улыбался Аркадий Николаевич, подходя к музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... как вас величать-то, я не знаю.

— Азагаров, Юрий Азагаров.

— Боюсь я, милый Юрочка, не повредит ли вам играть целый вечер? Так вы, знаете ли, без всякого стеснения скажите, если устанете. У нас найдётся здесь кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка нам какой-нибудь марш побравурнее¹.

Под громкие звуки марша из «Фауста» были поспешно зажжены свечи на ёлке. Затем Аркадий Николаевич собственноручно распахнул настежь двери столовой, где толпа детишек, ошеломлённая внезапным ярким светом и ворвавшейся к ним музыкой, точно окаменела в наивно изумлённых забавных позах. Сначала робко, один за другим, входили они в залу и с почтительным любопытством ходили кругом

¹ *Бравурный* (о музыке, пении) — подчеркнуто мажорный (бодрый, весёлый), шумный.

ёлки, задирая вверх свои милые мордочки. Но через несколько минут, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимым гамом, писком и счастливым звонким детским хохотом. Дети точно опьянели от блеска ёлочных огней, от смолистого аромата, от громкой музыки и от великолепных подарков. Старшим никак не удавалось собрать их в хоровод вокруг ёлки, потому что то один, то другой вырывался из круга и бежал к своим игрушкам, оставленным кому-нибудь на временное хранение.

Тина, которая после внимания, оказанного её отцом Азагарову, окончательно решила взять мальчика под своё покровительство, подбежала к нему с самой дружеской улыбкой.

— Пожалуйста, сыграйте нам польку.

Азагаров заиграл, и перед его глазами закружились белые, голубые и розовые платица, короткие юбочки, из-под которых быстро мелькали белые кружевные панталончики, русые и чёрные головки в шапочках из папиросной бумаги. Играя, он машинально прислушивался к равномерному шарканью множества ног под такт его музыки, как вдруг необычайное волнение, пробежавшее по всей зале, заставило его повернуть голову ко входным дверям.

Не переставая играть, он увидел, как в залу вошёл пожилой господин, к которому, точно по волшебству, приковались глаза всех присутствующих. Вошедший был немного выше среднего роста и довольно широк в кости, но не полн. Держался он с такой изящной, неуловимо небрежной и в то же время величавой простотой, которая свойственна только людям большого света.

Сразу было видно, что этот человек привык чувствовать себя одинаково свободно и в маленькой

гостиной, и перед тысячной толпой, и в залах королевских дворцов. Всего замечательнее было его лицо — одно из тех лиц, которые запечатлеваются в памяти на всю жизнь с первого взгляда: большой четырёхугольный лоб был избородён суровыми, почти гневными морщинами; глаза, глубоко сидевшие в орбитах, с повисшими над ними складками верхних век, смотрели тяжело, утомлённо и недовольно; узкие бритые губы были энергично и крепко сжаты, указывая на железную волю в характере незнакомца, а нижняя челюсть, сильно выдвинувшаяся вперёд и твёрдо обрисованная, придавала физиономии отпечаток властности и упорства. Общее впечатление довершала длинная грива густых, небрежно заброшенных назад волос, делавшая эту характерную, гордую голову похожей на львиную...

Юрий Азагаров решил в уме, что новоприбывший гость, должно быть, очень важный господин, потому что даже чопорные пожилые дамы встретили его почтительными улыбками, когда он вошёл в залу, сопровождаемый сияющим Аркадием Николаевичем. Сделав несколько общих поклонов, незнакомец быстро прошёл вместе с Рудневым в кабинет, но Юрий слышал, как он говорил на ходу о чём-то просившему его хозяину:

— Пожалуйста, добрейший мой Аркадий Николаевич, не просите. Вы знаете, как мне больно вас огорчать отказом...

— Ну хоть что-нибудь, Антон Григорьевич. И для меня, и для детей это будет навсегда историческим событием, — продолжал просить хозяин.

В это время Юрия попросили играть вальс, и он не услышал, что ответил тот, кого называли Антоном Григорьевичем. Он играл поочерёдно вальсы, польки

и кадрили, но из его головы не выходило царственное лицо необыкновенного гостя. И тем более он был изумлён, почти испуган, когда почувствовал на себе чей-то взгляд, и, обернувшись вправо, он увидел, что Антон Григорьевич смотрит на него со скупающим и нетерпеливым видом и слушает, что ему говорит на ухо Руднев.

Юрий понял, что разговор идёт о нём, и отвернулся от них в смущении, близком к непонятному страху. Но тотчас же, в тот же самый момент, как ему казалось потом, когда он уже взрослым проверял свои тогдашние ощущения, над его ухом раздался равнодушно-повелительный голос Антона Григорьевича:

— Сыграйте, пожалуйста, ещё раз рапсодию № 2.

Он заиграл, сначала робко, неуверенно, гораздо хуже, чем он играл в первый раз, но понемногу к нему вернулись смелость и вдохновение. Присутствие *того*, властного и необыкновенного человека почему-то вдруг наполнило его душу артистическим волнением и придало его пальцам исключительную гибкость и послушность. Он сам чувствовал, что никогда ещё не играл в своей жизни так хорошо, как в этот раз, и, должно быть, не скоро будет ещё так хорошо играть.

Юрий не видел, как постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и как смягчалось мало-помалу строгое выражение его губ, но когда он кончил при общих аплодисментах и обернулся в ту сторону, то уже не увидел этого привлекательного и странного человека. Зато к нему подходил с многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверх брови, Аркадий Николаевич Руднев.

— Вот что, голубчик Азагаров, — заговорил почти шёпотом Аркадий Николаевич, — возьмите этот

конвертик, спрячьте в карман и не потеряйте, — в нём деньги. А сами идите сейчас же в переднюю и одевайтесь. Вас довезёт Антон Григорьевич.

— Но ведь я могу ещё хоть целый вечер играть, — возразил было мальчик.

— Тсс!.. — закрыл глаза Руднев. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрий недоумевал, раскрывая всё больше и больше свои огромные глаза. Кто же это мог быть, этот удивительный человек?

— Голубчик, да ведь это Рубинштейн¹. Понимаете ли, Антон Григорьевич Рубинштейн! И я вас, дорогой мой, от души поздравляю и радуюсь, что у меня на ёлке вам совсем случайно выпал такой подарок. Он заинтересован вашей игрой...

Реалист в поношенном мундире давно уже известен теперь всей России как один из талантливейших композиторов, а необычайный гость с царственным лицом ещё раньше успокоился навсегда от своей бурной, мятежной жизни, жизни мученика и триумфатора. Но никогда и никому Азагаров не передавал тех священных слов, которые ему говорил, едучи с ним в санях, в эту морозную рождественскую ночь его великий учитель.

1. Что вас удивило или поразило в рассказе А. И. Куприна «Тапёр»?
2. Кто из героев вам особенно понравился? Чем? Что нового вы узнали о жизни московских семей?

¹ *Рубинштейн А. Г. (1829—1894)* — пианист, композитор, дирижёр, педагог и музыкально-общественный деятель. Основатель первой в России Петербургской консерватории.

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Кто, по-вашему, главный герой рассказа?
2. Какой изображена семья Рудневых?
3. Какие черты быта и отношений в семье показались вам интересными и поучительными? Почему писатель уделяет такое внимание бытовым отношениям? Какими чертами характера, заметными в поступках и словах, отличаются сёстры Рудневы?
4. Какие отношения сложились между хозяевами и слугами?
5. Каким изображён приехавший мальчик-музыкант? Как он держится? Почему *большие глаза мальчика вдруг блеснули гневом и насмешкой*, а потом *приняли умоляющее выражение*?
6. Как мальчик-тапёр играет, как внешне меняется во время игры? Как слушатели воспринимают музыку?
7. Что значат слова Аркадия Николаевича *Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы*, и как они его характеризуют?
8. Перечитайте вслух описание внешности Антона Григорьевича Рубинштейна. Какие черты лица раскрывают характер этого человека?
9. Какими словами писатель передаёт талантливую игру мальчика и впечатление Рубинштейна от его игры?
10. Почему Аркадий Николаевич не разрешил Юрию Азагарову играть целый вечер?
11. Перечитайте ещё раз последний абзац произведения и подумайте, почему писатель так закончил свой рассказ.

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Как автор относится к своим героям? Почему?
2. Каков, по-вашему, был замысел рассказа?
3. Как вы думаете, любил ли А. И. Куприн музыку?

РАБОТАЕМ С КАРТИНОЙ

1. Рассмотрите портрет мальчика на форзаце.
2. Какие черты характера можно прочесть по его лицу? Какие детали портрета говорят о том, что это уже интересный человек?

Возможности рассказа

Приступая к изучению рассказа как малой эпической формы, мы говорили об особенностях этого жанра. Теперь можно сказать о том, как, несмотря на принадлежность к одному жанру, рассказы разнообразны по содержанию и авторской мысли, авторской позиции, сюжету и композиции, языку и стилю. Есть рассказы с быстро развивающимся сюжетом («Хамелеон» А. П. Чехова), с неторопливым повествованием, развёрнутыми пейзажами и портретами героев, их монологами («Бежин луг» И. С. Тургенева), неожиданной развязкой («Тапёр» А. И. Куприна).

Таким образом, жанровые рамки не стесняют художника слова, а предполагают свободу авторской мысли и фантазии, свободное выражение писателем своего отношения к тем событиям и людям, которых он изображает. Иногда повествование ведётся от первого лица, как в «Бежином луге», иногда от третьего, как в «Тапёре».

Быстро разворачивающийся в рассказе сюжет от эпизода к эпизоду усиливает у читателя напряжённое ожидание: что же случится дальше, как поведут себя герои, чем всё завершится. Композиция, как правило, predeterminedена ходом авторской художественной мысли: к каким переживаниям и раздумьям автор хочет привести читателя, какое настроение создать. Этим обусловлены выбор и тональность пейзажа, например, в «Бежином луге», изображение внешности и внутреннего мира героев в «Тапёре», тон диалогов и монологов. Так, в юмористических рассказах часто не бывает пейзажа или он сведён к одной-двум фразам. Портрет тоже краток или подан через художественную деталь, как в «Хамелеоне» А. П. Чехова,

а иногда в нём сквозит авторская ирония, лёгкая насмешка, как в «Хирургии».

В диалогах и монологах, как правило, осуществляется *развитие действия*. Это хорошо видно в рассказе «Тапёр», когда Юра Азагаров отвечает на вопросы Лидии Аркадьевны Рудневой.

Валентин Григорьевич РАСПУТИН

Родился в 1937 году

Валентин Григорьевич Распутин — автор известных и любимых читателями повестей «Живи и помни», «Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Пожар» и других произведений. Популярность Распутина объясняется тем, что для него всегда была интересна моральная сторона незаметной повседневности, общего строя жизни. Человек, его поступки, их нравственный смысл находятся в центре внимания писателя. Вглядываясь в человека, глубоко анализируя его поведение, он отыскивает внутренние побуждения, идущие от души и совести, и внешние, которые диктуют среда, общество своими неписаными правилами. Соотношение этих двух величин — человека и общества — больше всего притягивает внимание Распутина.

В рассказе «Уроки французского» автор раскрыл сложность отношений подростка с «улицей» и со школьной учительницей. Мальчик пытается противостоять суровой действительности. Рисуя непростую ситуацию, писатель передаёт такую атмосферу жизни, где жестокость стала нормой отношений. Лишь тот, кто осознаёт себя человеком, противопоставляет этой жестокости своё сердце, свою совесть, свою жизнь.

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

(В сокращении)

*Анастасии Прокопьевне
КОПЫЛОВОЙ*

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрен овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполез-

ная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видимо, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не

было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Оно с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло¹! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сен-

¹ *Посты́ло* — наречие от прил. *посты́лый* — надоевший, вызывающий отвращение.

тября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решила и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду. Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. <...>

По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тётки Нади стоял горячий чайник; пошвыркав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня: — Ты в «чику» играть не боишься? — В какую «чику»? — не понял я. — Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем. — Нету. — И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Игнали не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, <...> а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. <...> Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. <...> Вадик хитрил. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. <...> Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками¹, но и там

¹ Имеется в виду игра в бабки («бабкой» называют кость над копытом у жвачных животных). Играть в бабки — броском сбивать бабки, установленные на расстоянии.

нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка¹ у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят.

Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам,

¹ *Сноровка* — ловкость, умение, приобретённое тренировкой.

когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. <...> Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит. <...>

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт. <...> Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш тройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока <...>, обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его

карманов вряд ли мне что-нибудь перепало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. <...>

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её

с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно: если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха.

Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь.

Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивал одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, за-

тянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

* * *

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. <...> Но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал, — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что кроме сегодняшней беседы завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось,

будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросал школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подалее от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она.

Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запереться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами? <...>

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко? <...>

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко

вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе¹ и заправленных в чирки² марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обутку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скры-

¹ *Галифе* — брюки, облегающие колени, с боков расширяющиеся кверху и заправляемые в сапоги.

² *Чирки* — самодельная обувь.

той низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы. <...> И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навывпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка. Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайлов-

на разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. <...>

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. <...> Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. <...>

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. <...>

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия

Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. <...>

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходиться. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. <...>

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убежал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

[Однажды мальчику сказали, что в раздевалке для него лежит посылка. Он подумал, что её привёз колхозный шофёр. Но посылка была в ящичке. Это мальчика удивило. Мать прислала бы что-то в мешке. Откуда у неё ящичек? Может, это ошибка? Он в нетерпении, что же там может быть, вскрыл посылку и обомлел: там были макароны, длинные жёлтые трубочки, уложенные ровными рядами. Это было целое богатство! Вынул одну, другую, третью и стал хрумкать.

Вдруг он поперхнулся. Макароны... Где их взяла мать? На дне в ящичке были ещё большие куски сахара и две плитки гематогена. Ясно, что не мать снаряжала посылку. Кто же? Догадался, что это Лидия Михайловна. И отнёс всё ей домой. Она отказывалась признать, что это её работа, но пришлось согласиться. Она просила своего ученика забрать ящичек, а он, боясь, что она его уговорит, выскочил за дверь.]

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно. <...>

Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. <...> Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь, — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покати-лась в угол.

— Ото, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далекое. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на

деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну, что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело

и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бесовестным образом, с какой-то даже радостью отпёрлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет

меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать—двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. <...>

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — напозая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайлов-

на, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» нечитово.

— Почему это нечитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёлся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Раствление. Сокращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

1. Какое впечатление оставил у вас рассказ? Что вам показалось особенно интересным, запомнилось, понравилось?
2. Какие эпизоды из него вам хотелось бы пересказать своим близким, друзьям? Какие мысли родились у вас в процессе чтения или после него, какие желания?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Вы, наверное, обратили внимание на то, что главный герой и рассказчик — одно и то же лицо. Что говорит он о себе, своей семье, жизни деревни, об отношениях людей? Как он относится к учёбе? Каков характер мальчика?
2. Как ему живётся в городе? Почему он тоскует? Почему не уехал с матерью, когда она сказала: «Собирайся. Хватит...»? Как переживает голод? Как пытается найти выход из своего трудного положения?

3. Почему мальчик стал играть на деньги? Согласны ли вы с тем, что правила жизни и игры в этой группе подростков жестокие? Чем вы могли бы это доказать? Почему мальчик-рассказчик быстро разобрался в тонкостях игры и стал выигрывать? Почему так жестоко с ним обошлись? Чего ему не простили? Какими в этой расправе выглядят Вадик и Птаха? На чём держатся их отношения? Что это за пара?
4. Что поняла Лидия Михайловна и как пыталась помочь мальчику? Почему он боялся, что учительница поведёт его к директору? Почему мальчик снова пошёл к игрокам? Почему так закончился последний эпизод игры?
5. *Унижение*. Каков смысл этого слова и какие ситуации унижительны для человека? Что такое чувство собственного достоинства? чувство чести? Как неиспорченный человек обычно реагирует на унижение?
6. Отношения мальчика с Лидией Михайловной. Почему он не хочет принимать посылку? Как чувствует себя в квартире учительницы? Почему?
7. Почему Лидия Михайловна стала играть с мальчиком на деньги, не соблюдая правил игры? Почему не побоялась уронить себя в глазах ученика? Знала ли она, что директор ей этого не простит? Что значат слова *бесстрашие, душевная щедрость*?
8. Почему директор так отнёсся к поступку учительницы? Как это его характеризует? Как иначе он мог бы поступить? Какие неписанные правила нарушила учительница и во имя чего? А какие нарушил директор?

ОБОБЩАЕМ, ДЕЛАЕМ ВЫВОДЫ

1. Почему рассказ так назван? Только ли французскому научила мальчика Лидия Михайловна? Как сейчас, став взрослым, он понимает прошлое, как оценивает то, что тогда случилось?
2. Сравните правила игры у подростков и правила «игры» взрослых. Чью жестокость можно понять и объяснить и,

может быть, простить? А чью — нет? Что думает об этом автор?

3. Почему рассказ посвящён учительнице? В чём смысл авторского замечания: в начале рассказа — о вине перед учителями и родителями (с. 112)?
4. Присмотритесь к композиции рассказа. Попробуйте объяснить целесообразность такого размещения его частей, художественную значимость одной-двух из них. Какое звучание придают рассказанной истории несколько замечаний, по которым видно, что рассказчик — уже взрослый человек? Найдите эти замечания.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Какие иллюстрации вам хотелось бы нарисовать к рассказу В. Распутина? Опишите словами то, что кажется вам особенно значимым. К каким эпизодам вам хотелось бы видеть иллюстрации в учебнике?
2. Найдите и рассмотрите иллюстрации к рассказу «Уроки французского» художников Б. Алимова, В. Гальдяева, Ю. Тризны, А. Шапирко и др. Какие из них вам больше нравятся? Почему? Обоснуйте свой ответ.
3. Посмотрите телефильм «Уроки французского». Какие сцены из него произвели на вас наибольшее впечатление? Чем вы это можете объяснить? Есть ли расхождения между авторским текстом и сценарием? Чем вы могли бы это объяснить?
4. Попробуйте написать письмо от имени Лидии Михайловны мальчику или его ответ ей. Почему у неё или у него возникло желание написать письмо? Что каждый из них мог бы рассказать о своей жизни, своих настроениях, отношениях с людьми? Какое отношение к адресату (к тому, кому адресовано письмо) будет выражено в обращениях, общей интонации? Каким должен быть стиль письма Лидии Михайловны, а каким — мальчика? Обязательно ли письма будут отличаться по стилю?

Юрий Павлович КАЗАКОВ

1927—1982

Юрий Павлович Казаков в молодости (это были 50-е годы XX века) часто ездил на Север России — на побережье Белого моря. Он любил этот суровый край, его людей, неброскую прелесть северной природы, поразившей писателя своей «жизненной цепкостью». В одном из интервью Юрий Павлович рассказывал: «Как москвича, никогда никуда не выезжавшего, Север меня просто-напросто покори́л. Белое море... Что поразило ещё? Быт необыкновенный. Избы двухэтажные. Представьте, там не было вообще замков. Помню, надо мне было добираться берегом из села Зимняя Золотица в Архангельск. Разговаривая с одной старушкой, я спросил её: “Как же я один доберусь? Безопасно ли?” Она мне отвечает: “Я вот уже восемьдесят лет на Севере живу, и ни одного случая не было, чтобы отняли у кого что...” Часто я ночевал по избам, и, если лез в карман: сколько, мол, с меня? — очень удивлялись, обижались...

Поразили меня северная природа, климат, белые ночи и совершенно особые серебристые облака, высочайшие, светящиеся жемчужным светом старики — то, что меня на Севере изумило... А тогда я имел возможность беседовать с людьми, которые родились в 70—80-е гг. XIX в. То есть они полжизни прожили до революции».

Одним из первых рассказов Казакова о Севере были «Никишкины тайны». Юрий Павлович, чуткий и внимательный к людям, любил наблюдать игры и поведение детей, подростков. Читая рассказ «Никишкины тайны», вы познакомитесь с удивительным ребёнком, одарённым, талантливым.

НИКИШКИНЫ ТАЙНЫ

1

Бежали из лесу избы, выбежали на берег, некуда дальше бежать, остановились испуганные, сбились в кучу, глядят заворожённо на море... Тесно стоит деревня! По узким проулкам деревянные мостки гулко отдают шаг. Идёт человек — далеко слышно, приникают старухи к окошкам, глядят, слушают: сёмгу¹ ли несёт, с пестерем² ли в лес идёт или так... Ночью, белой, странной, погонится парень за девушкой, и опять слышно всё, и знают все, кто погнался и за кем...

Чуткие избы в деревне, с поветями³ высокими, крепко строены, у каждой век долгий — всё помнят, всё знают. Уходит помор на карбасе⁴, бежит по морю, видит деревня его тёмный широкий парус, знает: на тоню⁵ к себе побежал. Придут ли рыбаки на мотоботе с глубьевого лова, знает деревня и про них, с чем пришли и как ловилось. Помрёт старик древний, отмолят его по-своему, отчитают по древним книгам, повалят на песчаном угрюмом кладбище, и опять всё видит деревня и вопли жёнок принимает чутко.

Никишку в деревне любят все. Какой-то он не такой, как все, тихий, ласковый, а ребята в деревне все «зуйки», настырные, насмешники. Лет ему восемь,

¹ *Сёмга* — крупная рыба с мясом розового цвета.

² *Пестёрь* — большая высокая корзина, плетёнка рас-
трубом вверх, с которой ходят по грибы, по ягоды, которую
носят на спине.

³ *Повётъ* — помещение под навесом на крестьянском дворе.

⁴ *Кáрбас* — большая лодка на 4—10 вёсел с парусами.

⁵ *Тóня* — на Севере избушка недалеко от того места, где
ловят рыбу.

на голове вихор белый, лицо бледное в веснушках, уши большие, вялые, тонкие, а глаза разные: левый пожелтей, правый побирюзовей. Глянет — и вот младенец несмышлёный, а другой раз глянет — вроде старик мудрый.

Тих, задумчив Никишка, ребят сторонится, не играет, любит разговоры слушать, сам говорит редко и то вопросами: «А это что? А это почто?» — с отцом только разговорчив да с матерью. Голос у него тонкий, приятный, как свирель, а смеётся басом, будто немой: «гы-гы-гы!». Ребята дразнят его; как чуть что, бегут, кричат: «Никишка-молчун! Молчун, посмейся!» Сердится тогда Никишка, обидно ему, прячется в поветь, сидит там один, качается, шепчет что-то. А в повети хорошо: темно, не заходит никто, подумать о разном можно, и пахнет крепко сеном, да дёгтем, да водорослями сухими.

Стоит конь осёдланный возле Никишкиного крыльца. Грыз плетень, щепал крупным жёлтым зубом; надоело ему, глаза закрыл, голову свесил, осел, ногу заднюю поджал, только вздохнёт другой раз глубоко, ноздри разымутся. Стоит конь, дремлет, а деревня знает уже: собрался Никишка к отцу на тоню ехать за двадцать вёрст по сухой воде¹, мимо гор и мимо леса.

Выходит Никишка с матерью на крыльцо. Через плечо киса², на ногах сапоги, на голове шапка, шея тонкая шарфом замотана: холодно уже, на дворе октябрь.

— Ступай всё берегом, всё берегом, — говорит мать. — В стороны не сворачивай, будут тебе по пути

¹ *Сухая вода* — отмель, образованная полным морским отливом, самая низкая вода.

² *Киса* — кожаный мешок, верхний край которого стягивается ремешком. Отсюда — кисет.

горы. Проедешь ты эти горы, а там тебе тропа сама покажет. Тут близко, не заблудай гляди-дак... Двадцать вёрст всего — близко!

Никишка молчит, сопит, мать плохо слушает, на коня лезет. Взбирается на седло, ноги в стремя, бровки сдвигает...

— Но-о!

Тронулся конь, просыпается на ходу, уши назад насторчил, хочет понять, что за седок на нём нынче. Закачались мимо избы, подковы по мосткам затукали: тук-ток. Кончились избы, высыпали навстречу бани. Много бань — у каждого двора своя, — и все разные: хозяин хорош — и банька хороша, плох хозяин — и банька похуже. Но вот и бани кончились, и огороды с овсом прошли, блеснуло справа море. Конь по песку захрупал, по сырым водорослям. На море косится, глаз выворачивает, не любит моря, хочет всё левее забрать, подальше от воды.

Но Никишка знай себе подёргивает за правый повод, знай пятками по бокам коня колотит! Покоряется конь, по самому краю воды бежит, шею согнул, пофыркивает.

Недалеко от берега — камни. Их много, обнажённых отливом, они черны и мокры. Там, возле камней, разбиваются в пену волны, вскипают белыми бурнами, глухо, бессильно рокочут. Здесь, возле берега, совсем тихо, светлое дно видно, вспыхивают искры перламутровых раковин и пропадают, лижет песок прозрачная волна. Сидят на камнях чайки, сонно смотрят в море. Потихоньку слетают, когда Никишка близко подъедет, скользят стремительно над самой водой и вдруг — крылья вверх, хвост веером! — садятся на воду. Сильно светит низкое солнце, блестит под ним море и кажется выпуклым. Длинные мысы плавают впереди в голубой дымке, будто висят над морем.

Смотрит Никишка вокруг, сияет разноглазьем, в улыбку губы распускает. Глядит на солнце, на выпуклое, огненное море, смеётся:

— Солнушко, гы-гы-гы!..

Перелетают вдоль берега кулички, кричат печально и стеклянно. Качаются на высоких ножках у моря, бегают у самой воды: волна отойдёт — они по мокрому за ней, волна обратно — и они назад.

— Кули-кули... — лопочет Никишка, останавливает лошадь, смотрит, какие они подбористые, с клювами, как шило.

А чего только нет на песке у моря! Вон красные мокрые медузы, оставшиеся после отлива, похожие на окровавленную печёнку. Есть медузы другие — с четырьмя фиолетовыми колечками посередине. Есть и звёзды морские с пупырчатыми, искривлёнными лучами, а ещё — следы чаек, длинные, запутанные, и тут же помёт их сиренево-белый. Лежат грудями водоросли, тронутые тлением, тяжело и влажно пахнут. А то ещё след босой ноги тянется у самой воды, сворачивает к лесу, топчется возле странной, вросшей в песок томной коряги. Кто это шёл? Куда шёл и зачем?

А слева всё брёвна да брёвна; белые, вымытые дождями и волнами, выбеленные солнцем, замороженные и вновь прогретые, высушенные. Слышал Никишка, много лет тому назад на большой реке Двине запань¹ прорвало. Весь лес, который был, в море убежал, не могли его поймать, а море выкинуло по берегам. Лежит с тех пор тут лес, никто его не берёт, никому не нужно, рыбак разве только да охотник редкий — на костёр...

¹ *Зáпань* — плавучая преграда поперёк реки при сплаве леса.

Весело Никишке. А конь всё копытами хрупаёт да фыркает. Ступит иногда с маху на медузу, разбрызгается она по песку, как редкий камень драгоценный. Пусто впереди, пусто назад, пусто слева, пусто справа. Справа море, слева лес. А в лесу что? В лесу вереск да сосны кривые, маленькие, злые, да берёзы такие же. Ещё в лесу ягоды есть сладкие: брусника да черника. И грибы: маслята липкие, рыжики крепкие, сыроежки с плёночкой, с торчащими на шляпках сосновыми иглами. Медведи в лесу ходят и другие звери, а птицы совсем нет, рябки одни тонко перекликаются. Дед Созон говорит: «Отлетела чегой-то птица. Бывало, побежишь с пестерем-то в лес, полон пестерь набьёшь-дак. А ныне отлетела чегой-то птица, Бог с ней, совсем ушла!»

Выбегают из лесу в море реки, большие и маленькие. Через большие реки мосты положены. Мосты сгнили уже, нюхает конь брёвна, слушает, как внизу вода вызванивает. Ступнёт шаг, шею выгнет, назад оглядывается.

— Но! — скажет Никишка потихоньку.

Конь ещё шагнёт. А звук на таких мостах глухой, мёртвый, как по гробу, и вода внизу тёмная, будто крепкий чай. Все реки из болот выбегают, нету чистой воды, вся такая, и море возле впадения рек жёлтую пену швыряет на песок.

А вон ещё что-то темнеет впереди. Подъезжает ближе Никишка: шхуна¹ в песок вросла. Мачт нет, и киля не видно, засосало. Лежит шхуна на боку, палуба сгнила, борта светятся, внутри водоросли с песком, больше ничего нет. Волна подходит, затопляет всё, хлюпчит внутри, клокает, булькает, отходит — тонко струйки звенят, стекает вода на камни.

¹ *Шхуна* — небольшое деревянное судно с парусами.

Воля, простор везде, воздух синий, резкий, и никого нет вокруг на много вёрст. Попадёт когда тоня рыбацья пустая, заброшенная. Стены мхом поросли, окошки маленькие, голову только просунуть, крыша осела, прохудилась, да и сама тоня на один бок села, другой задрала, глядит окошками в пустое небо. Вешала¹ повалены, всё рушится, только крест, старый поморский, чёрный, восьмиугольный, страшно торчит, будто страж, поставленный навечно, и нет ему смены. Жутко глядеть на такое, отвернись — и мимо, мимо...

Но Никишка не боится. Знает, в таких избушках лешаки² живут, смирные, грустные. Скучно им, спят целый день. И теперь спали, да услышали, едет мимо Никишка, проснулись, зевают, в окошки потихоньку выглядывают. У одного борода чёрная, у другого — сивая, у третьего — вовсе не поймёшь какая. Болбоят — любопытно им, куда это Никишка едет.

А то чёрное что-то в песок вросло, коряга там или, может, камень тёмный, бугристый. Конь издали ещё заметит, насторожит уши, голову задерёт и вот вбок норовит, боится.

— Ты уж вбок не ныряй, — говорит коню Никишка. — Это ничего. Это так, дерево росло, да сгнило, да в песок устряло³. Вишь, коряга. Вишь, это тебе ничего.

Конь слушает внимательно, кожей передёргивает, фыркает и несёт Никишку дальше, всё вперёд и вперёд. Слушается он Никишку, его все звери слушаются.

Вот и горы пошли. Высокие, чёрные, стеной в море обрываются; на обрывах сосенки да берёзки корявые лепятся, смотрят в море, ждут горя. А внизу осыпь каменная: камень воду лезет пить. Много

¹ *Вешала* — шесты, на которых сушатся рыболовные сети.

² *Лешаки* — леший.

³ *Устрять* — увязнуть.

камня, громоздко очень. Конь всё осторожнее идёт, принюхивается, выбирает, куда ногу поставить.

Шёл, шёл и упёрся, стал, ни вперёд, ни назад, ни вбок — никуда. Слезает долой Никишка, коня берёт за повод, шагает по мокрым камням.

Вытягивает конь шею, уши прижимает, скачет за Никишкой, приседает, щёлкают подковы, дрожат ноги. А под ноги ему накатываются со звоном волны. Шшшшу! — набегают; ссс! — откатываются; шшшшу! — снова набегают...

Нет, не может идти конь! Чудится ему, разверзается справа водяная бездна, приливает море, шумит, а под ногами камни — ни уйти, ни убежать! Останавливается он в ужасе, храпит, скалит жёлтые зубы. Сердится Никишка, дёргает, тянет изо всех сил за повод. «Но-о!» — кричит. Не идёт конь, глядит на Никишку фиолетово-дымчатыми дрожащими глазами. Стыдно становится Никишке, подходит он, гладит коня по щеке, шепчет ему что-то ласковое, тихое. Слушает конь Никишкин шёпот, звон моря слушает, дышит тяжело, носит боками. Куда идти? Справа море, слева горы, сзади камень и спереди камень. Набирается конь решимости, снова скачет вперёд, и снова щёлкают подковы.

Наконец выбрались из осыпей, подвёл Никишка коня к большому камню, забрался в седло, и опять захрупали копыта по песку, по водорослям.

А земля впереди всё мысы в море выставляет, будто длинные жадные пальцы. Едет Никишка, впереди далёкий голубой мыс, доезжает до него, любопытно: а что там, за ним? А за ним — новый мыс, ещё дальше выпяченный в море, там ещё и ещё, и так без конца.

Началась незаметная тропа, конь сам на неё свернул. Никишка задумался, смотрит вокруг, хочет тайну такую понять, чтобы всё, что видит, разом открылось ему. Да не понять этой тайны, смотри только

с тоской, впитывай глазами, слушай ушами да нюхай. И смотрит Никишка зачарованный, думает, а тропа всё дальше в лес забирается, тихо становится, золотисто. Под ногами коня языки жёлтые, красные, оранжевые. Мхом пахнет, грибами, янтарные рыжики везде, румяные волнушки. Весь лес горит, ёлочки только зелёные, да вереск стелется приплюснутыми островками. Красен лес, а из-под земли камни обомшелые, тёмные и бурые, выпирают, да стоят особняком серые, изуродованные, скрученные ёлки и берёзы, странно похожие на яблоню.

Попался бы кто-нибудь навстречу! Но никто не попадается, один Никишка в мёртвом лесу. Скоро ли жильё? Не у кого спросить, молчат сосны и ёлки, загадочно смотрят на Никишку камни из-под земли. Всё тут камень да сырость... Только тропа глубоко в земле выбита, старая, глухая. И вспоминает Никишка, рассказывала бабка, давно это было, шли по мёртвым лесам странные люди, шли беглые, больные, несчастные, обиженные — всякий народ шёл. И шли они все к одному месту, в одно место тропы глухие прокладывали, в пресветлую обитель — Соловецкий монастырь. А где этот монастырь, Никишка не знает, там где-то, где солнышко закатывается, а где, подико узнай!

И вдруг среди этого безмолвия, тишины мёртвой, звуков неживых — песня. И слышно, топором кто-то постукивает, слышно, дымком попахивает. Конь — уши торчком, заржал звонко, рысью, рысью вперёд: жильё чует. Выезжает Никишка из лесу, перед ним избушка — тоня отцовская. Всё новое, всё крепко и ладно, из трубы дымок курится, на вешалах сети сушатся, рыбой пахнет, на катках карбас лежит, чёрным боком маслится. На пороге отец сидит, топором постукивает, весло кормовое ладит да песню поёт.

Увидел Никишку, встал отец — огромный, бородатый, в высоких сапогах, с ножом на поясе, в брезентовой робе. Руки у него красные, лицо бурое, борода светлая, а глаза резкие, пристальные, под густыми бровями.

— Сынок приехал! — говорит радостно отец. — То-то, сон мне снился... Ну, как же дома у нас там? Все ли живы?

— Живы! — отвечает Никишка, слезает с коня, качается, ногами топаёт. — Председатель коня дяде Ивану дал, мамка меня послала, я и поехал... Ехал-ехал, весь заболел, спину больно.

— Ах ты, молодец у меня! — ласкает отец Никишку, волосёнки льняные ручищей своей гладит. — А я слышу: топ какой-то, а кто такое, и не толкую. А это вон Никишка! Не боялся ехать-то?

— Не, ничего! Птиц видал, грибов видал, с конём говорил. Конь-то умный. На вот тебе, мамка наклала, — снимает Никишка кису. — А почто это камни на меня смотрели? Они тоже думают? Небось ночью-то переваливаются, кому неловко лежать, за день-то вон как бок отлежишь!

— Камни-то? — задумывается отец. — Камни, они, надо думать, тоже живые. Всё живое!

— А ты понимаешь, об чём березы говорят?

— Да как они по-своему, по-берёзьи небось говорят! Надо язык ихний знать. А то где понять!

— А дядя Иван где?

— Дядя Иван на соседнюю тоню поехал, на Керженку. Давеча рыбаки туда бежали на доре¹, так и его взяли, баня у них там, у нас-то нету её, вот дядя Иван и поехал.

— А в деревню когда он поедет?

¹ Дора — лодка.

— В деревню завтра поедет, полечится. Ноги-то, вишь, совсем у него разломило, на лошади и поедет по сухой воде.

— А я как же?

— Ты со мной останешься. Останешься? Сёмгу будем ловить.

— Останусь!

— Ну вот! Пойду лошадь расседлаю...

Пошёл отец, коня поймал, расседлал, потом верёвку вынес, привязал коня к берёзе, чтобы в лес не ушёл. А Никишка в избу заходит: сильно пахнет рыбой, в печке угли тлеют, на столе хлеб, миски да ложки. Стены плакатами оклеены, на полке газеты ворохом лежат, чисто в избе, подметено, на верёвке рукавицы, портянки да штаны сохнут. Выходит Никишка, обходит избу вокруг, в сарай заглядывает, сарай открыт, не запирается, не от кого запереть. Только хотел было Никишка в сарай забраться, посидеть, подумать о сегодняшнем, вдруг...

Что-то живое в сарае показалось, тёмно-рыжее, будто тусклый пламень. Глазами светит, в глазах блеск красноватый вспыхивает, как солнце предзакатное. Собака! Большая, лохматая...

Сел Никишка на корточки, смотрит во все глаза на собаку, оглянулся — отец не видит, — заговорил с ней:

— Адя... Уууурр! Гу-гуррр... Гам!

Собака молчит, нюхает, голову набок склонила, одно ухо вверх, другое повисло, хвостом молотит — нравится ей Никишка. Наговорившись, выходит Никишка из сарая, собака за ним бежит, будто век его знает. Смотрит Никишка на отца, какой он большой, красный, солнцем освещённый, как царь лесной.

— Ну, сынок! — весело говорит отец. — Поедем сейчас за сёмгой! Только постой, весло доделаю.

Отходит Никишка немного, ложится на тёплый песок, собака подбегает, рядом ложится тоже, дышит часто. Закрывает глаза Никишка, качает его, всё кажется, на коне едет и чайки бесконечно над морем взлетают, а мимо горы, да леса, да кресты чёрные, лешаки из избушки выглядывают, болбонят: «Гляди ты! Никишка-то к отцу едет сёмгу ловить, чай-сахар везёт!» И песню кто-то тонко поёт, голос то распухнет, то утончится, баюкает, солнышко светит, а море всё: «шшшшу!» — накатывает; «сссс!» — отходит. Тлеющие водоросли крепко пахнут, дурманят голову, а кулики стеклянно кричат: «пи-пии, пи-пии!».

Лежит Никишка, ни спит, ни дремлет... Песок тёплый, собака тёплая, смотрит на Никишку огненными глазами, говорит: «Пойдём, Никишка, в лес!» — «Я в море пойду, сёмгу стеречь!» — Никишка отвечает. А собака своё: «Пойдём в лес, я тебе тайны открою! Об чём берёзы шепчут, послушаем, что камни думают, узнаем». Любопытно Никишке, сомневается он уже, то ли в море идти, то ли в лес, но тут отец как раз подошёл с веслом новым в руке. — Вставай, сынок, поедем!

Встал Никишка, идёт с отцом на берег, а море радуется, вспыхнет, заиграет, заголубеет, так и манит, так и расстилается. Налёг отец грудью на карбас, столкнул в воду, Никишку посадил в корму, сам сапогами по воде бухает. Но вот и сам в карбас залез, на вёслах уместился, Никишке кормовое дал, от берега отвалили, развернулись, и пошло качать-покачивать — вверх-вниз, вверх-вниз. Берег качается, собака на берегу качается... А отец шибко гребёт, волна по скулам карбаса шлёпает, взлетает брызгами вверх.

Подплывают осторожно к ловушке, привязывают карбас к жерди, встаёт отец, чутко вниз глядит, в тайник, — нет ничего!

— Пусто... — шепчет отец и садится, спокойный.

Оглядывается Никишка, тихо кругом, ни звука, ветерок лёгкий ровно дует, солнце светит, слепит глаза море, а берег далеко, тёмный, в обе стороны уходит. И кажется Никишке, был он здесь, сидел давно годами, сёмгу ждал, думал о чём-то. Или снилось ему это?

— Прилив начался, — говорит отец. — Вода пошла, прибывает.

— Светла погода, — тихонько откликается Никишка. — Хорошо! Донушко видать...

— А как же! Она донушко светлое любит. Ей камни там или водоросли не надобны. Любит она по дну идти, в полводы. Полная вода или сухая вода — это ей неподходяще, не любит она этого, а идёт, говорю, в полводы.

— А это колотушка?

— Это? Колотушка, сынок. Её бить. Она здоровая, сильная, так не вытащишь, упаришься, вот и бьём мы её колотушкой.

— А если она выскочит?

— Но! У нас ведь ловушка на то. Вишь, плотно-то? Сеть то есть. Это вот стенки на кольях с оттягами, а внизу... Глянь-ка, глянь!

Сवेशивается Никишка за борт, руками глаза свои разноцветные огородил, смотрит в воду, в глубину, видит блики зеленоватые на дне, тонкие ячейки сети видит.

— Вишь? Вишь, внизу тоже сеть — это доно. Стенки да доно, это вот тайник, а там ворота, эвон где жерди две рядом торчат, ворота там... Она идёт, в ворота зайдёт и в тайник, и в тайнике мы её бьём. От ворот заезжам, выход загораживам, доно подымам и бьём.

— Знаю, — говорит Никишка, вспомнив что-то.

— Я и то говорю, знаешь, — соглашается отец. — Ты у меня всё знаешь!

— А почто меня ребята дразнят?

— Они дурачки, не слушай их. Озорники они, всё им баловство, а ты хороший, смирный да умный, вот они и дразнят. Не слушай их, ты всех умней.

— Это потому, что я думаю много.

— А ты много не думай и мало не думай, а так: захочется — думай, не захочется — не думай.

— А я думаю вот, куда это вода в море отливает, а после обратно приливает. Реки, те в море утекают, а море куда утекает?

— Море? Гм... — скребёт отец бороду, на горизонт глядит, соображает. — Море, надо думать, в горло уходит, в Ледовитый океан. А из океана ещё и в другие океаны переливается.

— А много других океанов?

— Много, сынок, и стран всяких много на земле.

— А ты был там?

— Был! В Италии, и во Франции был, и в Норвеге, когда моряком ходил.

— А какая Италия?

— Италия-то? Италия, сынок, хорошая. Жарко там, солнца много, фрукты всякие растут, сладкие да вкусные. Все там чёрные от солнца ходят, раздетые, а зимы вовсе нет.

— Как нет?

— А так, снегу нет, морозу нет, ничего. Солнце круглый год.

— Хорошо! — вздыхает Никишка. — Пожить бы там!

— И поживёшь, — говорит отец. — Вырастешь, на капитана пойдёшь учиться, дадут тебе пароход большой в Архангельске, и побежишь ты мимо Норвеги, вокруг земли, прямо в Средиземное море.

- А ты капитаном был?
- Нет, я был матросом. Всем я был: лесорубом, охотником, рыбаком, зверобоем...
- Ой, глянь-ко, что это?
- Где?
- Эвон кажется...
- А! То тюлень. Тюлень, сынок, подплыл на нас поглядеть.
- Знаю. А где он живёт?
- В море живёт. Днём рыбу промышляет, а ночью к берегу плывёт, на камнях спит в местах глухих, на съёмных коргах¹.
- А почто его бьют? Его ведь не едят.
- Шкура у него хороша и жиру много. Его легко бить, глупый он; подкрадаются и бьют из винтовки. А ходим за ним всяко: другой раз на карбасах, другой раз на ледоколе. Теперь-то всё больше на ледоколе.
- А если темна погода, страшно на карбасе?
- Ой, страшно! Вот вырастешь, возьму я тебя на зверобойку, узнаешь тогда наше северное морюшко. Эвон там, где блёстки, — показывает отец рукой, — где солнушко стоит, там островок есть махонький, Жижгин называется. Тюлени там стадятя. На Жижгине этом поморы всегда промышляют. Стоит там избушка зверобойная на корге, прибегают туда поморы на карбасах, живут, хлеб жуют, поветрия ждут, погоды, значит. В хорошую погоду в море бегут, тюлешков стреляют, ночью на льдине спят. Бывает, падёт темна погода, так уж понесёт, так понесёт — заревишь² на голос, с жизнью простишься. Кто пощастливей, того и отпустит скоро, ветер напеременку пойдёт, утихнет, а кого и в горло вынесет, мимо

¹ *Корга́* — здесь: подводный камень, гряда, каменистый отлогий берег.

² *Зареви́ть* — зареветь.

Канина Носа пронесёт — да в океан... А там только если с самолёта заметят, спасут, а так...

— Сёмга! — шепчет вдруг Никишка.

— Но! — встал отец на носу на коленки, наклонился над тайником. — А и верно! Ну, Господи, благослови, я буду доно подымать, а ты карбас сдерживай...

Быстро отвязывает отец карбас, гребёт по борту, в объезд ловушки, к воротам. Заходят со стороны ворот, нагибается отец, руки в воду опускает, Никишка за жердь держится. А в глубине что-то беззвучно мечется — огромное, сильное, живое, — вздрагивают жерди, как струны, дрожат от тяги. Шуршит капроновая сеть, подтягивает её отец к карбасу; Никишка шею вытянул, смотрит вниз. Вот всё меньше сёмге места остаётся, вот она уже два раза поверху плеснула, держит отец одной рукой подобранное доно, другой колотушку шарит. Нашёл, руку вымахнул, ждёт, когда ударить можно, а сёмга бьётся всё яростней, всё сильнее, гулко по дну карбаса стучает, не даётся, водой рыбаков окатывает. Вот уже вся она на виду, как в чаше пенной, — могла бы кричать, закричала бы от ужаса. Бьёт отец с размаху её по голове, и сразу всё обрывается, обмякает сёмга, заваливается на бок. Хватает отец её за жабры, с усилием втягивает в карбас, шлёпает вниз, под ноги Никишке. Смотрит Никишка на неё остановившимися глазами, а она ещё жива, ещё жабры вздрагивают, чешуя ещё сжимается — огромная серебристая рыба, с тёмной спиной, с загнутой вверх нижней челюстью, с чёрным крупным глазом.

Опускает отец доно, выталкивает карбас из ловушки, рукавом лицо вытирает и руки, рыбой пахнущие, вытирает о штаны, весело смотрит на сёмгу, на Никишку.

— Вот как мы её!

Никишка бледен, поражён, опомниться не может. И опять привязан карбас к жерди, качается на волне вверх-вниз, молчит отец, сложив на коленях могучие красные кисти рук, отдыхает. А Никишка, привыкнув немного к сёмге, вспоминает отцовские слова о тюленях...

— Не, я лучше капитаном буду! Не хочу тюленей бить, они смиренные...

— Можно и капитаном, — соглашается отец и смотрит на небо. — Глянь, тучи натягиват, солнушко скрывает. Скоро домой поедем. Можно капитаном, а можно инженером тоже...

— А почто инженером?

— Как почто? Строить чего-нибудь будешь, это тоже дело! Да вот хоть бы у нас: выстроим дорогу по берегу асфальтовую, причалов настроишь, огни гореть будут, машины гудеть...

Никишка задумывается, глядит на далёкий берег: какой он тёмный, безлюдный.

— Ладно, — решает, — буду инженером.

— Ну вот! Посидим ещё и — домой. Там у меня рыбка есть, давеча утром рюжу¹ осматривал по сухой воде, так рыбки немного попало. Ухи мы с тобой наварим да чай вскипятим, оно и хорошо спать-то будет. А теперь давай-ко помолчим-дак... Сёмгу надо сторожить.

Молчит всё: молчит море, карбас беззвучно качает, молчит берег, не доносится оттуда ни звука. Низкое уже солнце скрылось в облаках, потемнело всё кругом, запечалилось. И никого нигде нет! Пусто везде, безлюдье, летают редкие чайки, на берегу в лесу рябки притаились, да качаются в карбасе два рыбака и с ними сёмга заснувшая.

¹ *Рюжа* — мерёжа, вентерь — рыболовная сеть, натянутая на обручи.

Гудит печка, потрескивает, тепло в избушке, за окошками сумерки. Зажёт отец лампу, между ног ведро поставил с водой, шкерает¹ на уху пятнистую тресочку, тёмную, горбатую рявшу, тонкую навагу. А Никишка дремлет, наговорился за день, нагляделся, наслушался, накачался, устал — дремлется ему, думается бог знает о чём!

Круто меняется погода. Дует верховой обедник, шумит море, всё зеленеет и зеленеет на западе, просинь открывается, воздух стекленеет: настаёт вечер необыкновенной чистоты, со звёздами и смутным небесным светом.

Лежит рыжий пёс у печки, спит, подрагивает во сне. Никишка встрепенётся, слушает вполуха — отец чего-то говорит мирное, давно знакомое, родное: о рыбе говорит, о море, о ботах, о деревне, о ветрах — полуношнике, побережнике, шалонике, обеднике... Большой отец, склонился низко над ведром, волосы, как у Никишки, белёные на глаза свесились, борода распушилась, сам неподвижен, руки только двигаются, нож сверкает, рыба в ведро с плеском падает, тень отцовская на стене вздрагивает. Говорит, говорит отец низким голосом. Никишка глаза закроет, видит землю родную с морем, лесами, озёрами, солнце видит, птиц молчаливых, зверей странных, кажется ему, вот-вот тайну какую-то узнает, никому не ведомую, слово заветное произнесёт, и нарушится молчание, заговорит всё с Никишкой, всё ему разом понятным станет. Но нет слова, не раскрыта тайна, слышит Никишка ровный отцовский голос, и ещё многое видит он и слышит.

Видит он, что псу рыжему снится, — лес ему снится; звери страшные, неизвестные со всех сто-

¹ Шкёрать — скрести, чистить.

рон кидаются. Бежит пёс, лает от страха, одно ему спасение — Никишка. Слышит, камни шептаться начинают, море шумит, деревья в лесу шевелятся, крикнет кто-то... Видит, вот отец в шторм на льдине качается, ревит; ещё видит, сёмга огромная, сердитая бережает¹, по дну плывёт, по чистому донушку, а за ней другие — тайник отцов ищут.

Гудят в печке дрова, потрескивают... Отец из избы выходит воду вылить из ведра, слышно, за стенкой ходит, дрова собирает, потом в избу входит, грохает дрова у печки. Вскакивает пёс рыжий, вздрагивает Никишка, глаза открывает.

— Спишь, сынок? — наклоняется к нему отец. — На воле-то не видал, что делается? Ясень какой! Глянь-ка, глянь поди...

Выходит Никишка — темно, холодно, ветер сырой дует. Солнце давно село, леса не видно, а вверху, между звёзд, жемчужно светится продолговатое пятнышко. Будто облачко плывёт на страшной высоте, озарено последним светом солнца.

Но вот облачко медленно, неуверенно вытягивается в длину, пухнет в середине, выгибается мостом-радугой между западом и востоком. Смотрит Никишка, закинув голову. Дверь хлопает, пёс к Никишке подбегает, за псом отец выходит, тоже голову поднимает.

Неясные тени начинают ходить по облаку, цвета меняются, всё синеют, всё густеют — от молочного к синему. Кажется Никишке, напрягается облако, силится рубиновым огнём загореться, запылкать вместо ушедшего солнца. Всё сильнее мерцают краски, всё больше света сверху льётся, но напрасны усилия, всё гаснет, и опять большие, смутные тени передвигаются печально по световому мосту.

¹ *Бережать* — подходить к берегу (поморск.).

Смотрит Никишка, смотрит отец и молчит, пёс смотрит и тоже молчит. Молчит и лошадь, заснула возле берёзы — всё молчит, одно море светлеет от небесного огня и шумит, шумит...

Вот совсем гаснет свет, идёт Никишка в тёплую избу, забирается на кровать с ногами, пёс у печки ложится, ставит отец уху на огонь и чайник ставит.

Скоро Никишка спать ляжет, и приснятся ему необыкновенные сны. Обступит его деревня, избы с глазами-окошками, лес подойдёт, камни и горы, конь явится, пёс рыжий, чайки прилетят, кулики сбегутся на тонких ножках, сёмга из моря выйдет — все к Никишке сойдутся, смотреть на него станут и, бессловесные, будут ждать заветного слова Никишкиного, чтобы разом открыть ему все тайны немой души.

1. Подумайте, почему рассказ Ю. П. Казакова так называется?
2. За что автор любит своего героя? Что удивительного находит писатель в ребёнке восьми лет?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Какие тайны хочет разгадать Никишка?
2. У Никишки чуткая душа. Богатство мира открыто ему. Талант мальчика в чутком, обострённом восприятии звуков, красок, запахов. Все они описаны так, как их слышит, видит, чувствует Никишка. Какие это звуки, краски, запахи? Найдите эти слова в тексте.
3. Природа живая в понимании ребёнка. У каждого дерева, ручья свой голос. Какими словами передаёт эти голоса автор? Как и с кем разговаривает Никишка? Можно ли сказать, что собака и лошадь понимают мальчика?
4. Какой изображена природа в рассказе? Как вам кажется, есть ли связь между богатством, разнообразием северной природы и переживаниями, мыслями ребёнка?
5. Как относятся к Никишке родители, особенно отец? Понимает ли он одарённость ребёнка, хрупкость его внутреннего мира? А дети? Почему они обижают Никишку?

6. Какую роль в произведении играет вступительная часть — описание деревни? Какие стороны деревенского быта подчеркнуты писателем? Случайно ли, что в начале рассказа второй абзац текста начинается и заканчивается словом *чутко*?
7. Какова концовка рассказа? Какие сны и видения придут к Никишке? Зачем ему *заветное слово*? Что значат слова *тайны немой души*?
8. У поэта Сергея Есенина есть замечательное стихотворение, которое начинается строками: «Отговорила роща золотая / Берёзовым, весёлым языком...» Герой рассказа Никишка спрашивает отца: «— А ты понимаешь, об чём берёзы говорят? — Дак они по-своему, по-берёзьи, небось, говорят! Надо язык ихний знать. А то где понять!» Наверное, и отец Никишки думал над этим.
Согласны ли вы с тем, что душа у Никишки — поэтическая, что он художник по восприятию окружающего мира?

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Понаблюдайте за животными, которые вас знают, — кошкой, собакой, козой, коровой, поросёнком... Как они выражают то, что помнят вас или вашу маму, бабушку, которые их кормят, ухаживают за ними? Умеете ли вы для себя «расшифровывать» движения лап, мордочки, хвоста, походку животного, то есть понимать его желания, настроение? Попытайтесь описать то, что вы поняли.
Вот как в рассказе «Арктур — гончий пёс» Ю. П. Казаков пишет о характере собак: «Собаки бывают разные, как и люди. Есть собаки нищие, побирушки, есть свободные и угрюмые бродяги, есть глуповосторженные брехуны. Есть унижающиеся, вымаливающие подачки, подползающие к любому, кто свистнет им... Много я видел преданных собак, собак покорных, капризных, гордецов, стоиков, подлиз, равнодушных, лукавых и пустых...» Рекомендуем прочесть ещё рассказ Ю. П. Казакова «Тедди» — о медведе, раньше выступавшем в цирке.
2. Попробуйте нарисовать красками или цветными карандашами иллюстрации к рассказу — передать то, что видел Никишка.

3. Представьте, что вы создаёте цветной звуковой фильм, в котором можно передать не только краски, но и звуки природы. Попробуйте описать словами первые кадры этого фильма. Как их озвучить? Какие эпизоды-кадры поставить в центре фильма? Как должен выглядеть мальчик, исполняющий роль Никишки?
4. По каким чертам характера и внешнего вида вы можете выбрать «актёра»?

СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ЖАНР

Вы уже читали немало произведений, которые называются *эпическими*, повествовательными. В них писатель показывает картины жизни, в центре которых — человек, его поступки, его судьба. Вспомните былины или рассказы А. И. Куприна, А. П. Чехова. В этих произведениях автор наблюдает за героями, событиями со стороны.

В лирике главное — переживание, чувства автора, его личное восприятие мира. Вы это хорошо почувствуете, читая стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других поэтов. Они стремятся вызвать у нас, читателей, те мысли и чувства, которые пропустили через своё сердце, когда создавали произведение. «Сердечное мышление» — так называл лирическое творчество поэт А. Н. Майков. Самый распространённый жанр лирики — *лирическое стихотворение*.

Поэтическая (стихотворная) речь позволяет кратко, выразительно передать многообразие чувств, мыслей, настроений. Она сильно воздействует на эмоции читателей благодаря *ритмическому построению* (ритму), звучной *рифме* (об этом вы узнали в V классе). В стихотворении каждое слово, строка, построение фразы, рифма, ритм — всё важно, всё помогает передать мысль-чувство автора.

Вслушивайтесь в звучание стихов, воображайте нарисованные картины, откликайтесь на чувства поэтов — и вам откроются их сокровенные переживания. «Стихи живые сами говорят. / И не о чём-то говорят, а что-то», — писал поэт С. Я. Маршак. Но «что-то» стихи «говорят» только чуткому сердцу...

1. Что является главным содержанием лирического произведения?
2. Прав ли поэт А. Н. Майков, назвав лирику *сердечным мышлением*? Обоснуйте своё мнение.
3. О чём размышляют поэты в своих произведениях?
4. Какие средства организации речи помогают им выразить свои мысли и чувства?

Александр Сергеевич
ПУШКИН

1799—1837

Лирическая поэзия Пушкина пробуждает «чувства добрые», доставляет нам неизъяснимое наслаждение. О чём бы ни писал поэт: о няне, зимнем вечере или об осени, о друзьях или море — всё находит в нашей душе отклик. И возникает впечатление, будто поэт выразил наши мысли, наши чувства, но в то же время открыл в нас что-то новое, сокровенное, важное.

Внимательно прочитайте стихотворение «Зимний вечер», обращённое к няне Арине Родионовне. Ласку, нежность, любовь и заботу находил он у крепостной няни, которую называл «доброй подружкой».

1825 год. Долгая студёная зима. Маленький домишко няни занесён снегом. Они вдвоём. Дрожит огонёк свечи. Арина Родионовна прядёт свою пряжу. За окном завывает метель.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1. Какие картины зимнего вечера вы представили? Чьи голоса вам слышались?
2. Какое настроение передано в стихотворении и как вы его почувствовали?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Проследите за «движением» вьюги в первой части стихотворения и разгадайте, как удаётся поэту его передать. Выполняя задание, обратите внимание на разные оттенки в «голосе» вьюги, на частоту употребления глаголов.
2. Какое душевное состояние переживают поэт и его *добрая подружка* и с помощью каких художественных средств оно передаётся?
3. Какую особенность композиции (построения) стихотворения вы заметили и в чём её смысл?
4. Найдите в первых строфах стихотворения эпитеты, сравнения, метафоры и объясните их роль в изображении картины зимнего вечера и создании общего настроения.

В разлуке

Александр Сергеевич жил то в Петербурге, то в Москве. Однако и в суеете городской жизни он всегда помнил об Арине Родионовне, мысленно обращаясь к «подруге дней моих суровых». Она тоже скучала по нему, тревожилась о его здоровье и ежечасно ждала его. «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, — писала она ему. — И только когда засну, то забуду

вас... Я вас буду ожидать и молить Бога, чтобы он дал нам свидеться. Приезжай, мой ангел, всех лошадей на дорогу выставлю...»

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь
То чудится тебе...

1. Какое отношение к няне выразил поэт в этом стихотворении? Устно опишите место, где вы яснее всего представляете няню (у окна, ворот, на дороге).
2. О каких случаях из вашей жизни напомнило это стихотворение?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Постарайтесь читать стихотворение вполголоса, медленно, передавая его мелодику и вслушиваясь в неё. Выполняя задание, обратите внимание на повторения (*давно, давно*); на перечисления (*тоска, предчувствия, заботы*); на инверсию (*лесов сосновых, голубка дряхлая моя*); на рифму (*суровых — сосновых; моя — меня*); на наиболее значимые, опорные слова в каждой строке (*подруга, голубка, одна, давно* и др.).
2. Перечитайте стихотворение ещё раз, медленно, наблюдая, как возникает (сотворяется) образ-переживание.

I четверостишие: няня в состоянии долгого ожидания (как это передано?). II четверостишие: усиление нетерпения, беспокойства (какие детали об этом говорят?). III четверостишие: нарастание тревоги (как передана смена состояний няни?). Последняя строка: высшая точка напряжённого ожидания (о чём говорит многоточие?).

3. Прокомментируйте, какой смысл приобретают в тексте слова: *подруга, голубка, светлица, горюешь, тоска, заботы, всечасно, чудится*. В чтении стихотворения постарайтесь передать любование поэта няней, сострадание к ней.
4. Объясните, как эпитеты *дряхлая, наморщенных, забытые, чёрный, отдалённый* помогают передать чувства поэта.

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Расскажите, каким открывается поэт в этом стихотворении.
2. Объясните, почему «Няне» — лирическое стихотворение.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Попробуйте передать (в прозе или стихах, в письме) своё состояние во время разлуки с дорогим для вас человеком.

«Люблю её снега...»

Поэт признавался: весенняя оттепель ему скучна, «суровою зимой» он «более доволен», в холодные дни он чувствует себя здоровым, энергичным.

Стихотворение «Зимнее утро», написанное в деревне у друзей, стало настоящей жемчужиной пушкинской лирики.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры

Навстречу северной Авроры¹,
Звездою севера явись!

Вечор², ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1. Какие особенно яркие картины возникали перед вами, когда вы слушали это стихотворение? Какая из них запечатлелась в вашем представлении?
2. Чем вы объясните стремительное движение мыслей, чувств, состояний, переданное в стихотворении?

¹ *Аврора* — здесь: заря.

² *Вечор* — вчера вечером.

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Медленно прочитайте первую строфу. В чём особенности её начала? Подумайте о роли соединительного союза *и* в сочетании *мороз и солнце*.
2. Прочитайте вторую и третью строфы. Какой художественный приём здесь используется? Покажите его роль в развитии мысли, чувства поэта. Какие детали создают картину погожего утра? Как подчёркнуто многоцветие зимнего наряда природы?
3. Куда возвращает читателя поэт в четвёртой строфе и почему? Прочитайте её вполголоса, прислушиваясь к повторяющимся звукам:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.

Какой звуковой образ у вас возникает?

4. Прочитайте последнюю строфу и подумайте над эпитетами *нетерпеливый, милый для меня*. Какие мысли, картины они рождают? Поэкспериментируйте: замените слово *навестит* словом *посетит*. Как изменится в связи с этим смысл строфы?
5. Одинаковы ли по настроению начало и конец стихотворения?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

Определите тональность каждой строфы; проследите движение авторской интонации от первой до последней строфы; соблюдайте её в своём чтении с листа (или наизусть).

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Подготовьте (устно или письменно) монолог, обращённый к другу или подруге, на тему «Что сказали мне стихи Пушкина» (произведение по выбору).
2. Представьте (вообразите) цветовую гамму стихотворения «Зимний вечер» или «Зимнее утро». При желании сделайте зарисовки в литературной тетради.

Стихотворная речь

Ритм

Стихотворная речь — особый тип речи, она выделяется своей музыкальностью, ритмичностью.

 Ритм стихотворный — это упорядоченное чередование стихотворных строк, а внутри этих строк — ударных и безударных слогов.

Ритм является основной особенностью стихотворной речи. Убедимся в этом, изменив порядок слов в строфе. Разобьём её на слоги и расставим ударения:

И пе/ча́ль/на, и тем/на́ вёт/ха/я на́/ша ла/чу́ж/ка.

Как видим, нет строгого порядка в расположении ударений, нет чёткого чередования ударных и безударных слогов. И в результате никакого музыкального впечатления от этой фразы мы не получаем.

Двусложные размеры стиха

Прочитайте ещё раз пушкинские стихи, слегка выделяя (скандируя) ударные слоги:

Бу́ря/мгло́ю/не́бо/кро́ет,
Ви́хри/сне́жны/е кру/тя́.

Определите слоги без ударения и обозначьте их значком ∪. Прислушайтесь к этим строкам. Схема расположения ударных и безударных слогов такова:

У ∪ / У ∪ / У ∪ / У ∪
У ∪ / У ∪ / ∪ ∪ / У

Итак, в стихотворении А. Пушкина «Зимний вечер» повторяется сочетание двух слогов: ударный—безударный. Стихотворный размер, в котором

повторяются сочетания из двух слогов, называется **д в у с л о ж н ы м**.

 Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог, называется **хорей**: $\acute{\cup}\cup$.

Следовательно, стихотворение А. Пушкина «Зимний вечер» написано хореем.

Вспомним строки из стихотворения «Зимнее утро»:

Морóз/и со́лн/це; де́нь/чудёс/ный!
Ещё /ты дрём/лешь, дру́г/прелёст/ный...

Схема безударных и ударных слогов такова:

$\cup\acute{\cup} / \cup\acute{\cup} / \cup\acute{\cup} / \cup\acute{\cup} / \cup$
 $\cup\acute{\cup} / \cup\acute{\cup} / \cup\acute{\cup} / \cup\acute{\cup} / \cup$

Итак, здесь тоже повторяется сочетание из двух слогов. Значит, это тоже двусложные стихи. На какой слог падает ударение: на первый или на второй? В данном случае ударный слог — второй.

 Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог, называется **ямб**: $\cup\acute{\cup}$.

Следовательно, стихотворение А. Пушкина «Зимнее утро» написано ямбом.

Важную роль в звучании стихотворной речи имеет *рифма* — созвучие окончаний стихотворных строк. На это мы уже обращали внимание раньше.

- 1. Определите, каким размером написано стихотворение «Няне».
2. Составьте схему ударных и безударных слогов в этом стихотворении.
3. Какая разница в интонации звучания строк с ямбом и хореем? Какая из строк звучит более протяжно, передавая грустное настроение, а какая — бодрее, веселее?
4. Прислушайтесь, как звучат рифмующиеся строчки пушкинских стихов.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

С 14 лет для Лермонтова занятия поэзией становятся жизненной потребностью. В стихах он выражает всё, что его волнует: природа и мироздание, Родина и её история, человек и его назначение на земле, смерть и бессмертие. Однако наиболее ярко выражены в его стихах стремление к действию, порывы к воле, свободе, преодолению обстоятельств.

Жажда знаний, стремление Лермонтова осмыслить жизнь и своё назначение в ней особенно сильно проявились в период обучения в Московском университете. У Лермонтова образовался круг друзей, где обсуждали российскую жизнь, спорили о литературе и искусстве, читали стихи. Однако в 1832 году Лермонтову пришлось переехать Петербург. Он глубоко переживает перемены в жизни, разлуку с друзьями, тревожится о своём будущем. В эту пору поэт пишет стихотворение «Парус».

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Акварельный рисунок М. Ю. Лермонтова «Парус»

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

- ?
1. Какие чувства выражены в стихотворении?
 2. Что вам кажется загадочным в состоянии паруса?
 3. Какие цвета вы использовали бы в иллюстрации к стихотворению?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Прочитайте стихотворение медленно, про себя или вполголоса, проследите, как меняется в нём интонация.
2. В каждой строфе обозначьте главные, опорные, на ваш взгляд, слова, без которых разрушается поэтический образ.
3. Исследуйте роль повторов, инверсий, глаголов, вопросительных и восклицательных предложений, метафор.
4. Прочитайте «Парус», раскрывая движение мысли и чувства в нём.

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Передайте состояние автора, выраженное в стихотворении.
2. Раскройте смысл стихов:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

3. Рассмотрите акварельный рисунок М. Ю. Лермонтова «Парус», сопоставьте его со стихотворением. Что общего и различного в них?

СЛУШАЕМ МУЗЫКУ

Найдите возможность прослушать романс А. Е. Варламова «Белеет парус одинокий» на стихи М. Лермонтова. Какие чувства выразились в нём наиболее ярко? Как вы оцениваете это музыкальное воплощение лирического произведения М. Лермонтова? Что нового оно открыло вам в стихотворении «Парус»? Хотели бы вы слушать этот романс ещё и в какие моменты своей жизни?

«Гонимый миром странник...»

В 1837 году М. Ю. Лермонтов написал стихотворение «Бородино», которое хотел показать А. С. Пушкину. Однако в том году великий поэт был убит на дуэли. Эта смерть глубоко потрясла Лермонтова. Он откликнулся стихотворением «Смерть поэта». В нём соединились горечь утраты и возмущение виновниками трагедии. Лермонтов был арестован и отправлен в ссылку на Кавказ, где шла война.

В 1838 году поэт возвращается из ссылки в Петербург, но в 1840 вновь был отправлен на Кавказ. К этому времени Лермонтов — автор не только стихотворений, но и поэм «Демон», «Мцыри», «Беглец». У него было много творческих замыслов. Он мечтал оставить военную службу и посвятить себя литературе. Но жизнь круто изменилась.

В последний вечер перед отъездом на Кавказ собрались друзья, приятели, почитатели молодого поэта. Один из гостей вспоминал, что Лермонтов был растроган этой общей любовью. Он стоял у окна и, «глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение “Тучки небесные, вечные странники...”. Несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что написанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочёл его. Когда он кончил, глаза были влажные от слёз».

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

- ?
1. Какое настроение передано в стихотворении?
 2. Почему поэт обращается к тучкам? Какой художественный приём здесь использован? (Например: *Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники...*)
 3. Какую особенность звучания стиха вы услышали? Чем её можно объяснить?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Прочитайте медленно строфу за строфой, слегка подчёркивая рифмующиеся слова, передавая мелодику стиха. Попы-

- тайтесь определить (исследовать), как создаётся интонация, передающая размышления, грусть автора. С этой целью:
- а) обратите внимание на слова: *странники — изгнанники, нет родины — нет изгнания*; на эпитеты: *зависть тайная, злоба открытая, клевета ядовитая, вечно холодные, вечно свободные, милый север*; на вопросительные и восклицательные предложения;
 - б) прочитайте, скандируя, любую строфу и обозначьте ударные гласные;
 - в) выделите рифмующиеся слова;
 - г) найдите инверсии и повторы, определите их роль.
2. Подумайте над статьёй «Гонимый миром странник...», представьте состояние поэта, изгоняемого с *милого севера*, и ещё раз прочитайте стихотворение вполголоса.

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Сделайте вывод, какую мысль-чувство выразил Лермонтов в стихотворении «Тучи» и какие художественные средства он для этого использовал.
2. Сопоставьте «Парус» и «Тучи», докажите, что они принадлежат одному автору.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1877

Некрасов хорошо знал жизнь русской деревни. Он рос в сельце Грешнево, недалеко от города Ярославля, на берегу Волги.

Всю жизнь помнил Николай Алексеевич, как мальчишкой впервые увидел он бурлаков, которые тянули по реке тяжёлую расшиву¹. Он слышал, как один из бурлаков стонал и горько жаловался на невыносимую жизнь. Мальчик был испуган, потрясён до слёз. Он пытался понять причину этого страшного явления, но не мог. Это мучило его, вызывало желание как-то помочь, защитить страдающих людей. И впоследствии «зрелище бедствий народных» в городе или в деревне никогда не оставляло его равнодушным. «Это было раненое сердце, раз на всю жизнь», — писал о поэте Ф. М. Достоевский.

Вам предстоит познакомиться с одним из проникновенных, волнующих стихотворений Н. А. Некрасова — «На Волге», в котором как раз соединились впечатления ребёнка и взрослого человека от «зрелища бедствий народных».

НА ВОЛГЕ

(В сокращении)

Не торопись, мой верный пёс!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Ещё успеем мы стрелять.
Ты удивлён, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе...

О Волга, после многих лет
Я вновь принёс тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла

¹ *Расши́ва* — большое плоскодонное судно с острым носом и острой кормой.

И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острове, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!., колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По тёмно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьём по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки

Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удасть раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушёл бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушён.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котёл с расшивы принесли,
Уселись, развели костёр
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний попадём? —
Один сказал: — Когда б попасть
Хоть на Илью... — «Авось придём, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил: — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы ещё...»
Он замолчал и навзничь лёг.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,

Изнеможённые черты
И выражающий укор
Спокойно-безнадёжный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски!..

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поёшь,
Всё ту же лямку ты несёшь,
В чертах усталого лица

Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?..

1. Какой вам представляется Волга по описанию Н. А. Некрасова? Какой цвет преобладал бы в ваших иллюстрациях к стихотворению и почему?
2. Поэт называет Волгу своей колыбелью. Что заставило его назвать её *рекою рабства и тоски*?
3. К кому (чему) обращается поэт в стихотворении и почему он это делает?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Просмотрите, как построено произведение, пронаблюдайте в нём смену картин, интонаций.
2. Обратите внимание на все описания Волги, определите отношение к ней автора. Отчего оно меняется?
3. Медленно прочитайте про себя описание впечатления мальчика от первой встречи с бурлаками. Как выражает автор потрясение ребёнка? Какими качествами, по-вашему, наделён мальчик?
4. Сопоставьте описания первой и второй встреч с бурлаками. Чем особенно огорчила поэта последняя встреча? Какой вопрос он мысленно задаёт бурлакам?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какие контрасты видит поэт в жизни? Какие чувства они у него вызывают?

2. С помощью каких художественных средств автор выражает своё отношение к увиденному на Волге? Выполняя это задание, обратите внимание на эпитеты в описании бурлаков, изменения в настроении, состоянии героя; обращения поэта к Волге, бурлакам; вопросительные и восклицательные предложения, диалог.
3. Сделайте вывод: какие особенности лирического произведения вам открылись в стихотворении Н. Некрасова «На Волге».
4. Подготовьте выразительное чтение (монологическое или в лицах) отрывка от слов *Давно-давно, в такой же час...* до конца стихотворения.

РАБОТАЕМ С КАРТИНОЙ

Рассмотрите на форзаце репродукцию картины И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». Определите не только сходное, но и различное в изображении бурлаков Некрасовым и Репиным. Обратите внимание на композицию картины, её колорит¹, лица, фигуры трёх передних (коренных) бурлаков, юношу в розовой рубашке, позу последнего бурлака; изображение реки, неба.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Вспомните событие или встречу в вашей жизни, которая серьёзно огорчила, опечалила вас. Продумайте, как выразить впечатление об этом, какие средства языка использовать, чтобы вызвать у слушателей (читателей) ответные чувства.

Антитеза

Вы, наверное, не раз замечали, как часто в произведениях литературы слова, фразы, картины, даже речь и поступки героев противопоставлены друг другу.

¹ *Колорит* — цвет, общее настроение, оттенки картины; колорит может быть светлым, ярким, мрачным, холодным, тёплым и т. д.

Вот и у Н. А. Некрасова детская радость героя в стихотворении «На Волге» сменяется горьким рыданием. А величавая Волга становится «рекою рабства и тоски». Вольный простор, тёмно-голубые волны, зелёные острова, а рядом — измученные, отчаявшиеся бурлаки. *Угрюмый, лохмотья жалкой нищеты, изнеможённые черты, спокойно-безнадёжный взор* — такие слова находит поэт, чтобы передать состояние людей.

 Противопоставление образов, картин, слов, понятий в литературном произведении называется **антитезой**.

Антитеза помогает писателю глубже, точнее высказать мысль, ярче изобразить предмет, героя, ситуацию.

Найдите антитезу и определите её роль в стихотворениях А. С. Пушкина «Зимнее утро», М. Ю. Лермонтова «Парус», «Тучи».

«Раз я видел...»

Однажды осенью Николай Алексеевич из окна своей петербургской квартиры увидел, как к дому напротив, где жил министр государственных имуществ, подошли крестьяне, усталые, в обтрёпанных одеждах. Сняв шапки, они кланялись швейцару, стоящему у подъезда, о чём-то просили его. Но дворник и подоспевший городской гнали их прочь, толкали в спину, грозили кулаками. Крестьяне ушли, в отчаянии разводя руками, склонив непокрытые головы. Некрасов, по свидетельству жены, писательницы А. Я. Панаевой, «сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошёл от окна и улёгся на диване».

Через два часа поэт прочитал стихотворение, которое начиналось словами: «Вот парадный подъезд».

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав своё имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектёры¹, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему, то и знай, по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгоношко они
Из каких-нибудь дальних губерний).

¹ *Прожектёр* от *проже́кт* (прое́кт) — сочинитель неосуществимых проектов, фантазёр.

Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли¹ пилигримы²,
Но швейцар не пустил, скудной лепты³ не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Ещё сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть ещё наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая?
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не даёт.
И к чему? Щелкопёров⁴ забавою
Ты народное благо зовёшь;
Без него проживёшь ты со славою
И со славой умрёшь!

¹ *Кошэль* — то же, что кошелёк.

² *Пилигрим* — паломник, странствующий богомолец.

³ *Лепта* — посильное подаяние, скромный вклад.

⁴ *Щелкопёр* (устар. пренебр.) — бездарный писатель, писака.

Безмятежней аркадской идиллии¹
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя,
Ты уснёшь, окружён попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдёшь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчиною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу?
Безопасней... Ещё веселей
В чём-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал!

¹ *Аркадская идиллия* — здесь: счастливое, беспечное, спокойное существование.

Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

- ?
1. Какие чувства переполюют поэта?
 2. К кому мысленно он обращается в этом стихотворении?
 3. Что изменил поэт в описании сцены с крестьянами-ходоками, которую он наблюдал из окна, и почему?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Просмотрите весь текст произведения, определите, какие части в нём можно выделить. Озаглавьте их и запишите свои наблюдения в литературную тетрадь. Каждую часть читайте вполголоса, определяя выраженное в ней настроение и отношение автора к изображаемому.

2. Попробуйте объяснить, как заключительная часть связана с эпизодом у подъезда. Какова её роль в стихотворении?
3. Исследуйте особенности лексики, синтаксиса заключительной части стихотворения. Выполняя задание, обратите внимание на повторы, инверсию, обращения, побудительные и вопросительные предложения. Узнайте, какие вопросы называются риторическими, и найдите их в тексте.

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Каким человеком открывается поэт в этом стихотворении?
2. Попробуйте обосновать, почему он назвал своё произведение «Размышлениями».
3. Какую роль в стихотворении играет антитеза?

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Используя приём антитезы, составьте кадроплан диафильма, состоящего из двух частей. Выберите одну из предложенных тем или сформулируйте свою.

«В о т п а р а д н ы й п о д ъ е з д»

I часть. «По торжественным дням...»

II часть. «А в обычные дни...»

«Р а з я в и д е л»

I часть. «Сюда мужики подошли...»

II часть. «А владелец роскошных палат...»

«Р а з м ы ш л е н и я...»

I часть. «Вечным праздником быстро бегущая

Жизнь очнуться тебе не даёт».

II часть. «Свету Божьего солнца не рад...»

2. Составьте речевую партитуру одной части стихотворения (по выбору). Определите размер стиха, особенности рифмы в строфе. Подготовьте выразительное чтение этого фрагмента. Сформулируйте задачи его исполнения перед классом. Возможный вариант партитуры (фрагмент):

... Родная земля!

Назови мне такую обитель, / (энергично, с горечью)

Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал / (с убеждением противо-
естественности такого состояния).

Александр Александрович БЛОК

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошеной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

- ?
1. Попробуйте представить цветовую гамму стихотворения. Выразите свои представления словесно или красками на бумаге.
 2. Какие интонации вы слышали в стихотворении Блока? Может быть, вам вспомнились какие-то знакомые мелодии? При желании тихо (для себя) напойте их и подумайте, что сближает стихи и музыку.

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, НАБЛЮДАЕМ

1. Раскройте состояние природы в стихотворении «Летний вечер». Найдите слова, определяющие это состояние. Понаблюдайте за особенностями лексики, синтаксиса. Присмотритесь, прислушайтесь к рифмовке.
2. Обратите внимание на композицию стихотворения. Как чередуются картины летнего вечера?

3. Перечитайте вторую часть стихотворения. Подумайте, какие побуждения вызывает природа у поэта. Как вы их оцениваете? Например фразы: *забудь заботы и печали...*, *умчись...*?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Как взаимодействуют в стихотворении человек и природа?
2. Найдите в толковом словаре определения понятий *милосердие*, *сострадание* и подумайте, какое отношение они имеют к автору стихотворения «Летний вечер».

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Перечитайте стихотворение. Представьте себя в поле в закатный час. Передайте возникшие ощущения устно или опишите их в жанре эссе под названием «Звуки и краски поля».

Анна Андреевна АХМАТОВА

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И тёплый ветер нежен и упруг.
И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаёшь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поёшь.

- ?
1. Какое состояние переживает автор и с чем оно связано? Приходилось ли вам испытывать подобные чувства?
 2. Какие признаки наступления весны замечает автор?
 3. Как поэт передаёт влияние предвесенней поры на человека? Что вы можете сказать о звучании стиха: какие согласные преобладают? Вслушайтесь: *И лёгкости своей дивится тело, / И дома своего не узнаёшь...* Как связаны звучание, мелодика стиха с характером переживания автора?
 4. Как вы думаете, какая песня (мелодия) могла звучать в душе поэта?

РАБОТАЕМ С КАРТИНОЙ

Рассмотрите на форзаце репродукцию картины А. К. Саврасова «Грачи прилетели». Какие отчётливые признаки весны запечатлел художник (как выглядят небо, земля, деревья и др.)?

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепя
В его ветвях. Какие-то отресья
Торчат на нём и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоёт он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

- ?
1. Вообразите одинокий дуб среди *безжизненных равнин*. Какое чувство может вызвать узловатый дуб с торчащими *отресьями*?
 2. Почему поэт сумел увидеть его спокойным, прекрасным и способным источать *янтарь* и петь *колоколом славы*?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, НАБЛЮДАЕМ

1. Какой смысл вкладывает Заболоцкий в стихотворение «Одинокий дуб»? Что помогает нам понять авторский замысел?
2. Определите, какой художественный приём использовал поэт в стихотворении. вспомните, при изучении каких произведений вы с ним встречались ранее.
3. Попытайтесь раскрыть аллегорический смысл центрального образа в этом стихотворении. Какие слова и отдельные

выражения намекают на аллереорию? Как вы думаете, что может быть общего в облике и судьбе *одинокого дуба* и человека, прошедшего через трагедии XX века?

РАБОТАЕМ С КАРТИНОЙ

Рассмотрите на форзаце репродукцию картины И. И. Шишкина «Среди долины ровныя...». Что её сближает со стихотворением Н. А. Заболоцкого «Одинокий дуб»? Почему художник назвал свою картину строчкой из русской песни, ставшей народной (автор стихов А. Ф. Мерзляков)? Познакомьтесь с её текстом и мелодией.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

Составьте (устно, письменно) рассказ или сказку на одну из тем: «История дуба», «Он много видел», «Однажды ночью», «Это было давно, давно», «Дуб и орёл», «Тогда шла война».

Николай Михайлович РУБЦОВ

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,

И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1. Что дорого поэту в его суровом северном краю? Почему он чувствует себя счастливым?
2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, обратив внимание на смысл выражения *звезда полей* в каждой строфе, на повторы, инверсию.

РАБОТАЕМ С КАРТИНОЙ

Рассмотрите на форзаце репродукцию картины И. И. Левитана «Золотая осень». Какие сочетания красок осени напоминают о том, что вы видели в живой природе, радовались красоте, восхищались? Какие ещё картины этого художника вам знакомы?

ПРОВЕРЯЕМ СЕБЯ

1. Что объединяет прочитанные вами произведения поэтов XX века?
2. Какие из них оставили у вас особенно яркое впечатление и чем вы это объясняете?
3. Какое стихотворение хотелось бы проиллюстрировать?
4. О ком из авторов вы могли бы рассказать своим товарищам?
5. На основе прочитанных произведений покажите, как поэты выражают понятную им связь природы и человека.
6. Подготовьте к чтению наизусть одно стихотворение: определите основную мысль, настроение, интонацию, особенность ритма, рифмовки. Объясните, почему стихотворение относится к лирическому роду.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Подготовьте с товарищами (групповая работа) программу поэтических чтений, сформулируйте их тему, подберите к ней эпиграф, устно опишите оформление зала, декорации (можно сделать зарисовки, поделки из пластилина).
2. Составьте список (парная работа) стихотворений разных авторов о родине, о природе, которые войдут в сборник; дайте ему название, подберите иллюстрации к произведениям, подготовьте сведения о времени их написания.

ПОВЕСТЬ КАК ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР

Вы только что вчитывались, вслушивались в лирические стихотворения, пытались почувствовать настроение, переданное в них, понять секреты их красоты. А теперь вам предстоит углубиться в эпическое изображение жизни. С особенностями произведений этого рода вы знакомились, когда читали былины, басни, рассказы Тургенева, Чехова и Куприна, Распутина и Казакова. И, конечно, поняли, что жизнь в них изображается иначе, чем в лирике. Описание, повествование, монологи, диалоги, авторские рассуждения, герои, которые совершают поступки, — всё это элементы эпического жанра — рассказа. Во многом схожа с ним *повесть*. Но в ней изображается не одно или два события, как в рассказе, а ряд событий, она охватывает больший период жизни одного или нескольких героев. И по объёму повесть крупнее рассказа, и действующих лиц в ней больше. Если рассказ относят к малому эпическому жанру, то повесть — к среднему жанру эпоса.

Читая повесть, наблюдайте за тем, как она строится, из каких частей состоит, как эти части связаны между собой, в каком порядке изложены события. Всё это составляет *композицию* эпического произведения. Оно как живой организм: все его части связаны, все события, герои зависимы друг от друга. Композиция способствует раскрытию замысла писателя, помогает воспринимать произведение как единое целое.

В процессе чтения повести очень важно следить за ходом событий: когда и как возникает завязка, как дальше развивается действие, когда наступает кульминация, а уже за ней следует развязка. Вы уже знаете, что события, их последовательность и составляют *сюжет*, основу эпического произведения.

Во всех эпизодах повести участвуют главные и второстепенные *герои*. За их поступками и словами, от которых зависят дальнейшие события, читатель следит особенно внимательно. Литературного героя ещё иногда называют *п е р с о н а ж*, то есть участвующий в действии. *Образ* литературного героя всегда в центре внимания и автора, и читателя.

Обращайте внимание на язык повести, монологи, диалоги, авторскую речь, описания природы, портреты героев.

1. Какие эпические жанры литературы вы знаете?
2. Назовите элементы сюжета эпического произведения.
3. Что такое композиция произведения?
4. Чем повесть отличается от рассказа?
5. Какие повести вы читали? Назовите их авторов?

Александр Сергеевич ПУШКИН

А. С. Пушкин писал не только увлекательные сказки, проникновенные лирические стихотворения. У него есть и рассказы, и повести, и роман, и драматические произведения. Круг интересов поэта, широта его знаний поразительны. Пушкина интересовала и современная, и прошлая жизнь России.

В повести «Дубровский» Пушкин использовал подлинные документы, реальные факты. В основе сюжета — история небогатого белорусского дворянина Островского (так вначале называлась и повесть), у которого незаконно отобрали имение, и он, оставшись с крестьянами, стал разбойником. Современники свидетельствовали, что Островский «грабил с разбором, у кого лишнее, он отнимал это лишнее; встретясь в лесу или на дороге с нищим, он делился с ним тем, что сам имел». Исследователи творчества А. С. Пушкина считают, что сведения об Островском

в значительной степени нашли отражение в повести. Однако надо иметь в виду, что писателя интересовали прежде всего причина бунта дворянина и добровольное присоединение к нему крепостных.

Читая повесть, постарайтесь понять отношение автора к героям, событиям, о которых он рассказывает. Оцените выразительность, ёмкость художественного языка Пушкина.

ДУБРОВСКИЙ

(В сокращении)

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобо́страстия¹ как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную

¹ *Подобостра́стие* — льстивость, угодливость.

силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от ожорства и каждый вечер бывал навеселе... С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно, но они тщеславились¹ богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик² гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный³ в сношениях⁴ с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принуждён был выйти в отставку и поселиться в остальной⁵ своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему своё покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф⁶ приехал в своё поместье; они свиделись и обрадовались друг другу.

¹ *Тщесла́виться* — хвалиться, кичиться.

² *Пору́чик* — один из низших офицерских чинов.

³ *Надме́нный* — высокомерный, подчёркивающий своё превосходство перед другими, презрительно к ним относящийся.

⁴ *Сноше́ние* — связь, общение.

⁵ *Остальна́я дере́вня* — последняя оставшаяся деревня.

⁶ *Генера́л-анше́ф* — высший генеральский чин.

С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не достаивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рождённые в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели...

Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром, что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал своё мнение, не заботясь о том, противоречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таким покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле¹. Накануне был отдан приказ псарям

¹ *Отъездное поле* — отдалённое от поместья поле, куда выезжали на охоту.

и стремянным¹ быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своём собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак под присмотром штаб-лекаря² Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окружённый своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался перед некоторыми конурами, то спрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения.

«Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная — вряд людям вашим житьё такое же, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на своё житьё — сказал он, — благодаря Бога и бари-

¹ *Стремянный* — крепостной слуга. Ухаживал за лошадыю барина, во время охоты был неотлучно около своего господина.

² *Штаб-лэкарь* — здесь: главный лекарь.

на не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее».

Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа¹, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаля могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова.

В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорождённых щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

¹ *Холоп* — крепостной слуга.

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам
Андрей Дубровский».

...«Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили¹. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбил гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое своё владение; приближаясь к берёзовой роще, услышал он

¹ *Протрави́ли* — здесь: не поймали, упустили (травить зверя — охотиться на него с собакой).

удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привёл их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит: прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошёл до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его соседа), разорить её дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковы подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжёлыми шагами взад и вперёд по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели¹ вышел из телеги и пошёл во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя² Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

¹ *Фризловая шинель* — шинель из грубого сукна с длинным ворсом.

² *Заседа́тель* — здесь: служащий суда, помощник судьи.

[Троекуров заявляет, что хочет взять имение у мелкопоместного грубияна, своего соседа. Когда Шабашкин спросил про документы, Кирила Петрович говорит, что в том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. А когда он упомянул, что у соседа во время пожара сгорели все документы, Шабашкин сказал, что в таком случае нужно действовать по законам и без всякого сомнения господин получит своё совершенное удовольствие.]

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчёт его владения сельцом Кистенёвкой.

Андрей Гаврилович, изумлённый неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание¹ на сию его собственность есть ябеда² и мошенничество. Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нём беспокоился, не

¹ *Притязáние* — здесь: попытка присвоить.

² *Ябеда* — здесь: судебная кляуза, наговор.

имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени¹, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны, Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела, Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страдая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к земскому судье² для выслушивания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобоострастия, придвинули ему кресло из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда...

¹ *Чернильное плéмя* — презрительное название чиновников.

² *Зёмский судья́* — выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

«...Суд и полагает: означенное имение,** душ, с землёю и угодьями... утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова...

Каковое решение подписали все присутствующие того суда».

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать прилагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное своё удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднёс ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему своё приглашение подписать своё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния¹ чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции² куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» — Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в Божию церковь! Собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилию им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

¹ *Пáче cháяния* — вопреки ожиданию.

² *Апелля́ция* — обжалование судебного приговора.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи¹. К вечеру ему стало легче, больной пришёл в память. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё ещё было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребёнком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме неё, не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всём молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находившегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

¹ *Шпанские мухи* — пластырь из высушенного и измельчённого жучка, известного под названием шпанская муха.

Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе¹ и выпущен был корнетом² в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей³, Гриша, его камердинер⁴, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочёл следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином! Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову, потому что мы, дескать, ихние, а мы искони ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. — Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырёва.

¹ *Кадётский ко́рпус* — закрытое среднее военно-учебное заведение для детей дворян.

² *Корне́т* — младший офицерский чин в кавалерии.

³ *Кури́ть из янтарей* — курить из дорогих трубок с янтарными мундштуками.

⁴ *Камерди́нер* — комнатный слуга.

Посылаю моё материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот ужо друга неделя, и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически¹ был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи, в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нём осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах. Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уже на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых,

¹ *Романтически* — здесь: необыкновенно сильно и нежно.

он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошёл к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин ещё жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повёз его просёлочными дорогами, и между ними завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А Бог их ведаёт, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд, хотя по часту он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а, ей-богу, напрасно батюшка ваш пошёл на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибёшь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымаёт он у нас имение?

— Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь¹ сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберёт вас к рукам

¹ *Пономáрь* — низший служитель при христианской церкви.

Кирила Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божьи да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашъёшь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкуру, да и мясо-то отдерёт. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберёт, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. — При сих словах Антон размахнулся кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зелёная кровля и бельведер¹ огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезьями...

... Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел берёзовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилося. Перед собой видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным.

¹ *Бельведёр* — башенка над крышей дома.

Двенадцать лет не видал он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращён был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изб¹ и окружила молодого барина с шумными изъяснениями радости. Насилу мог он продраться сквозь их усердную толпу и вбежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошёл, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражён был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом...

¹ *Изоб* (устар.) — род. п. мн. ч. от слова *изба́* — *изб.*

Глава IV

Где стол был яств, там гроб стоит.

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного¹. Разбирая его бумаги, нашёл он только первое письмо председателя и черновой ответ на оное, из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

...Между тем положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклоном и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретённым имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала.

Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища, к чему привязаться, чтоб его выбранить, но не нашед достаточно к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошёл вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперёд, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

¹ *Повёренный* — человек, которому доверено вести судебное дело.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора. Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворённое мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражён был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресла, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошёл! — Слуга радостно побежал исполнять приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». — «Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем». Егоровна вышла.

В передней никого не было. Все люди сбежались во двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенёс его Владимир, правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уже и признака жизни в сем теле, ещё не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Глава V

Похороны совершились на третий день...

Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев...

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса, он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился, Владимир первый пошёл прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принес-

ли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слёзы кулаком. Владимир и те же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в неё по горсти песка, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу...

Он шёл, не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окружённой лесом; ручёк извивался молча около деревьев, полубогажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он своё одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблёклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошёл искать дороги домой, но ещё долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома...

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чём-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Анто-на, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик, задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, государь, с судом мы управимся. Умрём, а не выдадим». Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными¹ переговорю». — «Переговори, батюшка! — закричали ему из толпы, — да усовестить окаянных».

Владимир подошёл к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнёс охрипшим голосом: «Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушайте его во всём, что ни прикажет...» Владимир кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», — спросил он с притворным холонокровием у весёлого исправника. «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирилы Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение

¹ *Приказный* (устар.) — мелкий канцелярский служащий.

от власти...» — «А ты кто такой? — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей, Гаврилов сын, Дубровский волею Божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич, наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? Барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи?

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперёд.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? Но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать. «Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их!» — и вся толпа двинулась. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собой дверь.

«Ребята, вязать!» — закричал тот же голос, и толпа стала напирать... «Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! что вы это? вы губите и себя, и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошёлся, двор опустел. Члены сидели

в сенях. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет мы отправимся восвояси».

— Делайте что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

Глава VI

«Итак, всё кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил её облокоченною на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предмет насмешек и замечаний его псарей, а в её спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик... Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих¹ доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то друго-

¹ *Подъячий* — делопроизводитель и писарь в канцелярии.

го и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

[Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частью состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ними попался ему пакет с надписью: *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время Турецкого похода и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала¹ на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъясляла ему своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожнённые, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошёл мимо них в переднюю. Двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» — спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением.]

— Я хотел... я пришёл... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

¹ *Сéтовать* — жаловаться, горевать.

— Ты пьян, брось топор, поди выпись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эк они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску, собаки залаяли. «Кто сторожа?» — спросил Дубровский. «Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья». — «Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно». — «Шабаш», — промолвил Архип. «Спасибо, кормилец», — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошёл далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» — спросил он их. «До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...»

— Тише! — прервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светёлке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи её сюда да выведи из дому всех наших людей, чтобы ни одной души в нём не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушёл и через минуту явился с своею матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подъячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский. Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажёл лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорее отопр их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопр!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь!

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда Бог поведёт; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла трещали, сыпались, пылающие брёвна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите». — «Как не так», — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. «Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит».

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли. Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребяташки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание: кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на её отчаяние. «Чему смеётесь, бесенята? — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушёл; пожар свирепствовал ещё несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями... На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович по-

слал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днём по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в сёла, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нём чудеса; имя Дубровского было у всех на устах, все были уверены, что он, а не кто другой предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведённой в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчёт губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1 октября — день храмового праздника в селе Троекурова. Но прежде чем

приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами, для него новыми или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

Глава VIII

...Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саша француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты¹ и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром. Кирила Петрович всё это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместимым с терпением и опытностью, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что, так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение. Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

¹ *Аттестаты* — здесь: документы.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель¹, где назначена была ему комната. Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведённого на m-r² Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостаивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нём совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрагивался, колол себе лапы, осердясь толкал её сильнее, и

¹ *Флигель* — боковая пристройка при главном здании или домик во дворе большого здания.

² *M-r* (франц.) — мосьё (господин).

сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткой почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкой за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынным. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нём и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повёл он его с собой тёмными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в неё француза и запирают её на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошёл на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь

повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвёл ещё большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение её было поражено: она видела мёртвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее...

ТОМ ВТОРОЙ

Глава IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие — у приказчика, третьи — у священника, четвёртые — у зажиточных крестьян. Конюшни

были полны дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами.

...Слуги суетились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «Кушанье поставлено», — и Кирила Петрович первый пошёл садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам... Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей. Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу и вполне наслаждался счастьем хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряжённая шестью лошадьми. «Это кто?» — спросил хозяин. «Антон Пафнутьич», — отвечали несколько голосов. Двери открылись, и Антон Пафнутьич Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться... «Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович. — Милости просим, Антон Пафнутьич, садись да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже, ты и богомолен, и покушать любишь». — «Виноват, — отвечал Антон Пафнутьич, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти вёрст, как вдруг шина у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни; пока до неё дотащились, да отыскивали кузнеца, да всё кое-как

уладили, прошло ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путём через Кистенёвский лес я не осмелился, а пустился в объезд...».

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди попадётся ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерёт.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? А за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, то есть по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой без всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе Бог милował. Всего-навсего разграбили у меня один анбар, да того и гляди, до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирила Петрович, — я чай, красная шкатулочка полным-полна...

— Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнутьич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь, да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, — пробормотал с улыбкой Антон Пафнутьич, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнутьич стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки. Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему

в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнёс наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а денюга в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Сущая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали...

Глава X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселённый пуншем, приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загремела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался...

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнутьич сидел пасмурен и молчалив на своём месте, ел рассеянно и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнутьич, призывая Господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрешал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею

только предосторожностью успокаивал он свою недоверчивость ко всем и вечную боязнь. Будучи принуждён остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединённой комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надёжного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнутьич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали из-за стола, Антон Пафнутьич стал вертеться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением.

[Он попросил француза позволить ему переночевать в его комнате.]

Гости стали прощаться между собой, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошёл с учителем во флигель. Ночь была тёмная. Дефорж освещал дорогу фонарём. Антон Пафнутьич шёл за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую суму, дабы удостовериться, что деньги его при нём.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнутьич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сем неутешительном осмотре. Двери запирались одною задвижкой, окна не имели ещё двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнутьич принуждён был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

[Антон Пафнутьич, путая французские и русские глаголы, попросил Дефоржа не гасить свечу, но тот не понял, пожелал спокойной ночи и вскоре захрапел.]

Антон Пафнутьич замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дёргал его за ворот рубашки. Антон Пафнутьич открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа; француз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстёгивал заветную суму.

Антон Пафнутьич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се?¹ — произнёс он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали. Я Дубровский.

Глава XI

[В главе рассказывается о том, как Дубровский встретил на почтовой станции француза, который задержался здесь потому, что не было свободных лошадей. Он расспросил его и узнал, что тот едет по рекомендательному письму в Покровское к Троекурову на должность учителя и очень боится, потому что наслышан о жестокости этого барина. Дубровский спросил, знает ли его в лицо кто-нибудь в доме Троекурова. Получив отрицательный ответ, Дубровский просмотрел его бумаги и предложил ему за них 10 тысяч рублей, что составляло плату за три года службы. Француз согласился и дал честное слово умолчать об этом случае, а в городе заявить, что он ограблен Дубровским.]

¹ *Что это, сударь, что это?* (франц.).

...Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать¹ и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя, Кирила Петрович — за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому, несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оногo.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло стать и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника...

Глава XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно

¹ *Повесничать* — бездельничать.

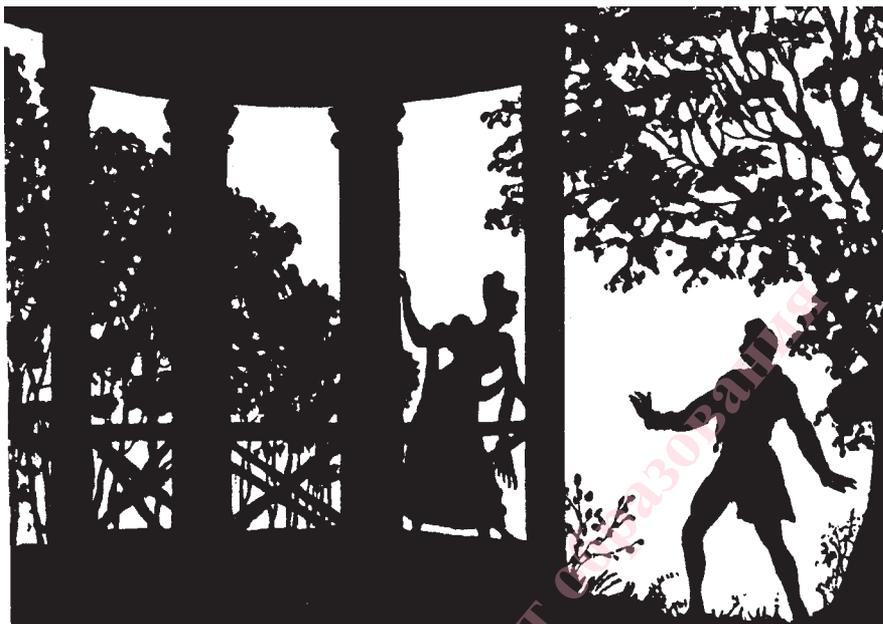
выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась с невольной досадой, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокаивал её гордость и боязливые сомнения...

Однажды, пришед в залу, где ожидал её учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла её и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство её было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чём она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон¹ с приезжими соседями. Столо-

¹ *Бостон* — карточная игра.

вые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал ей он тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленною фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец... — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству, в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после

которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстанусь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался лёгкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил её руку и приложил к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. — Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял её руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбегались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирилы Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтобы отсутствие её не было замечено. В зале встретил её Кирилу Петровича, гости окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном

платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суевливым.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-r Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застращал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Враньё, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хваленые приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться. Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постель и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели её, насилу-насилу успели её успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, её уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперёд по залу, громко насвистывая «Гром победы, раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, бив предупреждён. Но кем и как? это оставалось тайною.

Было одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету ж тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка восвояси да вперёд будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

Глава XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В 30-ти верстах от него находилось богатое поместье князя Верейского. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существо-

вало между Покровским и Арбатовом. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду ещё не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по своём приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повёл на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стриженными липами, четвероугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады¹ и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своём посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражён её красотой. Троекуров посадил гостя подле её. Князь был оживлён её присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами. После

¹ *Английские сады* — сады с озёрами, прудами, искусственными развалинами и скалами.

обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой¹; он предпочёл прогулку в линейке², с тем чтоб не разлучаться с милою своею соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроём и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нём погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Верейский, — как, этому славному разбойнику?..

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо?³ жив ли он, схвачен ли он?

— И жив, и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, прошлого году он, кажется, что-то сжёг или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним: он целые три недели учил её музыке,

¹ *Подáгра* — болезнь суставов.

² *Линéйка* — открытая многоместная коляска.

³ *Рина́льдо* — благородный разбойник, герой популярного в то время итальянского романа «Ринальдо Ринальдини».

да слава Богу не взял ничего за уроки. — Тут Кирилла Петрович начал рассказывать повесть о своём французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках.

Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашёл всё это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирилла Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирилла Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды¹ и 3000 душ родового имени, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным...

Глава XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком...

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кириллу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет. Кирилла Петрович был не один. Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством, для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирилла Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её

¹ *Звезда* — орден, которым награждались самые высокопоставленные сановники.

руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, вдруг слёзы побежали по её лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал её, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле, оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 час. на прежнем месте».

Глава XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробежал по всему саду.

Как лёгкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Ещё никого не

было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне своё покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помочь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнью. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда они идут замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта; что, если возьмёт он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женой.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь

ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам ни одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради бога, не отставайте. Если же не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался, Маша плакала...

...Время летело. «Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял её руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

Глава XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объяснение. Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя.

Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлён о её письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решился не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашёл сие весьма благоразумным, пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо его очень опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирила Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец её вошёл и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаёте человеку нелюбимому? разве я вам надоела? я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет

грустно, ещё грустнее, когда подумаете, что я не-счастлива, папенька; не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл своё смущение и, оттолкнув её, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слёзы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра! — вскрикнула Маша, — боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснётесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня стращать защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник!

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии. Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на неё с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из неё не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери...

Глава XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас её положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы её отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать её из её комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил,

что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Её слова ожесточили молодую затворницу, голова её кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всём Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба; в это время камушек ударился в окно её, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно...

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовёшь?

— Я пришёл, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к

дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за его обеими руками...

[Мальчики боролись, и рыжий одолел. Он повалил Сашу на землю и схватил его за горло. Но тут поблизости оказался садовник, приподнял рыжего и повёл его на барский двор. Саша шёл рядом. По дороге они наткнулись на Кирилу Петровича. Он спросил Сашу, за что тот связался с чужим мальчишкой. Саша сказал о кольце, упомянул и Марию Кириловну. Отец пригрозил ему розгою, и Саша всё рассказал. Мальчик на вопрос, кто он и чей, заявил, что он дворовый человек господ Дубровских. Троекуров догадался, что Маша может в самом деле воспользоваться помощью Дубровского. Поэтому велел посадить рыжего мальчика под замок, а сам послал за исправником. Когда он появился, Троекуров сказал, что он сам поймал Дубровского. Исправник был изумлён, увидев перед собой не грозного разбойника, а тринадцатилетнего мальчишку, и посоветовал Кириле Петровичу из каких-то своих соображений отпустить мальчика.]

Глава XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки суетились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марию Кириловну, голова её томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала её, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирилы Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Мария Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Мария Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С Богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ¹, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос её замирал. Кирила Петрович спешил её благословить, её подняли и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать² и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и был поражён её бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря³ и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видела, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту её не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но ещё медлила, ещё ожидала; священник, не дождавшись её ответа, произнес невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить её. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал

¹ *Образ* — здесь: икона.

² *Посажёная мать* — женщина, заменяющая мать при свадебном обряде.

³ *Алтáрь* — небольшое возвышение с приступками в глубине церкви, отделённое перегородкой.

и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатове; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женою князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать ей притворными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти вёрст, лошади неслись быстро по кочкам просёлочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооружённых людей окружила её, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». — «Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..» — «Это Дубровский», — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника.

Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского!

— Что вы говорите, — закричал с отчаянием Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твёрдостью, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряжённых, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

Глава XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть, по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатой, приколол к рукаву иголку, сел на пушку верхом и запел во всё горло меланхолическую старую песню¹:

Не шуми ты, мати зелёная дубравушка,
Не мешай мне, молодцу, думу думати.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога. «Полно тебе, Стёпка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости». — «Виноват, Егоровна, — отвечал Стёпка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает». Старушка ушла, а Стёпка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет² и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Стёпка просунул к нему голову в окошко. «Батюшка Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут». Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе;

¹ *Меланхолическая пёсня* — грустная, печальная песня.

² *Туалёт* — здесь: столик с зеркалом.

при его появлении настало глубокое молчание. «Все ли здесь?» — спросил Дубровский. «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определённое место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам. Дубровский пошёл к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запереть ворота и сам пошёл освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам.

«Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова всё утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтораста солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперёд, солдаты за ним последовали и сбегали в ров, разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался — солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободрённые разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие

побежали, разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велел отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид¹, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдалённую губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». После сей речи он оставил их, взяв с собою одного. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

1. Какие эпизоды повести вам особенно запомнились?
2. Кто из героев вызвал симпатию и почему? К кому возникла неприязнь?
3. Каким бы вы хотели видеть конец повести?

¹ Вид — здесь: паспорт (вид на жительство).

РАЗБИРАЕМСЯ В КОМПОЗИЦИИ ПОВЕСТИ

1. Просмотрите восемь глав I тома (парная работа). Обозначьте основные события этих глав, кто в них участвовал и где они происходили (в Покровском, Кистенёвке, уездном городе, Петербурге). Определите завязку действия повести.
2. Просмотрите одиннадцать глав II тома. Выделите основные события этих глав. Найдите нарушения в их последовательности, объясните, с чем это связано.
3. Определите кульминацию, развязку действия повести. Запишите в тетрадях основные события повести в их последовательности.
4. Почему «Дубровский» — повесть, а не рассказ?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. В чём причина ссоры между А. Г. Дубровским и К. П. Троекуровым? Как дальше развивались отношения между бывшими друзьями? Какие качества проявил каждый из них во время разгоревшейся вражды?
2. Была ли у молодого Дубровского возможность примирения с Троекуровым?
3. Почему крестьяне приняли сторону Дубровского? Как они могли поступить иначе?
4. Почему Маша отказалась от помощи Дубровского? Как её воспитание сказалось на отношении к Дефоржу и Дубровскому?
5. Как проявились глубина и благородство чувств Дубровского в отношениях с Машей?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. В чём причина бунта В. Дубровского и его крестьян?
2. Какие обстоятельства делали Троекурова полноправным хозяином губернии, а его поведение — безнаказанным?
3. Почему Дубровский был вынужден покинуть родные места, а крестьяне — скрываться?

4. Составьте сравнительные характеристики: К. Троекуров — А. Дубровский, В. Дубровский — князь Верейский (по выбору):
 - 1) определите, что сближает обоих героев, например: возраст, происхождение, служба в армии, увлечение охотой и пр.;
 - 2) определите, что их различает, например: общественное и материальное положение, отношение к людям; понятия о достоинстве и чести и пр.;
 - 3) сделайте вывод: образ жизни того и другого героя, главные качества характера; причины сближения и конфликта между ними; отношение автора к своим героям; ваша аргументированная оценка персонажей.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

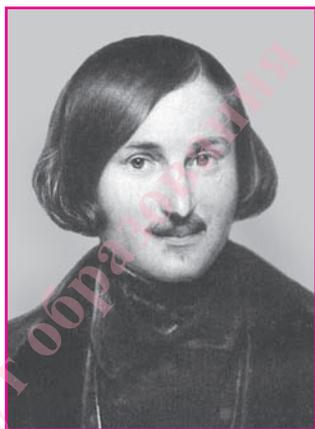
1. Словесное рисование усадьбы в Кистенёвке, Покровском.
2. Творческий пересказ от лица Владимира Дубровского «Один на один с медведем» или «Обед в Покровском». Творческий пересказ от лица Саши «История с кольцом».
3. Художественный пересказ от слов эпизода «Итак, всё кончено» до слов «В зале приказные спали на полу» (глава VI) или «Владимир в Кистенёвской роще» (глава V).
4. Чтение в лицах отрывка от слов «Двери были заперты» до слов «Поднялся ветер» (глава VI).
5. Подготовьте выборочный пересказ: «Верная нянька Орина Егоровна» или «История любви Владимира Дубровского».
6. Составьте кадроплан «На псарне»:
 - 1) найдите эпизод в тексте, обозначьте его границы;
 - 2) продумайте основное содержание кадров, их количество;
 - 3) составьте простой план раскадровки, например: а) псарня, её устройство; б) хозяин и гости в псарне; в) Троекуров среди собак; г) Троекуров и А. Дубровский, их диалог; д) А. Дубровский и псарь, их перепалка; е) реакция хозяина и гостей на выходку псаря; ж) уход А. Дубровского из псарни;
 - 4) устно опишите содержание каждого кадра, подчёркивая главное в нём; представьте его в цвете; озвучьте;
 - 5) запишите свой вариант кадроплана.

РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ

Обратите внимание на иллюстрацию к повести «Дубровский», помещённую в тексте. Определите, какой эпизод произведения и насколько точно она воспроизводит.

**Николай Васильевич
ГОГОЛЬ**

1809—1852

Николай Васильевич Гоголь вырос на Украине, недалеко от Миргорода, на хуторе Васильевка. Леса, поля, солнечные дни, тёплые ночи — всё это навсегда вошло в его память. Впоследствии Гоголь писал с любовью: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он».

Николай Васильевич хорошо знал украинский язык, любил народные песни, старинные предания, сказки. Он с детства наблюдал за людьми, пытался угадывать их характер, привычки, пристрастия. Писатель подмечал всё смешное, нелепое в поступках людей и умел об этом весело, озорно рассказывать, заставляя слушателей покатываться со смеху.

Когда в сентябре 1831 года вышла из печати первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»,

она была встречена читателями с восторгом. Книга разошлась быстро. А весной 1832 года появилась вторая, в неё вошли повести «Страшная месть», «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Заколдованное место». Здесь же была помещена весёлая, с удивительными приключениями смелого кузнеца Вакулы повесть «Ночь перед Рождеством».

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

(В сокращении)

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать¹ и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков² не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами

¹ *Колядова́ть* у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто от того пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, будто сим народ угождает сатане. Однако ж, если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. (Замечание пасичника.) (Примечание Н. В. Гоголя.)

² *Па́рубок* — на Украине: юноша, парень.

повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле...

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул её назад, как бы обжёгшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки¹; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывал, побежал дальше.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. <...> Но какая же была причина решиться чёрту на такое незаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашён дьяком на кутью², где будут: голова³; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка, в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и ещё кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха⁴, перегонная на шафран водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который чёрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всём околодке⁵. <...> Кузнец был богобоязливый

¹ *Люлька* — здесь: трубка для курения.

² *Кутья* — здесь: каша из пшеницы с мёдом и отваром из сухих фруктов. Кутью ели в канун Рождества.

³ *Голова́* — выборная должность, глава села на Украине в XVIII — начале XX в.

⁴ *Варенуха* — варёная водка с пряностями (из словаря Гоголя).

⁵ *Околóдок* — здесь: окрестные селения.

человек и писал часто образа святых, и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этой картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры чёрт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку же от избы не так близко. <...> Но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.

Таким-то образом, как только чёрт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашёл дорогу к шинку, не только к дьяку. <...>

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что луч-

шей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте¹ и запаске², а в каком-нибудь капоте³, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго ещё принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою.

— Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша.

Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное.

— Разве чёрные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? <...> Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня на смерть.

¹ *Плахта* — нижняя одежда женщин из шерстяной клетчатой материи (из словаря Гоголя).

² *Запаска* — род шерстяного передника у женщин (из словаря Гоголя).

³ *Капот* — женская верхняя домашняя одежда широкого покроя.

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец. — И хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и ещё хвалит себя вслух!

— Да, парубки, вам ли чета я? Вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Всё это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете! — И, усмехнувшись, поворотилась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна, и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом; и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз — вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришёл сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатую? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О! я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, моё серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы. <...> А как будет расписан! Хоть весь околודок выходи своими беленькими ножками, не найдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто же тебе запрещает? Говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах¹ и осветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, находившиеся уже на не приметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жёстче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей всё игрушки; а я стою перед нею, как дурак, и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! Чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит себя сама собою; мучит меня бедного; а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом

¹ Ланиты — щёки.

отозвался в сердце и в тихо встрепенувшихся жилах, и за всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? Ты у меня мать и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу, — сказал бы я царю, — ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства. Дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! С ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Тебе так весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего, я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» прервал его размышления.

— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличивался, и вверху так сделалось холодно, что чёрт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Немудрено, однако ж, и смёрзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то немудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядеть, не назвал ли сын её Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посреди хаты, вылезла из печки, скинула тёплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле...

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить всё к своему месту; но мешков не тронула: это Вакула принёс, пусть же сам и вынесет! Чёрт между тем, когда ещё влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал

разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперёд сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А чёрт улетел снова в трубу, в твёрдой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры.

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъявил раскаяние и, нахлобучив глубже на голову капелюхи, угощал побранками себя, чёрта и кума.

[В метели и в темноте они заблудились и пошли в разные стороны искать дорогу. Чуб подошёл к своей хате и за метелью не узнал её, подумал, что это соседская, а услышав голос Вакулы, решил, что тот зашёл к соседке. Вакула прогнал Чуба, наградив тумаком.]

В то время, когда проворный фронт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка¹, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Всё осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатой не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, го-

¹ *Ладунка* (лядунка) — сумка кавалериста.

товыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза ещё живее горят щёки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. <...> Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другой и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала весёлая красавица, оборотившись к одной из девушек. — У тебя новые черевики¹! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевики.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевики, какие редкая панночка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевики, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесёшь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девицья толпа.

— Да! — продолжала гордо красавица. — Будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесёт те самые черевики, которые носит царица, то вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

— Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю и

¹ *Череві́ки* — башмаки (из словаря Гоголя).

не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, Бог с ней! будто только на всём свете одна Оксана. Слава Богу, дивчат много хороших и без неё на селе. Да что Оксана? С неё никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил пред ним смеющийся образ Оксаны, говоривший насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевички, выйду за тебя замуж!» Всё в нём волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шёл и ничего не видал и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то любил более всех.

Чёрт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал её руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал. <...> Солоха была не так жестока, притом же чёрт, как известно, действовал с нею заодно. Она-таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер, однако ж, думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы были на кутью к дьяку. Но всё пошло иначе: чёрт только что представил своё требование, как вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чёрт влез в лежавший мешок.

Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошёл к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в её хате, завернул к ней в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

— Спрячь меня куда-нибудь, — шептал голова. — Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углём; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк взошёл, покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у неё, и не испугался метели. Тут он подошёл к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами её обнажённой полной руки и произнёс с таким видом, в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие:

— А что это у вас, великолепная Солоха? — И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха. <...>

Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

— Ах, Боже мой, стороннее лицо! — закричал в испуге дьяк. — Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдёт до отца Кондрата!.. <...>

— Ради Бога, добродетельная Солоха, — говорил он, дрожа всем телом. — Ваша доброта, как говорит писание Луки, глава трина... трин... Стучатся, ей-богу стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь.

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объёмистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать ещё с полмешка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказал, входя в хату, Чуб. — Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? Может быть, я помешал... — продолжал

Чуб, показав на лице своём весёлую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. — Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь?.. Может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? — И, восхищённый таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замёрзло от проклятого мороза... Послал же Бог такую ночь перед Рождеством! Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... Эк окостенели руки: не расстегну кожу-ха! Как схватилась вьюга...

— Отвори! — раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

— Стучит кто-то? — сказал остановившийся Чуб.

— Отвори! — закричали сильнее прежнего.

— Это кузнец! — произнёс, схватясь за капелюхи, Чуб. — Слышишь, Солоха: куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъявить кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжёлый мужик и поместил свои намёрзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошёл, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе. <...>

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся

песни колядующих; наконец остановил глаз на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли Бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса на голове его прикрутила завязавшая мешок верёвка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? — говорил кузнец. — Не хочу думать о ней, а всё думается; и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой чёрт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено ещё что-нибудь, кроме угля. Дурень я! я и позабыл, что теперь мне всё кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову, а теперь мешков с углём не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, — вскричал он, помолчав и ободрившись, — что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, все подыму. — И бодро взвалил себе на плечи мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. — Взять и этот, — продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, чёрт. — Тут, кажется, я положил струмент свой.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. <...> В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал

мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролёт готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и ещё белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нём вздрогнули; бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрёл он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны.

Так, это она! Стоит, как царица, и блестит чёрными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеётся. Но она всегда смеётся. Как будто невольно, сам не понимая как, протёрся кузнец сквозь толпу и стал около неё.

— А, Вакула, ты тут! Здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевички, которые носит царица, достал? Достань черевички, выйду замуж! — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте.

— Нет, не могу; нет силы больше... — произнёс он наконец. — Но, Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе¹, и поминай как звали!

Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом:

¹ Прóлуб — прорубь.

— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивлённою, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст Бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией Матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдётся в моей скрыне¹, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

— Он повредился! — говорили парубки.

— Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я в самом деле бегу? — подумал он, — как будто уже всё пропало. Попробую ещё средство: пойду к запорожцу² Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, душе всё же придётся пропадать!»

При этом чёрт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и

¹ *Скры́ня* — большой сундук (из словаря Гоголя).

² *Запоро́жец* — казак из Запорожской Сечи, особого казачьего войска, существовавшего до 1775 года, главный стан которого находился за днепровскими порогами (в Запорожье).

произвёл сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. <...> Не прошло несколько дней после прибытия его в село, как все уже знали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. <...> В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может, и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нём нужду.

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки перед небольшою кадучкою, на которой стояла миска с галушками.

[Поражённый Вакула наблюдает, как галушки сами подвигаются ему в рот, а потом, когда миска с галушками исчезла, появились две другие с варениками и сметаной. Вареники сами прыгали в сметану, переворачивались и скакали в рот Пацюку. Вакула попросил, чтобы запорожец свёл его с чёртом, на что Пацюк сказал, что чёрт у Вакулы за спиною.]

«Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чёрт! ведь сегодня голодная кутья¹, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь!

¹ *Голодная кутья* — канун Рождества, когда постились: не ели скоромной (мясной и молочной) пищи.

Назад!» — И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж чёрт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но чёрт, наклонив своё собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

— Это я — твой друг, всё сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, — пискнул он ему в левое ухо. — Оксана будет сегодня же наша, — шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял размышляя.

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!

Чёрт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя, — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей. Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут чёрт засмеялся от радости, вспомнивши, как будет дразнить в аде всё хвостатое племя, как будет беситься хромою чёрт, считавшийся между ними первым на выдумки.

— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта¹ ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кар-

¹ *Контра́кт* — письменный договор, включающий обязательства обеих заключивших его сторон.

мане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватъ чёрта за хвост.

— Вишь, какой шутник! — закричал, смеясь, чёрт. — Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сём слове он сотворил крест, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок. — Постой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крёстного знаменья.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё, что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел, немец проклятый! теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси, как птица!

— Куда? — произнёс печальный чёрт.

— В Петембург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя подымающимся на воздух.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри её что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? «Чего доброго! Может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть её первую красавицею на селе? Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдёт минут десять, как он, верно, придёт поглядеть на меня. Я в самом деле сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать

себя. То-то он обрадуется!» И ветреная красавица уже шутила с своими подругами.

— Пойдите, — сказала одна из них, — кузнец позабыл мешки свои; смотрите, какие страшные мешки! Он не по-нашему наколядовал: я думаю, сюда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам, верно, счёту нет. Роскошь! целые праздники можно объедаться.

— Это кузнецовы мешки? — подхватила Оксана. — Утащим скорее их ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он сюда наклал.

Все со смехом одобрили такое предложение.

— Но мы не поднимем их! — закричала вся толпа вдруг, сиюсь сдвинуть мешки.

— Пойдите, — сказала Оксана, — побежим скорее за санками и отвезём на санках!

И толпа побежала за санками.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то, что дьяк проткнул для себя пальцем порядочную дыру. Если бы ещё не было народу, то, может быть, он нашёл бы средство вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя насмех... это удерживало его, и он решился ждать, слегка только побряхтывая под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но как скоро услышал решение своей дочери, то успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате своей нужно пройти по крайней мере шагов с сотню, а может быть, и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, подвязать пояс — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата довезут на санках. Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб. В то время, когда дивчата побежали за санками, худоща-

вый кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг. <...> Размышляя о развращении нравов и о деревянном сердце шинкарки, продающей вино, кум набрёл на мешки и остановился в изумлении.

— Вишь, какие мешки кто-то бросил на дороге! — сказал он, осматриваясь по сторонам, — должно быть, тут и свинина есть. Полезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экие страшные мешки! Положим, что они набиты гречаниками да коржами¹, и то *добре*. Хотя бы были тут одни паляницы², и то в шмак³: шинкарка за каждую паляницу даёт осьмуху водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел. — Тут взвалил он себе на плечо мешок с Чубом и дьяком, но почувствовал, что он слишком тяжёл.

— Нет, одному будет тяжёло несть, — проговорил он, — а вот, как нарочно, идёт ткач Шапуваленко. Здравствуй, Остап!

— Здравствуй, — сказал, остановившись, ткач.

— Куда идёшь?

— А так. Иду, куда ноги идут.

— Помоги, человек добрый, мешки снести! Кто-то колядовал, да и кинул посреди дороги. Добром разделимся пополам.

— Мешки? А с чем мешки, с кнышами или паляницами?

— Да, думаю, всего есть.

Тут выдернули они наскоро из плетня палки, положили на них мешок и понесли на плечах.

¹ *Гречáник* — хлеб из гречневой муки, *корж* — сухая лепёшка из пшеничной муки, часто с салом (из словаря Гоголя).

² *Паляница* — небольшой хлеб, несколько плоский (из словаря Гоголя).

³ *И то в шмак* — и то вкусно.

— Куда ж мы понесём его? в шинок? — спросил дороною ткач.

— Оно бы и я так думал, чтобы в шинок; но ведь проклятая шинкарка не поверит, подумает ещё, что где-нибудь украли; к тому же я только что из шинка. Мы отнесём его в мою хату. Нам никто не помешает: жинки нет дома.

— Да точно ли нет дома? — спросил осторожный ткач.

— Слава Богу, мы не совсем ещё без ума, — сказал кум, — чёрт ли бы принёс меня туда, где она. Она, думаю, протаскается с бабами до света.

[Но кумова жена оказалась дома и захотела завладеть мешками, думая, что мужики наколядовали целого кабана. Используя кочергу как оружие, она несколько раз огрела мужа и ткача. В это время из мешка вылез Чуб, чем перепугал всех. Чтобы выйти из неудобного положения, он пошутил и сказал, что в мешке ещё что-то есть. И тут появляется дьяк. Изумлённый Чуб соображает, что это всё проделки Солохи.]

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет с нас и этого», — лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки.

[В мешке сидел голова. Он решил молчать. Но тут у него усилилась икота, так что он начал громко икать и кашлять. Девчата перепугались и бросились прочь, но в дверях столкнулись с вернувшимся домой Чубом. Он понял, что кто-то сидит в мешке и велел ему вылезать. Вылез смущённый голова. Чуб понял, что и голова побывал у Солохи.]

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел, как муха, под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то

зацепил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чёртом. Его забавляло до крайности, как чёрт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисовый крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чёрт, думая, что его собираются крестить, летел ещё быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен. Всё было видно; даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила, куда нужно, ведьма... много ещё дряни встречали они. Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало своё; кузнец всё летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чёрт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырёхэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырёх сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы¹ кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, дося-

¹ *Форейтор* — верховой, сидевший верхом на одной из передних лошадей при запряжке цугом, то есть гуськом или парами одна за другой.

гая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. <...> «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; всё бы таки посоветоваться с ними».

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!

Чёрт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошёл, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату, но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку. <...>

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

[Запорожцы узнали Вакулу. Далее в повести изображена его поездка во дворец с казаками и встреча запорожцев с царицей Екатериной II. Казаки излагают свои претензии и просьбы. А когда она спросила: «Чего хотите вы?», к царским ногам повалился Вакула и попросил такие же черевички, как у неё. Все засмеялись, а царица велела принести её башмаки, но самые дорогие. Когда черевички оказались в руках у Вакулы, он обратился к чёрту, который сидел у него в кармане, чтобы тот поскорее выносил его отсюда. И вдруг очутился за шлагбаумом. <...> А по Диканьке стали судачить, что Вакула то ли утонул, то ли повесился.]

Оксана смутилась, когда до неё дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб, она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что если он, в самом деле, ушёл с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдётся такой молодец, как кузнец! Он же так любил её! Он долее всех выносил её капризы! <...> Приутихнув, решалась ни о чём не думать — и всё думала. И вся горела, и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участи Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить её.

Ещё быстрее в остальное время ночи нёсся чёрт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — кричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чёрта, — постой, приятель, ещё не всё: я ещё не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чёрт припустил бежать, как му-

жик, которого только что выпарил заседатель. И так, вместо того чтобы проведать, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнёт бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха ещё не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал ещё ни разу с того времени, как купил её ещё в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошёл к нему кузнец, и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щёголем и запорожцем. Но ещё больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новёхонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает. Отдаюсь сам, во

всём каюсь: бей, да не гневись только! ты ж когда-то братался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч¹ пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб ещё больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

— Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем всё, что было меж нами! ну, теперь говори, чего тебе хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— Добре! присылай сватов!

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принёс черевики! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица.

— Нет! нет! мне не нужно черевиков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей, — я и без черевиков... — Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошёл ближе, взял её за руку; красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуще загорелось, и она стала ещё лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

¹ *Магарыч* — угощение (обычно с вином).

— А чья это такая размалёванная хата? — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

— Кузнеца Вакулы! — сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! — сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красными цветами. Это, однако ж, не всё: на стене сбоку, как войдёшь в церковь, намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Он бач, яка кака намалёвана!» И дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

1. Как вы объясните название повести?
2. Что необычного происходит в повести «Ночь перед Рождеством»?
3. Какие эпизоды вызвали у вас смех и почему?
4. Кто из героев понравился или привлёк ваше внимание? Чем?

РАЗБИРАЕМСЯ В КОМПОЗИЦИИ

1. Пересмотрите всё произведение, выделите в нём крупные части, озаглавьте их (парная работа).
2. Назовите эпизоды, которые вы считаете важными в развитии действия. Обоснуйте своё мнение.
3. Обратите внимание, как меняется место действия (улица—хата; хутор—Петербург; земля—небо).

4. Проследите сюжетные линии: Солоха и её гости; Оксана и Вакула. Какие эпизоды вы можете определить как кульминацию и развязку? Какова роль колядующих девушек и парубков в развитии сюжета?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Как рассказчик относится к своим героям? Что помогает это понять?
2. Проследите за поведением одного из героев, составьте рассказ о нём, используя авторские выражения.
3. Как сочетаются реальные и фантастические события в повести? Каковы в ней отношения между людьми и «нечистой силой»? Как удалось Вакуле одолеть чёрта?
4. Почему в повести много простонародных слов, выражений? Найдите украинизмы (слова из украинского языка). Объясните их роль в произведении.
5. Перечитайте описания природы и определите их роль в повести.

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какое настроение преобладает в повести?
2. В произведении много комических (смешных) сцен, происшествий, выражений. Определите, в чём заключается их комизм, каким способом они создаются Гоголем: преувеличением, неожиданностью поступков, мыслей героев, несообразностью жизненных явлений и пр.?
3. Составьте характеристику одного из героев, используя цитаты из текста (план: портрет, особенности речи, поступки, их мотивы, отношение автора к герою, ваша оценка).
4. Каков результат рождественских приключений гоголевских героев? В чём, по-вашему, главный смысл повести «Ночь перед Рождеством»? (Обратите внимание на поведение Вакулы, на его отношения с чёртом, на концовку повести.)
5. Чем близка эта повесть произведениям устного народного творчества?
6. Согласны ли вы с мнением В. Г. Белинского: «Гоголь не пишет, а рисует...»? Обоснуйте свою точку зрения.

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Подготовьте художественный пересказ на одну из тем: «Зимняя ясная ночь», «Как чёрт украл месяц», «Оксана перед зеркалом», «Чудно блещет месяц».
2. Подготовьте творческий пересказ с изменением лица рассказчика: «Как я (Вакула) достал те самые черевички, которые носит царица» или «Я был в царском дворце».
3. Поиграем в театр (групповая работа). Внимательно прочитайте текст от слов «Девушки немного удивились...» до слов «Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду...».
Р е ж и с с ё р определяет место, время, интерьер действия, количество действующих лиц, их расположение на сцене (мизансценирование).
К о с т ю м е р определяет, как выглядят герои, во что одеты (устное или письменное рисование, можно красками).
А к т ё р ы характеризуют своих героев, определяют интонацию их речи. Репетируют. Исполняют перед классом.
Т е а т р а л ь н ы е к р и т и к и рецензируют¹ работу театральной группы.
З р и т е л и высказывают свои впечатления.

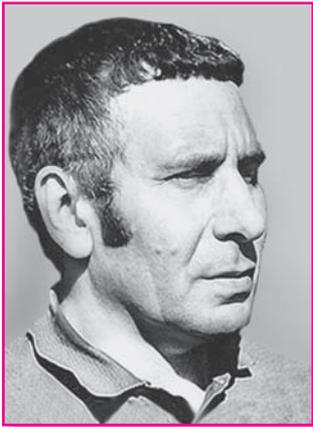
РАБОТАЕМ С ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ

Подготовьте устный или письменный отзыв об иллюстрации А. Лаптева, помещённой в тексте, к повести Гоголя.

СЛУШАЕМ МУЗЫКУ

Повести из книги Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» легли в основу музыкальных произведений — опер М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка», Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь», П. И. Чайковского «Черевички». Прослушайте музыкальные фрагменты и сравните со своими впечатлениями от повести.

¹ *Рецензировать* — писать критический отзыв.

Владимир Осипович БОГОМОЛОВ

1926—2003

Владимир Осипович Богомоллов совсем юным воевал в годы Великой Отечественной войны, был ранен, не раз награждён. Когда позади остались фронтовые дороги Беларуси, Польши, Германии, он начал писать об увиденном и пережитом. Почти все свои книги Богомоллов посвятил войне. В хорошо знакомом современному читателю романе «Момент истины» («В августе сорок четвёртого...») он достоверно рассказал о героической работе фронтовой контрразведки в конце войны.

Известность Богомоллову принесло уже первое его произведение — повесть о юном разведчике «Иван». Но не о приключениях храброго мальчика в тылу врага рассказывает Богомоллов. Всем ходом трагического повествования он подводит читателя к выводу: детям на войне делать нечего, и если там нашлось для них дело, то это несчастье, беда, и повода для восхищения и подражания тут нет. Иван видел столько страшного, что не может жить нормально, по-детски, пока это страшное не будет уничтожено.

Богомоллов рассказал об Иване с любовью и нежностью, заставляя и наши сердца сжиматься от горечи и любви.

ИВАН

(В сокращении)

1

В ту ночь я собирался перед рассветом проверить боевое охранение и, приказав разбудить меня в четыре ноль-ноль, в девятом часу улёгся спать.

Меня разбудили раньше: стрелки на светящемся циферблате показывали без пяти час.

— Товарищ старший лейтенант... а товарищ старший лейтенант... разрешите обратиться... — Меня с силой трясли за плечо. При свете трофейной плошки, мерцавшей на столе, я разглядел ефрейтора Васильева из взвода, находившегося в боевом охранении. — Тут задержали одного... Младший лейтенант приказал доставить к вам...

— Зажгите лампу! — скомандовал я, мысленно выругавшись: могли бы разобраться и без меня.

Васильев зажжёт сплюснутую сверху гильзу и, повернувшись ко мне, доложил:

— Ползал в воде возле берега. Зачем — не говорит, требует доставить в штаб. На вопросы не отвечает: говорить, мол, буду только с командиром. Вроде ослаб, а может, прикидывается. Младший лейтенант приказал...

Я, привстав, выпростал ноги из-под одеяла и, протирая глаза, уселся на нарах. Васильев, рыжий детина, стоял передо мной, роняя капли воды с тёмной, намокшей плащ-палатки.

Гильза разгорелась, осветив просторную землянку, — у самых дверей я увидел худенького мальчишку лет одиннадцати, всего посиневшего от холода и дрожавшего; на нём были мокрые, прилипшие к телу рубашка и штаны; маленькие босые ноги по щиколотку были в грязи; при виде его дрожь пробрала меня.

— Иди стань к печке! — велел я ему. — Кто ты такой?

Он подошёл, рассматривая меня насторожённо-сосредоточенным взглядом больших, необычно широко расставленных глаз. Лицо у него было скуластое, темновато-серое от въевшейся в кожу грязи. Мокрые, неопределённого цвета волосы висели клочьями. В его взгляде, в выражении измученного, с плотно сжатыми, посиневшими губами лица чувствовалось какое-то внутреннее напряжение и, как мне показалось, недоверие и неприязнь.

— Кто ты такой? — повторил я.

— Пусть он выйдет, — клацая зубами, слабым голосом сказал мальчишка, указывая взглядом на Васильева.

— Подложите дров и ожидайте наверху! — приказал я Васильеву.

Шумно вздохнув, он, не торопясь, чтобы затянуть пребывание в тёплой землянке, поправил головешки, набил печку короткими поленьями и, так же не торопясь, вышел. Я тем временем натянул сапоги и выжидающе посмотрел на мальчишку.

— Ну что же молчишь? Откуда ты?

— Я Бондарев, — произнёс он тихо с такой интонацией, будто эта фамилия могла мне что-нибудь сказать или же вообще всё объясняла. — Сейчас же сообщите в штаб, пятьдесят первому, что я нахожусь здесь.

— Ишь ты! — Я не мог сдержать улыбки. — Ну а дальше?

— Дальше вас не касается. Они сделают сами.

— Кто это «они»? В какой штаб сообщить и кто такой пятьдесят первый?

— В штаб армии.

— А кто это пятьдесят первый?

Он молчал.

— Штаб какой армии тебе нужен?

— Полевая почта вэ-че сорок десять пятьсот пятьдесят...

Он без ошибки назвал номер полевой почты штаба нашей армии. Перестав улыбаться, я смотрел на него удивлённо и старался всё осмыслить.

Грязная рубашонка до бёдер и узкие короткие порты на нём были старенькие, холщовые, как я определил, деревенского пошива и чуть ли не домотканые; говорил же он правильно, заметно акая, как говорят в основном москвичи и белорусы; судя по говору, он был уроженцем города.

Он стоял передо мной, поглядывая исподлобья, насторожённо и отчуждённо, тихо шмыгая носом, и весь дрожал.

— Сними с себя всё и разотрись. Живо! — приказал я, протягивая ему вафельное не первой свежести полотенце.

Он стянул рубашку, обнажив худенькое, с выступающими рёбрами тельце, тёмное от грязи, и нерешительно посмотрел на полотенце.

— Бери, бери! Оно грязное.

Он принялся растирать грудь, спину, руки.

— И штаны снимай! — скомандовал я. — Ты что, стесняешься?

Он, так же молча повозившись с набухшим узлом, не без труда развязал тесьму, заменявшую ему ремень, и скинул портки. Он был совсем ещё ребёнок, узкоплечий, с тонкими ногами и руками, на вид не более десяти-одиннадцати лет, хотя по лицу, угрюмому, не по-детски сосредоточенному, с морщинками на выпуклом лбу, ему можно было дать, пожалуй, и все тринадцать. Ухватив рубашку и портки, он отбросил их в угол к дверям.

— А сушить кто будет — дядя? — поинтересовался я.

— Мне всё привезут.

— Вот как! — усомнился я. — А где же твоя одежда? Он промолчал. Я собрался было ещё спросить, где его документы, но вовремя сообразил, что он слишком мал, чтобы иметь их.

Я достал из-под нар старый ватник ординарца, находившегося в медсанбате. Мальчишка стоял возле печки спиной ко мне — меж торчавшими острыми лопатками чернела большая, величиной с пятиалтынный, родинка. Повыше, над правой лопаткой, багровым рубцом выделялся шрам, как я определил, от пулевого ранения.

— Что это у тебя?

Он взглянул на меня через плечо, но ничего не сказал.

— Я тебя спрашиваю, что это у тебя на спине? — повысив голос, спросил я, протягивая ему ватник.

— Это вас не касается. И не смейте кричать! — ответил он с неприязнью, зверовато сверкнув зелёными, как у кошки, глазами, однако ватник взял. — Ваше дело — доложить, что я здесь. Остальное вас не касается.

— Ты меня не учи! — раздражаясь, прикрикнул я на него. — Ты не соображаешь, где находишься и как себя вести. Твоя фамилия мне ничего не говорит. Пока ты не объяснишь, кто ты, и откуда, и зачем попал к реке, я и пальцем не пошевелю.

— Вы будете отвечать! — с явной угрозой заявил он.

— Ты меня не пугай — ты ещё мал! Играть со мной в молчанку тебе не удастся! Говори толком: откуда ты?

Он закутался в доходивший ему почти до щиколоток ватник и молчал, отвернув лицо в сторону.

— Ты просидишь здесь сутки, трое, пятеро, но, пока не скажешь, кто ты и откуда, я никуда о тебе сообщать не буду! — объявил я решительно.

Взглянув на меня холодно и отчуждённо, он отвернулся и молчал.

— Ты будешь говорить?

— Вы должны сейчас же доложить в штаб пятьдесят первому, что я нахожусь здесь, — упрямо повторил он.

— Я тебе ничего не должен, — сказал я раздражённо. — И пока ты не объяснишь, кто ты и откуда, я ничего делать не буду. Заруби это себе на носу!.. Кто это пятьдесят первый?

Он молчал, сбывшись, сосредоточенно.

— Откуда ты?.. — с трудом сдерживаясь, спросил я. — Говори же, если хочешь, чтобы я о тебе доложил!

После продолжительной паузы — напряжённого раздумья — он выдавил сквозь зубы:

— С того берега.

— С того берега? — Я не поверил. — А как же попал сюда? Чем ты можешь доказать, что ты с того берега?

— Я не буду доказывать. Я больше ничего не скажу. Вы не смеете меня допрашивать — вы будете отвечать! И по телефону ничего не говорите. О том, что я с того берега, знает только пятьдесят первый. Вы должны сейчас же сообщить ему: Бондарев у меня. И всё! За мной приедут! — убеждённо выкрикнул он.

— Может, ты всё-таки объяснишь, кто ты такой, что за тобой будут приезжать?

Он молчал.

Я некоторое время разглядывал его и размышлял. Его фамилия мне ровно ничего не говорила, но, быть может, в штабе армии о нём знали? — за войну я привык ничему не удивляться.

Вид у него был жалкий, измученный, однако держался он независимо, говорил же со мной уверенно и даже властно: он не просил, а требовал. Угрюмый, не по-детски сосредоточенный и настороженный, он производил весьма странное впечатление; его утверждение, будто он с того берега, казалось мне явной ложью.

Понятно, я не собирался сообщать о нём непосредственно в штаб армии, но доложить в полк было моей обязанностью. Я подумал, что они заберут его к себе и сами уяснят, что к чему; а я ещё сосну часика два и отправлюсь проверять охранение.

Я покрутил ручку телефона и, взяв трубку, вызвал штаб полка.

— Третий слушает. — Я услышал голос начальника штаба капитана Маслова.

— Товарищ капитан, восьмой докладывает! У меня здесь Бондарев. Бон-да-рев! Он требует, чтобы о нём было доложено «Волге»...

— Бондарев?.. — переспросил Маслов удивлённо. — Какой Бондарев? Майор из оперативного,веряющий, что ли? Откуда он к тебе свалился? — засыпал вопросами Маслов, как я почувствовал, обеспокоенный.

— Да нет, какой тамверяющий! Я сам не знаю, кто он: он не говорит. Требует, чтобы я доложил в «Волгу» пятьдесят первому, что он находится у меня.

— А кто это пятьдесят первый?

— Я думал, вы знаете.

— Мы не имеем позывных «Волги». Только дивизионные. А кто он по должности, Бондарев, в каком звании?

— Звания у него нет, — невольно улыбаясь, сказал я. — Это мальчик... понимаете, мальчик лет двенадцати...

— Ты что, смеёшься?.. Ты над кем развлекаешься?! — заорал в трубку Маслов. — Цирк устраивать?! Я тебе покажу мальчика! Я майору доложу! Ты что, выпил или делать тебе нечего? Я тебе...

— Товарищ капитан! — закричал я, ошарашенный таким оборотом дела.

— Товарищ капитан, честное слово, это мальчик! Я думал, вы о нём знаете...

— Не знаю и знать не желаю! — кричал Маслов запальчиво. — И ты ко мне с пустяками не лезь! Я тебе не мальчишка! У меня от работы уши пухнут, а ты...

— Так я думал...

— А ты не думай!

— Слушаюсь!.. Товарищ капитан, но что же с ним делать, с мальчишкой?

— Что делать?.. А как он к тебе попал?

— Задержан на берегу охранением.

— А на берег как он попал?

— Как я понял... — Я на мгновение замялся. — Говорит, что с той стороны.

— «Говорит»! — передразнил Маслов. — На ковре-самолёте? Он тебе плетёт, а ты и развесил уши. Приставь к нему часового! — приказал он. — И, если не можешь сам разобраться, передай Зотову. Это их функция — пусть занимается...

— Вы ему скажите: если он будет орать и не доложит сейчас же пятьдесят первому, — вдруг решительно и громко произнёс мальчик, — он будет отвечать!..

Но Маслов уже положил трубку. И я бросил свою к аппарату, раздосадованный на мальчишку и ещё больше на Маслова.

Дело в том, что я лишь временно исполнял обязанности командира батальона, и все знали, что я «временный». К тому же мне был всего двадцать

один год, и, естественно, ко мне относились иначе, чем к другим комбатам. Если командир полка и его заместители старались ничем это не выказывать, то Маслов — кстати, самый молодой из моих полковых начальников — не скрывал, что считает меня мальчишкой, и обращался со мной соответственно, хотя я воевал с первых месяцев войны, имел ранения и награды.

Разговаривать таким тоном с командиром первого или третьего батальона Маслов, понятно, не осмелился бы. А со мной... Не выслушав и не разобравшись толком, раскричаться... Я был уверен, что Маслов не прав. Тем не менее мальчишке я сказал не без злорадства:

— Ты просил, чтобы я доложил о тебе, — я доложил! Приказано посадить тебя в землянку, — приврал я, — и приставить охрану. Доволен?

— Я сказал вам доложить в штаб армии пятьдесят первому, а вы куда звонили?

— Ты «сказал»!.. Я не могу сам обращаться в штаб армии.

— Давайте я позвоню. — Мгновенно выпростав руку из-под ватника, он ухватил телефонную трубку.

— Не смей!.. Кому ты будешь звонить? Кого ты знаешь в штабе армии?

Он помолчал, не выпуская, однако, трубку из руки, и вымолвил угрюмо:

— Подполковника Грязнова.

Подполковник Грязнов был начальником разведотдела армии; я знал его не только понаслышке, но и лично.

— Откуда ты его знаешь?

Молчание.

— Кого ты ещё знаешь в штабе армии?

Опять молчание, быстрый взгляд исподлобья и сквозь зубы:

— Капитана Холина.

Холин — офицер разведывательного отдела штаб-арма — также был мне известен.

— Откуда ты их знаешь?

— Сейчас же сообщите Грязнову, что я здесь, — не ответив, потребовал мальчишка, — или я сам позвоню!

Отобрав у него трубку, я размышлял ещё с полминуты, решившись, крутанул ручку, и меня снова соединили с Масловым.

— Восьмой беспокоит. Товарищ капитан, прошу меня выслушать, — твёрдо заявил я, стараясь подавить волнение. — Я опять по поводу Бондарева. Он знает подполковника Грязнова и капитана Холина.

— Откуда он их знает? — спросил Маслов устало.

— Он не говорит. Я считаю нужным доложить о нём подполковнику Грязнову.

— Если считаешь, что нужно, — докладывай, — с каким-то безразличием сказал Маслов. — Ты вообще считаешь возможным лезть к начальству со всякой ерундой. Лично я не вижу оснований беспокоить командование, тем более ночью. Несolidно!

— Так разрешите мне позвонить?

— Я тебе ничего не разрешаю, и ты меня не впутывай... А впрочем, можешь позвонить Дунаеву. Я с ним только что разговаривал, он не спит.

Я соединился с майором Дунаевым, начальником разведки дивизии, и сообщил, что у меня находится Бондарев и что он требует, чтобы о нём было немедленно доложено подполковнику Грязнову...

— Ясно, — прервал меня Дунаев. — Ожидайте. Я доложу. Минуты через две резко и требовательно зазуммерил телефон.

— Восьмой?.. Говорите с «Волгой», — сказал телефонист.

— Гальцев?.. Здорово, Гальцев! — Я узнал низкий, грубоватый голос подполковника Грязнова; я не мог его не узнать: Грязнов до лета был начальником разведки нашей дивизии, я же в то время был офицером связи и сталкивался с ним постоянно. — Бондарев у тебя?

— Здесь, товарищ подполковник!

— Молодец! — Я не понял сразу, к кому относилась эта похвала: ко мне или к мальчишке. — Слушай внимательно! Выгони всех из землянки, чтобы его не видели и не приставали. Никаких расспросов и о нём — никаких разговоров! Вник?.. От меня передай ему привет. Холин выезжает за ним; думаю, часа через три будет у тебя. А пока создай все условия! Обращайся поделикатней, учти: он парень с норовом. Прежде всего дай ему бумаги и чернила или карандаш. Что он напишет — в пакет и сейчас же с надёжным человеком отправь в штаб полка. Я дам команду, они немедленно доставят мне. Создашь ему все условия и не лезь с разговорами. Дай горячей воды помыться, накорми, и пусть спит. Это наш парень. Вник?

— Так точно! — ответил я, хотя мне многое было неясно.

* * *

— Кушать хочешь? — спросил я прежде всего.

— Потом, — промолвил мальчик, не подымая глаз. Тогда я положил перед ним на стол бумагу, конверты и ручку, поставил чернила, затем, выйдя из землянки, приказал Васильеву отправляться на пост и, вернувшись, запер дверь на крючок.

Мальчик сидел на краю скамейки спиной к раскалившейся докрасна печке; мокрые порты, брошенные им ранее в угол, лежали у его ног. Из заколотого булавкой кармана он вытащил грязный носовой

платок, развернув его, высыпал на стол и разложил в отдельные кучки зёрнышки пшеницы и ржи, семечки подсолнуха и хвою — иглы сосны и ели. Затем с самым сосредоточенным видом пересчитал, сколько было в каждой кучке, и записал на бумагу.

Когда я подошёл к столу, он быстро перевернул лист и посмотрел на меня неприязненным взглядом.

— Да я не буду, не буду смотреть, — поспешно заверил я.

Позвонив в штаб батальона, я приказал немедленно нагреть два ведра воды и доставить в землянку вместе с большим казаном¹. Я уловил удивление в голосе сержанта, повторявшего в трубку моё приказание. Я заявил ему, что хочу мыться, а была половина второго ночи, и, наверно, он, как и Маслов, подумал, что я выпил или же мне делать нечего. Я приказал также подготовить Царивного — расторопного бойца из пятой роты — для отправки связным в штаб полка.

Разговаривая по телефону, я стоял боком к столу и уголком глаза видел, что мальчик разграфил лист бумаги вдоль и поперёк и в крайней левой графе по вертикали выводил крупным детским почерком: «...2... 4, 5...». Я не знал и впоследствии так и не узнал, что означали эти цифры и что он затем написал.

Он писал долго, около часа, царапая пером бумагу, сопя и прикрывая лист рукавом; пальцы у него были с коротко обгрызенными ногтями, в ссадинах; шея и уши — давно немытые. Время от времени останавливаясь, он нервно покусывал губы, думал или же припоминал, посапывал и снова писал. Уже была принесена горячая и холодная вода — не впустив никого в землянку, я сам занёс ведра и казан, — а он

¹ *Казан* — большой котёл для приготовления пищи.

всё ещё скрипел пером; на всякий случай я поставил ведро с водой на печку.

Закончив, он сложил исписанные листы пополам, всунул в конверт и, посплюнув, тщательно заклеил. Затем, взяв конверт побольше размером, вложил в него первый и заклеил так же тщательно.

Я вынес пакет связному — он ожидал близ землянки — и приказал:

— Немедленно доставьте в штаб полка. По тревоге! Об исполнении доложите Краеву.

Затем я вернулся, разбавил воду в одном из вёдер, сделал её не такой горячей. Скинув ватник, мальчишка влез в казан и начал мыться.

Я чувствовал себя перед ним виноватым. Он не отвечал на вопросы, действуя, несомненно, в соответствии с инструкциями, а я кричал на него, угрожал, стараясь выпытать то, что знать мне было не положено: как известно, у разведчиков имеются свои, недоступные даже старшим штабным офицерам тайны.

Теперь я готов был ухаживать за ним как нянька; мне даже захотелось вымыть его самому, но я не решался: он не смотрел в мою сторону и, словно не замечая меня, держался так, будто, кроме него, в землянке никого не было.

— Давай я спину тебе потру, — не выдержав, предложил я нерешительно.

— Я сам! — отрезал он.

Мне оставалось стоять у печки, держа в руках чистое полотенце и бязевую рубашку — он должен был её надеть, — и помешивать в котелке так кстати не тронутый мною ужин: пшённую кашу с мясом.

Вымывшись, он оказался светловолосым и белокожим; только лицо и кисти рук были потемней от ветра или же от загара. Уши у него были маленькие, розовые, нежные, и, как я заметил, асимметрич-

ные: правое было прижато, левое же топырилось. Примечательным в его скуластом лице были глаза, большие, зеленоватые, удивительно широко расставленные; мне, наверно, никогда не доводилось видеть глаз, расставленных так широко.

Он вытерся досуха и, взяв из моих рук нагретую у печки рубашку, надел её, аккуратно подвернув рукава, и уселся к столу. Насторожённость и отчуждённость уже не проглядывали в его лице; он смотрел устало, был строг и задумчив.

Я ожидал, что он набросится на еду, однако он зацепил ложкой несколько раз, пожевал вроде без аппетита и отставил котелок; затем так же молча выпил кружку очень сладкого — я не пожалел сахара — чаю с печеньем из моего допайка и поднялся, вымолвив тихо:

— Спасибо.

Я меж тем успел вынести казан с тёмной-тёмной, лишь сверху сероватой от мыла водой и взбил подушку на нарах. Мальчик забрался в мою постель и улёгся лицом к стенке, подложив ладошку под щёку. Все мои действия он воспринимал как должное; я понял, что он не первый раз возвращается с «той стороны» и знает, что, как только о его прибытии станет известно в штабе армии, немедленно будет отдано приказание «создать все условия»... Накрыв его двумя одеялами, я тщательно подоткнул их со всех сторон, как это делала когда-то для меня моя мать...

2

Стараясь не шуметь, я собрался — надел каску, накинул поверх шинели плащ-палатку, взял автомат — и тихонько вышел из землянки, приказав часовому без меня в неё никого не пускать.

Ночь была ненастная. Правда, дождь уже перестал, но северный ветер дул порывами, было темно и холодно.

Землянка моя находилась в подлеске, метрах в семистах от Днепра, отделявшего нас от немцев. Противоположный, возвышенный берег командовал, и наш передний край был отнесён в глубину, на более выгодный рубеж, непосредственно же к реке выставались охраняющие подразделения.

Выйдя к Днепру, я направился к траншее, где располагался ближайший пост, и приказал вызвать ко мне командира взвода охранения. Когда он, запыхавшийся, явился, я двинулся вместе с ним вдоль берега. Он сразу спросил меня про «пацана», быть может, решив, что мой приход связан с задержанием мальчишки. Не ответив, я тотчас завёл разговор о другом, но сам мыслями невольно всё время возвращался к мальчику.

Я вглядывался в скрываемый темнотой полукилометровый плёс Днепра, и мне почему-то никак не верилось, что маленький Бондарев с того берега. Кто были люди, переправившие его, и где они? Где лодка? Неужто посты охранения просмотрели её? Или, может, его спустили в воду на значительном расстоянии от берега? И как же решились спустить в холодную осеннюю воду такого худенького, мало-мало сильного мальчишку?..

Наша дивизия готовилась форсировать Днепр. В полученном мною наставлении — я учил его чуть ли не наизусть, — в этом, рассчитанном на взрослых, здоровых мужчин наставлении было сказано: «...если же температура воды ниже $+15^{\circ}$, то переправа вплавь даже для хорошего пловца исключительно трудна, а через широкие реки невозможна». Это если ниже $+15^{\circ}$, а если примерно $+5^{\circ}$?

Нет, несомненно, лодка подходила близко к берегу, но почему же тогда её не заметили? Почему, высадив мальчишку, она ушла потихоньку, так и не обнаружив себя? Я терялся в догадках.

В окопе на правом фланге, закончив обход, мы присели в нише под бруствером¹ и закурили с бойцами. Их было четверо в этом большом, с пулемётной площадкой окопе.

— Товарищ старший лейтенант, как там, с огольцом разобрались? — глуховатым голосом спросил меня один; он дежурил, стоя у пулемёта, и не курил.

— А что такое? — поинтересовался я, настораживаясь.

— Так. Думается, не просто это. В такую ночь последнего пса из дома не выгонят, а он в реку полез. Какая нужда?.. Он что, лодку шукал, на тот берег хотел? Зачем?.. Мутный оголец — его хорошенько проверить надо! Его прижать покрепче, чтоб заговорил. Чтоб всю правду из него выдавить.

— Да, мутность есть вроде, — подтвердил другой не очень уверенно. — Молчит и смотрит, говорят, волчонком. И раздет почему?

— Мальчишка из Новосёлок, — неторопливо затянувшись, соврал я (Новосёлки было большое, наполовину сожжённое село километрах в четырёх за нами). — У него немцы мать угнали, места себе не находит... Тут и в реку полезешь.

...Посидев с бойцами ещё, я вспомнил, что скоро должен приехать Холин, и, простившись, двинулся в обратный путь. Провожать себя я запретил и скоро пожалел об этом; в темноте я заблудился, как потом оказалось, забрал правее и долго блукал по кустам,

¹ *Бру́ствер* — земляная насыпь на наружной стороне окопа, траншеи.

останавливаемый резкими окриками часовых. Лишь минут через тридцать, прозябнув на ветру, я добрался к землянке.

К моему удивлению, мальчик не спал.

Он сидел в одной рубашке, свесив ноги с нар. Печка давно утухла, и в землянке было довольно прохладно — лёгкий пар шёл изо рта.

— Ещё не приехали? — в упор спросил мальчик.

— Нет. Ты спи, спи. Приедут — я тебя разбуджу.

— А он дошёл?

— Кто он? — не понял я.

— Боец. С пакетом.

— Дошёл, — сказал я, хотя не знал: отправив связного, я забыл о нём и о пакете.

Несколько мгновений мальчик в задумчивости смотрел на свет гильзы и неожиданно, как мне показалось, обеспокоенно спросил:

— Вы здесь были, когда я спал? Я во сне не разговариваю?

— Нет, не слышал. А что?

— Так. Раньше не говорил. А сейчас — не знаю. Нервеность во мне какая-то, — огорчённо признался он.

Вскоре приехал Холин. Рослый темноволосый красавец лет двадцати семи, он ввалился в землянку с большим немецким чемоданом в руке. С ходу сунув мне мокрый чемодан, он бросился к мальчику:

— Иван!

При виде Холина мальчик вмиг оживился и улыбнулся. Улыбнулся впервые обрадованно, совсем по-детски.

Это была встреча больших друзей — несомненно, в эту минуту я был здесь лишним. Они обнялись, как взрослые; Холин поцеловал мальчика несколько раз, отступил на шаг и, тиская его узкие, худенькие

плечи, разглядывал его восторженными глазами и говорил:

— ...Катасоныч ждёт тебя с лодкой у Диковки, а ты здесь...

— В Диковке немцев — к берегу не подойдёшь, — сказал мальчик, виновато улыбаясь. — Я плыл от Сосновки. Знаешь, на серёдке выбился да ещё судорога прихватила — думал, конец...

— Так ты что — вплавь?! — изумлённо вскричал Холин.

— На полене. Ты не ругайся — так пришлось. Лодки наверху и все охраняются. А ваш тузик в такой темноте, думаешь, просто сыскать? Враз застукают! Знаешь, выбился, а полено крутится, выскальзывает, и ещё ногу прихватило, ну, думаю: край! Течение!.. Понесло, понесло... не знаю, как выплыл.

Сосновка был хутор выше по течению, на том, вражеском берегу, — мальчика снесло без малого на три километра. Было просто чудом, что ненастной ночью, в холодной октябрьской воде, такой слабый и маленький, он всё же выплыл...

Холин, обернувшись, энергичным рывком сунул мне свою мускулистую руку, затем, взяв чемодан, легко поставил его на нары и, щёлкнув замками, попросил:

— Пойди подгони машину поближе, мы не смогли подъехать. И прикажи часовому никого сюда не впускать и самому не заходить — нам соглядатаи ни к чему. Вник?..

Это «вник» подполковника Грязнова привилось не только в нашей дивизии, но и в штабе армии: вопросительное «Вник?» и повелительное «Вникни!».

Когда минут через десять, не сразу отыскав машину и показав шофёру, как подъехать к землянке, я вернулся, мальчишка совсем преобразился.

На нём была маленькая, сшитая, как видно, специально на него, шерстяная гимнастёрка с орденом Отечественной войны, новенькой медалью «За отвагу» и белоснежным подворотничком, тёмно-синие шаровары и аккуратные яловые сапожки¹. Своим видом он теперь напоминал воспитанника — их в полку было несколько, — только на гимнастёрке не было погон; да и выглядели воспитанники несравненно более здоровыми и крепкими.

Чинно сидя на табурете, он разговаривал с Холиным. Когда я вошёл, они умолкли, и я даже подумал, что Холин послал меня к машине, чтобы поговорить без свидетелей.

— Ну, где ты пропал? — однако сказал он, выказывая недовольство. — Давай ещё кружку и садись.

На стол, застеленный свежей газетой, уже была выложена привезённая им снедь: сало, копчёная колбаса, две банки консервов, пачка печенья, два каких-то кулька и фляжка в суконном чехле. На нарах лежал дублённый мальчиковый полушубок, новенький, очень нарядный, и офицерская шапка-ушанка.

Холин «по-интеллигентному», тонкими ломтиками нарезал хлеб, затем налил из фляжки водку в три кружки: мне и себе до половины, а мальчику на палец.

— Со свиданьем! — весело, с какой-то удалью проговорил Холин, поднимая кружку.

— За то, чтоб я всегда возвращался, — задумчиво сказал мальчик.

Холин, быстро взглянув на него, предложил:

— За то, чтобы ты поехал в суворовское училище и стал офицером.

— Нет, это потом! — запротестовал мальчик. —

¹ *Яловые сапоги* — сапоги из грубой толстой кожи.

А пока война — за то, чтоб я всегда возвращался! — упрямо повторил он.

— Ладно, не будем спорить. За твоё будущее. За победу!

Мы чокнулись и выпили. К водке мальчишка был непривычен: выпив, он поперхнулся, слёзы проступили у него на глазах, он поспешил украдкой смахнуть их. Как и Холин, он ухватил кусок хлеба и долго нюхал его, потом съел, медленно разжёвывая.

Холин проворно делал бутерброды и подкладывал мальчику; тот взял один и ел вяло, будто неохотно.

— Ты ешь давай, ешь! — приговаривал Холин, закусывая сам с аппетитом.

— Отвык помногу, — вздохнул мальчик. — Не могу.

К Холину он обращался на «ты» и смотрел только на него, меня же, казалось, вовсе не замечал. После водки на меня и Холина, как говорится, «едун напал» — мы энергично работали челюстями; мальчик же, съев два небольших бутерброда, вытер платком руки и рот, промолвив:

— Хорош.

Тогда Холин высыпал перед ним на стол шоколадные конфеты в разноцветных обёртках. При виде конфет лицо мальчика не оживилось радостно, как это бывает у детей его возраста. Он взял одну не спеша, с таким равнодушием, будто он каждый день вдоволь ел шоколадные конфеты, развернул её, откусил кусочек и, сдвинув конфеты на серединку стола, предложил нам:

— Угощайтесь.

— Нет, брат, — отказался Холин. — После водки не в цвет.

— Тогда поехали, — вдруг сказал мальчик, поднимаясь и не глядя больше на стол. — Подполковник

ждёт меня, чего же сидеть?.. Поехали! — потребовал он.

— Сейчас поедем, — с некоторой растерянностью проговорил Холин. В руке у него была фляжка, он собирался, очевидно, налить ещё мне и себе, но, увидев, что мальчик встал, положил фляжку на место. — Сейчас поедем, — повторил он невесело и поднялся.

Меж тем мальчик примерил шапку.

— Вот чёрт, велика!

— Меньше не было. Я сам выбирал, — словно оправдываясь, пояснил Холин. — Но нам только доехать, что-нибудь придумаем...

Он с сожалением оглядел стол, уставленный закусками, поднял фляжку, поболтал ею, огорчённо посмотрел на меня и вздохнул:

— Сколько ж добра пропадает, а!

— Оставь ему! — сказал мальчик с выражением недовольства и пренебрежения. — Ты что, голодный?

— Ну что ты!.. Просто фляжка — табельное имущество, — отшутился Холин. — И конфеты ему ни к чему...

— Не будь жмотом!

— Придётся... Эх, где наше не пропадало, кто от нас не плакал!.. — снова вздохнул Холин и обратился ко мне: — Убери часового от землянки. И вообще посмотри. Чтоб нас никто не видел.

Накинув набухшую плащ-палатку, я подошёл к мальчику. Застёгивая крючки на его полушубочке, Холин похвастал:

— А в машине сена — целая копна! Я одеяла взял, подушки, сейчас завалимся — и до самого штаба.

— Ну, Ванюша, прощай! — Я протянул руку мальчику.

— Не прощай, а до свидания! — строго поправил он, сунув мне крохотную узенькую ладошку и одарив меня взглядом исподлобья.

Разведотдельский «додж» с поднятым тентом стоял шагах в десяти от землянки; я не сразу разглядел его.

— Родионов, — тихо позвал я часового.

— Я, товарищ старший лейтенант! — послышался совсем рядом за моей спиной хриплый, простуженный голос.

— Идите в штабную землянку. Я скоро вас вызову.

— Слушаюсь! — Боец исчез в темноте.

Я обошёл кругом — никого не было. Шофёр «доджа» в плащ-палатке, одетой поверх полушубка, не то спал, не то дремал, навалившись на баранку.

Я подошёл к землянке, ощупью нашёл дверь и приоткрыл её.

— Давайте!

Мальчик и Холин с чемоданом в руке скользнули к машине; зашуршал брезент, послышался короткий разговор вполголоса — Холин разбудил водителя, — заработал мотор, и «додж» тронулся.

4

— Здравствуй! — говорит мне мальчик, как только мы заходим в землянку, и, улыбаясь, с неожиданным дружелюбием протягивает руку.

Он выглядит посвежевшим и поздоровевшим, щёки румянятся. Катасонов отряхивает с его полушубочка сенную труху, а Холин заботливо предлагает:

— Может, ляжешь отдохнёшь?

— Да ну! Полдня спал и опять отдыхать?

— Тогда достань нам чего-нибудь интересное, — говорит мне Холин, — журнальчик там или ещё что... Только с картинками!

Катасонов помогает мальчику раздеться, а я выкладываю на стол несколько номеров «Огонька»,

«Красноармейца» и «Фронтовых иллюстраций». Оказывается, что некоторые из журналов мальчик уже видел — он откладывает их в сторону.

Сегодня он неузнаваем: разговорчив, то и дело улыбается, смотрит на меня приветливо и обращается ко мне, как и к Холину и Катасонову, на «ты». И у меня к этому белоголовому мальчишке необычайно тёплое чувство. Вспомнив, что у меня есть коробка леденцов, я, достав, открываю её и ставлю перед ним, наливаю ему в кружку ряженки с шоколадной пенкой, затем подсаживаюсь рядом, и мы вместе смотрим журналы.

Тем временем Холин и Катасонов приносят из машины уже знакомый мне трофейный чемодан, объёмистый узел, увязанный в плащ-палатку, два автомата и небольшой фанерный чемодан. Засунув узел под нары, они усаживаются позади нас и разговаривают. Я слышу, как Холин вполголоса говорит Катасонову обо мне:

— ...Ты бы послушал, как шпрехает — как фриц! Я его весной в переводчики вербовал, а он, видишь, уже батальоном командует...

Это было. В своё время Холин и подполковник Грязнов, послушав, как я по приказанию комдива опрашивал пленных, уговаривали меня перейти в разведотдел переводчиком. Но я не захотел и ничуть не жалею: на разведывательную работу я пошёл бы охотно, но только на оперативную, а не переводчиком.

Катасонов поправляет дрова и тихонько вздыхает: — Ночь-то уж больно хороша!..

Он и Холин полущёпотом разговаривают о предстоящем деле, и я узнаю, что подготавливали они вообще не поиск. Мне становится ясно, что сегодня ночью Холин и Катасонов должны переправить мальчика через Днепр в тыл к немцам.

Для этого ими привезена малая надувная лодка «штурмовка», однако Катасонов уговаривает Холина взять плоскодонку у меня в батальоне. «Клёвые тузики!» — шепчет он.

Вот черти — пронюхали!.. В батальоне пять рыбацких плоскодонок — мы их возим с собой уже третий месяц. Причём, чтобы их не забрали в другие батальоны, где всего по одной лодке, я приказал маскировать их тщательно, на марше прятать под сено и в отчётности об имеющихся подсобных переправочных средствах указываю всего две лодки, а не пять.

Мальчик грызёт леденцы и смотрит журналы. К разговору Холина и Катасонова он не прислушивается. Просмотрев журналы, он откладывает один, где напечатан рассказ о разведчиках, и говорит мне:

— Вот это я прочту... Слушай, а патефона у тебя нет?

— Есть, но сломана пружина.

— Бедненько живёшь, — замечает он и вдруг спрашивает: — А ушами ты можешь двигать?

— Ушами?.. Нет, не могу, — улыбаюсь я. — А что?

— А Холин может! — не без торжества сообщает он и оборачивается. — Холин, ну-ка покажи — ушами!

— Всегда — пожалуйста! — Холин с готовностью подсакивает и, став перед нами, шевелит ушными раковинами; лицо его при этом остаётся совершенно неподвижным.

Мальчик, довольный, торжествуяюще смотрит на меня.

— Можешь не огорчаться, — говорит мне Холин, — ушами двигать я тебя научу. Это успеется. А сейчас идём, покажешь нам лодки.

— А вы меня с собой возьмёте? — неожиданно для самого себя спрашиваю я.

— Куда с собой?

— На тот берег.

— Видали, — кивает на меня Холин, — охотничек! А зачем тебе на тот берег?.. — И, смерив меня взглядом, словно оценивая, он спрашивает: — Ты плавать-то хоть умеешь?

— Как-нибудь! И гребу и плаваю.

— А плаваешь как — сверху вниз? по вертикали? — с самым серьёзным видом интересуется Холин.

— Да уж, думаю, во всяком случае, не хуже тебя!

— Конкретнее. Днепр переплывёшь?

— Раз пять, — говорю я. И это правда, если учесть, что я имею в виду плавание налегке в летнее время. — Свободно раз пять, туда и обратно!

— Силё-он мужик! — неожиданно хохочет Холин, и они втроём смеются. Вернее, смеются Холин и мальчик, а Катасонов застенчиво улыбается.

Вдруг, сделавшись серьёзным, Холин спрашивает:

— А ружьишком ты не балуешься?

— Иди ты!.. — раздражаюсь я, знакомый с подвохом подобного вопроса.

— Вот видите, — указывает на меня Холин, — завёлся с полоборота! Никакой выдержки. Нервишки-то явно тряпичные, а просится на тот берег. Нет, парень, с тобой лучше не связываться!

— Тогда я лодку не дам.

— Ну, лодку-то мы и сами возьмём — что у нас, рук нет? А случ-чего позвоню комдиву, так ты её на своём горбу к реке припрёшь!

— Да будет вам, — вступается мальчик примиряюще. — Он и так даст... Ведь дашь? — заглядывая мне в глаза, спрашивает он.

— Да уж придётся, — натянута улыбаясь, говорю я.

— Так идём посмотрим! — берёт меня за рукав Холин. — А ты здесь побудь, — говорит он мальчику. — Только не возись, а отдыхай.

Катасонов, поставив на табурет фанерный чемоданчик, открывает его — там различные инструменты, банки с чем-то, тряпки, пакля, бинты. Перед тем как надеть ватник, я пристёгиваю к ремню финку с наборной рукоятью.

— Ух, и нож! — восхищённо восклицает мальчик, и глаза у него загораются. — Покажи!

Я протягиваю ему нож; повертев его в руках, он просит:

— Слушай, отдай его мне!

— Я бы тебе отдал, но понимаешь... это подарок.

Я его не обманываю. Этот нож — подарок и память о моём лучшем друге Котьке Холодове. С третьего класса мы сидели с Котькой на одной парте, вместе ушли в армию, вместе были в училище и воевали в одной дивизии, а позже в одном полку.

...На рассвете того сентябрьского дня я находился в окопе на берегу Десны. Я видел, как Котька со своей ротой — первым в нашей дивизии — начал переправляться на правый берег. Связанные из брёвен, жердей и бочек плотики миновали уже середину реки, когда немцы обрушились на переправу огнём артиллерии и миномётов. И тут же белый фонтан воды взлетел над Котькиным плотиком... Что было там дальше, я не видел — трубка в руке телефониста прохрипела: «Гальцев, вперёд!..» И я, а за мной вся рота — сто с лишним человек, — прыгнув через бруствер, бросились к воде, к точно таким же плотикам... Через полчаса мы уже вели рукопашный бой на правом берегу...

Я ещё не решил, что сделаю с финкой: оставлю её себе или же, вернувшись после войны в Москву, при-

ду в тихий переулочек на Арбате и отдам нож Котыкиным старикам, как последнюю память о сыне...

— Я тебе другой подарю, — обещаю я мальчику.

— Нет, я хочу этот! — говорит он капризно и заглядывает мне в глаза. — Отдай его мне!

— Не жлобься, Гальцев, — бросает со стороны Холин неодобрительно. Он стоит одетый, ожидая меня и Катасонова. — Не будь крохобором!

— Я тебе другой подарю! Точно такой! — убеждаю я мальчика.

— Будет у тебя такой нож, — обещает ему Катасонов, осмотрев финку. — Я достану.

— Да я сделаю, честное слово! — заверяю я. — А это подарок, понимаешь — память!

— Ладно уж, — соглашается наконец мальчик обидчивым голосом. — А сейчас оставь его — поиграться...

— Оставь нож, и идём, — торопит меня Холин.

— И чего мне с вами идти? Какая радость? — застёгивая ватник, вслух рассуждаю я. — Братъ вы меня с собой не берёте, а где лодки, и без меня знаете.

— Идём, идём, — подталкивает меня Холин. — Я тебя возьму, — обещает он. — Только не сегодня.

Мы выходим втроем и подлеском направляемся к правому флангу. Моросит мелкий, холодный дождь. Темно, небо затянуто сплошь — ни звёздочки, ни просвета.

Катасонов скользит впереди с чемоданом, ступая без шума и так уверенно, точно он каждую ночь ходит этой тропой. Я снова спрашиваю Холина о мальчике и узнаю, что маленький Бондарев — из Гомеля, но перед войной жил с родителями на заставе где-то в Прибалтике. Его отец, пограничник, погиб в первый же день войны. Сестрёнка полутора лет была убита на руках у мальчика во время отступления.

— Ему столько довелось пережить, что нам и не снилось, — шепчет Холин. — Он и в партизанах был, и в Тростянце — в лагере смерти... У него на уме одно: мстить до последнего! Как рассказывает про лагерь или вспомнит отца, сестрёнку, — трясётся весь. Я никогда не думал, что ребёнок может так ненавидеть...

Холин на мгновение умолкает, затем продолжает еле слышным шёпотом:

— Мы тут два дня бились — уговаривали его поехать в суворовское училище. Командующий сам убеждал его: и по-хорошему и грозился. А в конце концов разрешил сходить, с условием: последний раз! Видишь ли, не посылать его — это тоже боком может выйти. Когда он впервые пришёл к нам, мы решили: не посылать! Так он сам ушёл. А при возвращении наши же — из охранения в полку у Шилина — обстреляли его. Ранили в плечо, и винить некого: ночь была тёмная, а никто ничего не знал!.. Видишь ли, то, что он делает, и взрослым редко удаётся. Он один даёт больше, чем ваша разведрота. Они лезят в боевых порядках немцев не далее войскового тыла¹. А проникнуть и легализироваться в оперативном тылу противника и находиться там, допустим, пять—десять дней разведгруппа не может. И отдельному разведчику это редко удаётся. Дело в том, что взрослый в любом обличье вызывает подозрение. А подросток, бездомный побирושка — быть может, лучшая маска для разведки в оперативном тылу... Если б ты знал его поближе — о таком мальчишке можно только мечтать!.. Уже решено: если после войны не отыщется мать, Катасоныч или подполковник усыновят его...

¹ На театре военных действий тыл подразделений, частей и соединений носит название войскового тыла (или же тактического), а тыл армий и фронтов — оперативного тыла.

— Почему они, а не ты?

— Я бы взял, — шепчет Холин, вздыхая, — да подполковник против. Говорит, что меня самого ещё надо воспитывать! — усмехаясь, признаётся он.

Я мысленно соглашаюсь с подполковником: Холин грубоват, а порой развязен и циничен. Правда, при мальчишке он сдерживается, мне даже кажется, что он побаивается Ивана.

Метрах в ста пятидесяти до берега мы сворачиваем в кустарник, где, заваленные ельником, хранятся плоскодонки.

По моему приказанию их держат наготове и через день поливают водой, чтобы не высохли.

Присвечивая фонариками, Холин и Катасонов осматривают лодки, щупают и простукивают днища и борта. Затем переворачивают каждую, усаживаются и, вставив вёсла в уключины, «гребут».

Наконец выбирают одну, небольшую, с широкой кормой, на трёх-четырёх человек, не более.

— Вериги¹ эти ни к чему. — Холин берётся за цепь и, как хозяин, начинает выкручивать кольцо. — Остальное сделаем на берегу. Сперва опробуем на воде...

Он взваливает лодку плоским днищем себе на спину, вытянутыми над головой руками ухватывается с двух сторон за края бортов и, чуть пригнувшись, широко ступая, идёт следом за Катасоновым к реке.

У берега я обгоняю их — предупредить пост охранения, по-видимому, для этого я и был им нужен.

Холин со своей ношей медленно сходит к воде и останавливается. Мы втроём осторожно, чтобы не шуметь, опускаем лодку на воду.

— Садитесь!

¹ *Verigi* — железные цепи, надевавшиеся на тело религиозными фанатиками, юродивыми.

Мы усаживаемся, Холин, оттолкнувшись, вскакивает на корму — лодка скользит от берега.

— Что ж, забинтуем уключины, забьём гнёзда солидоллом, и все дела! — довольно шепчет Холин и поворачивается ко мне: — Кто у тебя здесь в окопе?

— Бойцы, двое.

— Оставь одного. Надёжного и чтоб молчать умел! Вник? Я заскочу к нему покурить — проверю!.. Командира взвода охранения предупреди: после двадцати двух ноль-ноль разведгруппа, возможно, — так и скажи ему: возможно! — подчёркивает Холин, — пойдёт на ту сторону. К этому времени чтобы все посты были предупреждены. А сам он пусть находится в ближнем большом окопе, где пулемёт, — Холин указывает рукой вниз по течению. — Если при возвращении нас обстреляют, я ему голову сверну!.. Кто пойдёт, как и зачем — об этом ни слова! Учти: об Иване знаешь только ты! Подписки я от тебя брать не буду, но, если сболтнёшь, я тебе...

— Что ты пугаешь? — шепчу я возмущённо. — Что я, маленький, что ли?

— Я тоже так думаю. Да ты не обижайся. — Он похлопывает меня по плечу. — Я же должен тебя предупредить... А теперь действуй!..

Катасонов уже возится с уключинами. Холин, подойдя к лодке, тоже берётся за дело. Постояв с минуту, я иду вдоль берега.

Командир взвода охранения встречается мне неподалёку — он обходит окопы, проверяя посты. Я инструктирую его, как сказал Холин, и отправляюсь в штаб батальона.

Сделав кое-какие распоряжения и подписав документы, я возвращаюсь к себе в землянку.

Мальчик один. Он весь красный, разгорячён и возбуждён. В руке у него Котькин нож, на груди мой

бинокль, лицо виноватое. В землянке беспорядок: стол перевернут вверх ногами и накрыт сверху одеялом, ножки табурета торчат из-под нар.

— Слушай, ты не сердись, — просит меня мальчик. — Я нечаянно... честное слово, нечаянно...

Только тут я замечаю на вымытых утром добела досках пола большое чернильное пятно.

— Ты не сердисься? — заглядывая мне в глаза, спрашивает он.

— Да нет же, — отвечаю я, хотя беспорядок в землянке и пятно на полу мне вовсе не по нутру.

Я молча устанавливаю всё на места, мальчик помогает мне. Он поглядывает на пятно и предлагает:

— Надо воды нагреть. И с мылом... Я ототру!

— Да ладно, без тебя как-нибудь...

Я проголодался и по телефону приказываю принести ужин на шестерых — я не сомневаюсь, что Холин и Катасонов, повозившись с лодкой, проголодались не менее меня.

Заметив журнал с рассказом о разведчиках, я спрашиваю мальчика:

— Ну как, прочёл?

— Ага... Переживательно. Только по правде так не бывает. Их сразу застукают. А им ещё потом ордена навесили.

— А у тебя за что орден? — интересуюсь я.

— Это ещё в партизанах...

— Ты и в партизанах был? — словно услышав впервые, удивляюсь я. — А почему же ушёл?

— Блокировали нас в лесу, ну, и меня самолётом на Большую землю. В интернат. Только я оттуда скоро подорвал.

— Как — подорвал?

— Сбежал. Тягостно там, прямо невтерпёж. Живёшь — крупу переводишь. И знай зубри: рыбы —

позвоночные животные... Или значение травоядных в жизни человека...

— Так это тоже нужно знать.

— Нужно. Только зачем мне это сейчас? К чему?.. Я почти месяц терпел. Вот лежу ночью и думаю: зачем я здесь? Для чего?..

— Интернат — это не то, — соглашаюсь я. — Тебе другое нужно. Тебе бы вот в суворовское училище попасть — было бы здорово!

— Это тебя Холин научил? — быстро спрашивает мальчик и смотрит на меня насторожённо.

— При чём тут Холин? Я сам так думаю. Ты уже повоевал: и в партизанах, и в разведке. Человек ты заслуженный. Теперь тебе что нужно: отдыхать, учиться! Ты знаешь, из тебя какой офицер получится?..

— Это Холин тебя научил! — говорит мальчик убеждённо. — Только зря!.. Офицером стать я ещё успею. А пока война, отдыхать может тот, от кого пользы мало.

— Это верно, но ведь ты ещё маленький!

— Маленький?.. А ты в лагере смерти был? — вдруг спрашивает он; глаза его вспыхивают лютой, недетской ненавистью, крохотная верхняя губа подёргивается. — Что ты меня агитируешь, что?! — выкрикивает он взволнованно. — Ты... ты ничего не знаешь и не лезь!.. Напрасные хлопоты...

Несколько минут спустя приходит Холин. Сунув фанерный чемоданчик под нары, он опускается на табурет и курит жадно, глубоко затягиваясь.

— Всё куришь, — недовольно замечает мальчик. Он любуется ножом, вытаскивает его из ножен, вкладывает снова и перевешивает с правого на левый бок. — От курева лёгкие бывают зелёные.

— Зелёные? — рассеянно улыбаясь, переспрашивает Холин. — Ну и пусть зелёные. Кому это видно?

— А я не хочу, чтобы ты курил! У меня голова заболит.

— Ну ладно, я выйду.

Холин подымается, с улыбкой смотрит на мальчика; заметив раскрасневшееся лицо, подходит, прикладывает ладонь к его лбу и, в свою очередь, с недовольством говорит:

— Опять возился?.. Это никуда не годится! Ложись-ка отдыхай. Ложись, ложись!

Мальчик послушно укладывается на нарах. Холин, достав ещё папиросу, прикуривает от своего же окурка и, набросив шинель, выходит из землянки. Когда он прикуривает, я замечаю, что руки у него чуть дрожат. У меня «нервишки тряпичные», но и он волнуется перед операцией. Я уловил в нём какую-то рассеянность или обеспокоенность; при всей своей наблюдательности он не заметил чернильного пятна на полу, да и выглядит как-то странно. А может, мне это только кажется.

Он курит на воздухе минут десять (очевидно, не одну папиросу), возвращается и говорит мне:

— Часа через полтора пойдём. Давай ужинать.

— А где Катасоныч? — спрашивает мальчик.

— Его срочно вызвал комдив. Он уехал в дивизию.

— Как уехал?! — Мальчик живо приподнимается. — Уехал и не зашёл? Не пожелал мне удачи?

— Он не мог! Его вызвали по тревоге, — объясняет Холин. — Я даже не представляю, что там случилось... Они же знают, что он нам нужен, и вдруг вызывают...

— Мог бы забежать. Тоже друг... — обиженно и взволнованно говорит мальчик. Он по-настоящему расстроен. С полминуты он лежит молча, отвернув лицо к стенке, затем, обернувшись, спрашивает: — Так мы что же, вдвоём пойдём?

— Нет, втроём. Он пойдёт с нами, — быстрым кивком указывает на меня Холин.

Я смотрю на него в недоумении и, решив, что он шутит, улыбаюсь.

— Ты не улыбься и не смотри как баран на новые ворота. Тебе без дураков говорят, — заявляет Холин.

Лицо у него серьёзное и, пожалуй, даже озабоченное. Я всё же не верю и молчу.

— Ты же сам хотел. Ведь просился! А теперь что ж, трусишь? — спрашивает он, глядя на меня пристально, с презрением и неприязнью, так что мне становится не по себе. И я вдруг чувствую, начинаю понимать, что он не шутит.

— Я не трушу! — твёрдо заявляю я, пытаюсь собраться с мыслями. — Просто неожиданно как-то...

— В жизни всё неожиданно, — говорит Холин задумчиво. — Я бы тебя не брал, поверь: это необходимость! Катасоныча вызвали срочно, понимаешь — по тревоге! Представить себе не могу, что у них там случилось... Мы вернёмся часа через два, — уверяет Холин. — Только ты сам принимай решение. Сам! И случ-чего на меня не вали. Если обнаружится, что ты самовольно ходил на тот берег, нас взгреют по первое число. Так случ-чего не скули: «Холин сказал, Холин просил, Холин меня втравил!..» Чтобы этого не было! Учти: ты сам напросился. Ведь просился?.. Случ-чего мне, конечно, попадёт, но и ты в стороне не останешься!.. Кого за себя оставить думаешь? — после короткой паузы деловито спрашивает он.

— Замполита... Колбасова, — подумав, говорю я. — Он парень боевой...

— Парень он боевой. Но лучше с ним не связываться. Замполиты — народец принципиальный: того и гляди, в политдонесение попадём, тогда неприятностей не оберёшься, — поясняет Холин, усмехаясь,

и закатывает глаза кверху. — Спаси нас Бог от такой напасти!

— Тогда Гущина, командира пятой роты.

— Тебе виднее, решай сам! — замечает Холин и советует: — Ты его в курс дела не вводи: о том, что ты пойдёшь на тот берег, будут знать только в охране. Вник?.. Если учесть, что противник держит оборону и никаких активных действий с его стороны не ожидается, так что же, собственно говоря, может случиться?.. Ничего! К тому же ты оставляешь заместителя и отлучаешься всего на два часа. Куда?.. Допустим, в село... Ты же живой человек, чёрт побери! Мы вернёмся через два... ну, максимум через три часа, — подумавшись, большое дело!..

...Он зря меня убеждает. Дело, конечно, серьёзное, и, если командование узнает, неприятностей действительно не оберёшься. Но я уже решил и стараюсь не думать о неприятностях — мыслями я весь в предстоящем...

Мне никогда не приходилось ходить в разведку. Правда, месяца три назад я со своей ротой провёл — причём весьма успешно — разведку боем. Но что такое разведка боем?.. Это, по существу, тот же наступательный бой, только ведётся он ограниченными силами и накоротке.

Мне никогда не приходилось ходить в разведку, и, думая о предстоящем, я, естественно, не могу не волноваться...

5

Приносят ужин. Я выхожу и сам забираю котелки и чайник с горячим чаем. Ещё я ставлю на стол крынку с ряженкой и банку тушёнки. Мы ужинаем: мальчик и Холин едят мало, и у меня тоже пропал аппетит. Лицо у мальчика обиженное и немного пе-

чальное. Его, видно, крепко задело, что Катасонов не зашёл пожелать ему успеха. Поев, он снова укладывается на нары.

Когда со стола убрано, Холин раскладывает карту и вводит меня в курс дела.

Мы переправляемся на тот берег втроём и, оставив лодку в кустах, продвигаемся кромкой берега вверх по течению метров шестьсот до оврага — Холин показывает на карте.

— Лучше, конечно, было бы подплыть прямо к этому месту, но там голый берег и негде спрятать лодку, — объясняет он.

Этим оврагом, находящимся напротив боевых порядков третьего батальона, мальчик должен пройти передний край немецкой обороны.

В случае если его заметят, мы с Холиным, находясь у самой воды, должны немедля обнаружить себя, пуская красные ракеты — сигнал вызова огня, — отвлечь внимание немцев и любой ценой прикрыть отход мальчика к лодке. Последним отходит Холин.

В случае, если мальчик будет обнаружен, по сигналу наших ракет «поддерживающие средства» — две батареи 76-миллиметровых орудий, батарея 120-миллиметровых миномётов, две миномётные и пулемётная рота — должны интенсивным артналётом с левого берега ослепить и ошеломить противника, окаймить артиллерийско-миномётным огнём немецкие траншеи по обе стороны оврага и далее влево, чтобы воспрепятствовать возможным вылазкам немцев и обеспечить наш отход к лодке.

Холин сообщает сигналы взаимодействия с левым берегом, уточняет детали и спрашивает:

— Тебе всё ясно?

— Да, будто всё.

Помолчав, я говорю о том, что меня беспокоит: а не потеряет ли мальчик ориентировку при переходе,

оставшись один в такой темноте, и не может ли он пострадать в случае артобстрела?

Холин разъясняет, что «он» — кивок в сторону мальчика — совместно с Катасоновым из расположения третьего батальона в течение нескольких часов изучал вражеский берег в месте перехода и знает там каждый кустик, каждый бугорок. Что же касается артиллерийского налёта, то цели пристреляны заранее и будет оставлен «проход» шириной до семидесяти метров.

Я невольно думаю о том, сколько непредвиденных случайностей может быть, но ничего об этом не говорю. Мальчик лежит задумчиво-печальный, устремив взор вверх. Лицо у него обиженное и, как мне кажется, совсем безучастное, словно наш разговор его ничуть не касается.

Я рассматриваю на карте синие линии — эшелонированную в глубину оборону немцев — и, представив себе, как она выглядит в действительности, тихонько спрашиваю:

— Слушай, а удачно ли выбрано место перехода? Неужто на фронте армии нет участка, где оборона противника не так плотна? Неужто в ней нет «слабины», разрывов... допустим, на стыках соединений?

Холин, прищурив карие глаза, смотрит на меня насмешливо.

— Вы в подразделениях дальше своего носа ничего не видите! — заявляет он с некоторым пренебрежением. — Вам всё кажется, что против вас основные силы противника, а на других участках слабенькое прикрытие, так, для видимости! Неужели же ты думаешь, что мы не выбирали или соображаем меньше твоего?.. Да если хочешь знать, тут у немцев по всему фронту напихано столько войск, что тебе и не снилось! И за стыками они смотрят в оба — дурей

себя не ищи: глупенькие да-авно перевелись! Глухая, плотная оборона на десятки километров, — невесело вздыхает Холин. — Чудак-рыбак, тут всё не раз продумано. В таком деле с кондачка¹ не действуют, учти!..

Он встаёт и, подсев к мальчику на нары, вполголоса и, как я понимаю, не в первый раз, инструктирует его:

— ...В овраге держись самого края. Помни: весь низ минирован... Чаще прислушивайся. Замирай и прислушивайся! По траншеям ходят патрули — значит, подползёшь и выжидай!.. Как патруль пройдёт — через траншею и двигай дальше...

Я звоню командиру пятой роты Гущину и, сообщив ему, что он остаётся за меня, отдаю необходимые распоряжения. Положив трубку, я снова слышу тихий голос Холина:

— ...будешь ждать в Фёдоровке... На рожон не лезь! Главное, будь осторожен!

— Ты думаешь, это просто — быть осторожным? — с едва уловимым раздражением спрашивает мальчик.

— Знаю! Но ты будь! И помни всегда: ты не один! Помни: где бы ты ни был, я всё время думаю о тебе. И подполковник тоже...

— А Катасоныч уехал и не зашёл, — с чисто детской непоследовательностью говорит мальчик обидчиво.

— Я же тебе сказал: он не мог! Его вызвали по тревоге. Иначе бы... Ты ведь знаешь, как он тебя любит! Ты же знаешь, что у него никого нет и ты ему дороже всех! Ведь знаешь?

¹ С кондачка́ (разг.) — не подготовившись, несерьёзно, легкомысленно.

— Знаю, — шмыгнув носом, соглашается мальчик, голос его дрожит. — Но всё же мог забежать...

Холин прилёг рядом с ним, гладит рукой его мягкие льняные волосы и что-то шепчет ему. Я стараюсь не прислушиваться. Обнаруживается, что у меня множество дел, я торопливо сучусь, но толком делать что-либо не в состоянии и, плюнув на всё, сажусь писать письмо матери: я знаю, что разведчики перед уходом на задание пишут письма родным и близким. Однако я нервничаю, мысли разбегаются, и, написав карандашом с полстранички, я всё рву и бросаю в печку.

— Время, — взглянув на часы, говорит мне Холин и поднимается. Поставив на лавку трофейный чемодан, он вытаскивает из-под нар узел, развязывает его, и мы с ним начинаем одеваться.

Поверх бязевого белья он надевает тонкие шерстяные кальсоны и свитер, затем зимнюю гимнастёрку и шаровары и облачается в зелёный маскхалат¹. Поглядывая на него, я одеваюсь так же. Шерстяные кальсоны Катасонова мне малы, они трещат в паху, и я в нерешительности смотрю на Холина.

— Ничего, ничего, — ободряет он. — Смелей! Порвёшь — новые выпишем.

Маскхалат мне почти впору, правда, брюки несколько коротки. На ноги мы надеваем немецкие кованые сапоги; они тяжеловаты и непривычны, но это, как поясняет Холин, предосторожность: чтобы «не наследить» на том берегу. Холин сам завязывает шнурки моего маскхалата.

Вскоре мы готовы: финки и гранаты Ф-1 подвешены к поясным ремням (Холин берёт ещё увесистую противотанковую — РПГ-40); пистолеты с патрона-

¹ *Маскхалат* — маскировочный халат.

ми, загнанными в патронники, сунуты за пазуху; прикрытые рукавами маскхалатов, надеты компасы и часы со светящимися циферблатами; ракетницы осмотрены, и Холин проверяет крепление дисков в автоматах.

Мы уже готовы, а мальчик всё лежит, заложив ладони под голову и не глядя в нашу сторону.

Из большого немецкого чемодана уже извлечены порыжелый изодранный мальчиковый пиджак на вате и тёмно-серые, с заплатами штаны, потёртая шапка-ушанка и невзрачные на вид подростковые сапоги. На краю нар разложены холщовое исподнее бельё, старенькие — все штопаные — фуфайка и шерстяные носки, маленькая засаленная заплочная котомка, портянки и какие-то тряпки.

В кусок рядна¹ Холин заворачивает продукты мальчику: небольшой — с полкилограмма — круг колбасы, два кусочка сала, краюху и несколько чёрствых ломтей ржаного и пшеничного хлеба. Колбаса домашнего приготовления, и сало не наше, армейское, а неровное, худосочное, серовато-тёмное от грязной соли, да и хлеб не формовый, а подовый — из хозяйской печки.

Я гляжу и думаю: как всё предусмотрено, каждая мелочь...

Продукты уложены в котомку, а мальчик всё лежит не шевелясь, и Холин, взглянув на него украдкой, не говоря ни слова, принимается осматривать ракетницу и снова проверяет крепление диска.

Наконец мальчик садится на нарах и неторопливыми движениями начинает снимать своё военное обмундирование. Тёмно-синие шаровары запачканы на коленках и сзади.

¹ *Рядно́* — толстый холст домашнего производства.

— Смола, — говорит он. — Пусть отчистят.

— А может, их на склад и выписать новые? — предлагает Холин.

— Нет, пусть эти почистят.

Мальчик не спеша облачается в гражданскую одежду. Холин помогает ему, затем осматривает его со всех сторон. И я смотрю: ни дать ни взять бездомный отрёпыш, мальчишка-беженец, каких немало встречалось нам на дорогах наступления.

В карманы мальчик прячет самодельный складной ножик и затёртые бумажки: шестьдесят или семьдесят немецких оккупационных марок. И всё.

— Попрыгали, — говорит мне Холин; проверяясь, мы несколько раз подпрыгиваем. И мальчик тоже, хотя что у него может зашуметь?

По старинному русскому обычаю мы садимся и сидим некоторое время молча. На лице у мальчика снова то выражение недетской сосредоточенности и внутреннего напряжения, как и шесть дней назад, когда он впервые появился у меня в землянке.

* * *

[Гальцев вместе с Иваном и Холиным идут к лодке. Приняты меры предосторожности, чтобы никто их не видел и не знал о разведке. Расчёты миномётов и орудий в боевой готовности, чтобы их прикрыть и в случае необходимости обрушить на позиции немцев шквал огня. Обменялись сигналами с пулемётчиками и артиллерийскими наблюдателями. Уселись в лодку, и Холин начинает грести. Мгла холодной, ненастной ночи обнимает их.]

6

Я ощущаю на лице мерное горячее дыхание Холина. Он сильными гребками гонит лодку; слышно, как вода тихо всплёскивает под ударами вёсел. Мальчик замер, притаясь под плащ-палаткой рядом со мной.

Впереди, на правом берегу, немцы, как обычно, постреливают и освещают ракетами передний край, — вспышки не так ярки из-за дождя. И ветер в нашу сторону. Погода явно благоприятствует нам.

С нашего берега взлетает над рекой очередь трасирующих пуль. Такие трассы с левого фланга третьего батальона будут давать каждые пять — семь минут: они послужат нам ориентиром при возвращении на свой берег. <...>

Мы находимся, верно, уже где-то на середине плёса, когда впереди отрывисто стучит пулемёт — пули свистят и, выбивая звонкие брызги, шлёпают по воде совсем неподалёку.

— МГ-34, — шёпотом безошибочно определяет мальчик, доверчиво прижимаясь ко мне.

— Боишься?

— Немножко, — еле слышно признаётся он. — Никак не привыкну. Нервеность какая-то... И побираться — тоже никак не привыкну. Ух, и тошно!

Я живо представляю, каково ему, гордому и самолюбивому, унижаться, попрошайничая. <...>

Холин начинает грести тише — видимо, в ожидании берега. Я до боли в глазах всматриваюсь в темноту: кроме тусклых за пеленой дождя вспышек ракет, ничего не разглядишь.

Мы движемся еле-еле; ещё миг, и днище цепляется за песок. Холин, проворно сложив вёсла, ступает через борт и, стоя в воде, быстро разворачивает лодку кормой к берегу.

Минуты две мы напряжённо вслушиваемся. Слышно, как капли дождя мягко шлёпают по воде, по земле, по уже намокшей плащ-палатке; я слышу ровное дыхание Холина и слышу, как бьётся моё сердце. Но подозрительного ни шума, ни говора, ни шороха — мы уловить не можем. И Холин дышит мне в самое ухо:

— Иван — на месте. А ты вылазь и держи...

Он ныряет в темноту. Я осторожно выбираюсь из-под плащ-палатки, ступаю в воду на прибрежный песок, поправляю автомат и беру лодку за корму. Я чувствую, что мальчик поднялся и стоит в лодке рядом со мной.

— Сядь. И накинь плащ-палатку, — ощупав его рукой, шепчу я.

— Теперь уже всё равно, — отвечает он чуть слышно. Холин появляется неожиданно и, подойдя вплотную, радостным шёпотом сообщает:

— Порядок! Всё подшито, прошнуровано... Оказывается, те кусты у воды, в которых мы должны оставить лодку, всего шагах в тридцати ниже по течению.

Несколько минут спустя лодка спрятана, и мы, пригнувшись, крадёмся вдоль берега, время от времени замирая и прислушиваясь. Когда ракета вспыхивает неподалёку, мы падаем на песок под уступом и лежим неподвижно, как мёртвые. Уголком глаза я вижу мальчика — одежда его потемнела от дождя. Мы с Холиным вернёмся и переоденемся, а он...

Холин вдруг замедляет шаг и, взяв мальчика за руку, ступает правее по воде. Впереди на песке что-то светлеет. «Трупы наших разведчиков», — догадываюсь я.

— Что это? — чуть слышно спрашивает мальчик.

— Фрицы, — быстро шепчет Холин и увлекает его вперёд. — Это снайпер с нашего берега.

— Ух, гады! Даже своих раздевают! — с ненавистью бормочет мальчик, оглядываясь.

Мне кажется, что мы двигаемся целую вечность и уже давно должны дойти. Однако я припоминаю, что от кустов, где спрятана лодка, до этих трупов триста с чем-то метров. А до оврага нужно пройти ещё примерно столько же.

Вскоре мы минуем ещё один труп. Он совсем разложился — тошнотворный запах чувствуется на расстоянии. С левого берега, врезаясь в дождливое небо у нас за спиной, снова уходит трасса. Овраг где-то близко; но мы его не увидим: он не освещается ракетами, верно, потому, что весь низ его минирован, а края окаймлены сплошными траншеями и патрулируются. Немцы, по-видимому, уверены, что здесь никто не сунется.

Этот овраг — хорошая ловушка для того, кого в нём обнаружат. И весь расчёт на то, что мальчик проскользнёт незамеченным, Холин наконец останавливается и, сделав нам знак присесть, сам уходит вперёд. Скоро он возвращается и еле слышно командует: — За мной!

Мы перемещаемся вперёд ещё шагов на тридцать и присаживаемся на корточки за уступом.

— Овраг перед нами, прямо! — Отогнув рукав маскхалата, Холин смотрит на светящийся циферблат и шепчет мальчику: — В нашем распоряжении ещё четыре минуты. Как самочувствие?

— Порядок.

Некоторое время мы прослушиваем темноту. Пахнет трупом и сыростью. Один из трупов — он заметен на песке метрах в трёх вправо от нас, — очевидно, и служит Холину ориентиром.

— Ну, я пойду, — чуть слышно говорит мальчик.

— Я провожу тебя, — вдруг шепчет Холин. — По оврагу. Хотя бы немного.

Это уже не по плану!

— Нет! — возражает мальчик. — Пойду один! Ты большой — с тобой застукают.

— Может, мне пойти? — предлагаю я нерешительно.

— Хоть по оврагу, — спрашивает Холин шёпотом. — Там глина — наследись. Я пронесу тебя!

— Я сказал! — упрямо и зло заявляет мальчик. — Я сам! Он стоит рядом со мной, маленький, худенький, и, как мне кажется, весь дрожит в своей старенькой одежке. А может, мне только кажется...

— До встречи, — помедлив, шепчет он Холину.

— До встречи! — Я чувствую, что они обнимаются и Холин целует его. — Главное, будь осторожен! Береги себя! Если мы двинемся — ожидай в Фёдоровке!

— До встречи, — обращается мальчик уже ко мне.

— До свидания! — с волнением шепчу я, отыскивая в темноте его маленькую узкую ладошку и крепко сжимая её.

Я ощущаю желание поцеловать его, но сразу не решаюсь. Я страшно волнуюсь в эту минуту. Перед этим я раз десять повторяю про себя: «До свидания», чтобы не ляпнуть, как шесть дней назад: «Прощай!»

И, прежде чем я решаюсь поцеловать его, он неслышно исчезает во тьме.

8

«Пожалел!..» Нет, я не мог, не имел права отдать кому бы то ни было этот нож, единственную память о погибшем друге, единственно уцелевшую его личную вещь.

Но слово я сдержал. В дивизионной артмастерской был слесарь-умелец, пожилой сержант с Урала. Весной он выточил рукоятку Котькиного ножа, теперь я попросил его изготовить точно такую же и поставить на новенькую десантную финку, которую я ему передал. Я не только просил, я привёз ему ящичек трофейных слесарных инструментов — тисочки, свёрла, зубила, — мне они были не нужны, он же им обрадовался, как ребёнок.

Рукоятку он сделал на совесть — финки можно было различить, пожалуй, лишь по зазубринкам на Котькиной и выгравированным на шишечке её

рукоятки инициалам «К. Х.». Я уже представлял себе, как обрадуется мальчишка, заимев настоящий десантный нож с такой красивой рукояткой; я понимал его: я ведь и сам не так давно был подростком.

Эту новую финку я носил на ремне, рассчитывая при первой же встрече с Холиным или с подполковником Грязновым передать им: глупо было бы полагать, что мне самому доведётся встретиться с Иваном. Где-то он теперь? — я и представить себе не мог, не раз вспоминая его.

А дни были горячие: дивизии нашей армии форсировали Днепр и, как сообщалось в сводках Информбюро, «вели успешные бои по расширению плацдарма на правом берегу...».

Финкой я почти не пользовался; правда, однажды в рукопашной схватке я пустил её в ход, и, если бы не она, толстый, грузный ефрейтор из Гамбурга, наверное, рассадил бы мне лопаткой голову.

Немцы сопротивлялись отчаянно. После восьми дней тяжёлых наступательных боёв мы получили приказ занять оборону, и тут-то в начале ноября, в ясный холодный день, перед самым праздником, я встретился с подполковником Грязновым...

При моём приближении Грязнов обернул ко мне изрытое оспинами, смуглое мясистое лицо и грубоватым голосом воскликнул, не то удивляясь, не то обрадованно:

— Ты жив, Гальцев?!

— Жив! А куда я денусь? — улыбнулся я. — Здравия желаю.

— Здравствуй! Если жив, — здравствуй!

Я пожал протянутую мне руку, оглянулся и, убедившись, что, кроме Грязнова, меня никто не услышит, обратился:

— Товарищ подполковник, разрешите узнать: что, Иван, вернулся?

— Иван?.. Какой Иван?

— Ну мальчик, Бондарев.

— А тебе-то что, вернулся он или нет? — недовольно спросил Грязнов и, нахмурясь, посмотрел на меня чёрными хитроватыми глазами.

— Я всё-таки переправлял его, понимаете...

— Мало ли кто кого переправлял! Каждый должен знать то, что ему положено. Это закон для армии, а для разведки в особенности!

— Но я для дела ведь спрашиваю. Не по службе, личное... У меня к вам просьба. Я обещал ему подарить... — Расстегнув шинель, я снял с ремня нож и протянул подполковнику. — Прошу, передайте. Как он хотел иметь его, вы бы только знали!

— Знаю, Гальцев, знаю, — вздохнул подполковник и, взяв финку, осмотрел её. — Ничего. Но бывают лучше. У него этих ножей с десятков, не меньше. Целый сундучок собрал... Что подделаешь — страсть! Возраст такой. Известное дело — мальчишка!.. Что ж... если увижу, передам...

— Так он что... не вернулся? — в волнении проговорил я.

— Был. И ушёл... Сам ушёл...

— Как же так?

Подполковник насутился и помолчал, устремив свой взгляд куда-то вдаль. Затем низким, глуховатым басом тихо сказал:

— Его отправляли в училище, и он было согласился. Утром должны были оформить документы, а ночью он ушёл... И винить его не могу: я его понимаю. Это долго объяснять, да и ни к чему тебе...

Он обратил ко мне крупное рябое лицо, суровое и задумчивое:

— Ненависть в нём не перекипела. И нет ему покоя... Может, ещё вернётся, а скорей всего, к партизанам уйдёт... А ты о нём забудь и на будущее

учти: о закордонниках спрашивать не следует. Чем меньше о них говорят и чем меньше людей о них знает, тем дольше они живут... Встретился ты с ним случайно, и знать тебе о нём — ты не обижайся — не положено! Так что впредь запомни: ничего не было, ты не знаешь никакого Бондарева, ничего не видел и не слышал. И никого ты не переправлял! А потому и спрашивать нечего. Вник?..

...И я больше не спрашивал. Да и спрашивать было некого. Холин вскоре погиб во время поиска: в предрассветной полутьме его разведгруппа напоролась на засаду немцев — пулемётной очередью Холину перебило ноги; приказав всем отходить, он залёг и отстреливался до последнего, а когда его схватили, подорвал противотанковую гранату... Подполковник же Грязнов был переведён в другую армию, и больше я его не встречал.

Но забыть об Иване — как посоветовал мне подполковник — я, понятно, не мог. И, не раз вспоминая маленького разведчика, я никак не думал, что когда-нибудь встречу его или же узнаю что-либо о его судьбе.

9

В боях под Ковелем я был тяжело ранен и стал «ограниченно годным»: меня разрешалось использовать лишь на нестроевых должностях в штабах соединений или же в службе тыла. Последние полгода войны я работал переводчиком разведотдела корпуса на том же 1-м Белорусском фронте, но в другой армии.

Когда начались бои за Берлин, меня и ещё двух офицеров командировали в одну из оперативных групп, созданных для захвата немецких архивов и документов. <...>

— Товарищ капитан, там во дворе в машине бумаги! — подбежав ко мне, доложил солдат, широкоплечий приземистый коротыш. <...>

Невдалеке от ворот стоял высокий грузовик с газогенераторными колонками. Задний борт был откинут — в кузове из-под брезента виднелись труп офицера в чёрном эсэсовском мундире и увязанные в пачки толстые дела и папки.

Солдат неловко забрался в кузов и подтащил связки к самому краю. Я финкой взрезал эрзац-верёвку.

Это были документы ГФП — тайной полевой полиции — группы армий «Центр»; относились они к зиме 1943—1944 года. Докладные о карательных «акциях» и агентурных разработках, розыскные требования и ориентировки, копии различных донесений и спецсообщений, они повествовали о героизме и малодушии, о расстрелянных и о народных мстителях, о пойманных и неуловимых. Для меня эти документы представляли особый интерес: Мозырь и Петриков, Речица и Пинск — столь знакомые места Гомельщины и Полесья, где проходил наш фронт, — вставали передо мной.

В делах было немало учётных карточек — анкетных бланков с краткими установочными данными тех, кого искала, ловила и преследовала тайная полиция. К некоторым карточкам были приклеены фотографии.

— Кто это? — Стоя в кузове, солдат, наклонясь, тыкал толстым коротким пальцем и спрашивал меня: — Товарищ капитан, кто это?

Не отвечая, я в каком-то оцепенении листал бумаги, просматривал папку за папкой, не замечая мочившего нас дождя. Да, в этот величественный день нашей победы в Берлине моросил дождь, мелкий, холодный, и было пасмурно. Лишь под вечер небо очистилось от туч и сквозь дым проглянуло солнце.

После десятидневного грохота ожесточённых боёв воцарилась тишина, кое-где нарушаемая автоматными очередями.

— Несите всё в здание! — наконец приказал я солдату, указывая на связки, и машинально открыл папку, которую держал в руке. Взглянул — и сердце моё сжалось: с фотографии, приклеенной к бланку, на меня смотрел Иван Буслов...

Я узнал его сразу по скуластому лицу и большим, широко расставленным глазам — я ни у кого не видел глаз, расставленных так широко.

Он смотрел исподлобья, сбычась, как тогда, при нашей первой встрече в землянке на берегу Днепра. На левой щеке ниже скулы темнел кровоподтёк.

Бланк с фотографией был не заполнен. С замирающим сердцем я перевернул его — снизу был подколот листок с машинописным текстом: копией спецсообщения начальника тайной полевой полиции 2-й немецкой армии —

«№... гор. Лунинец. 26.12.43. Секретно.

Начальнику полевой полиции группы “Центр”...

...21 декабря сего года в расположении 23-го армейского корпуса, в запретной зоне близ железной дороги, чином вспомогательной полиции Ефимом Титковым был замечен и после двухчасового наблюдения задержан русский, школьник 10—12 лет, лежавший в снегу и наблюдавший за движением эшелонов на участке Калинковичи—Клинск.

При задержании неизвестный (как установлено, местной жительнице Семёиной Марии он назвал себя “Иваном”) оказал яростное сопротивление, прокусил Титкову руку и только при помощи подоспевшего ефрейтора Винц был доставлен в полевую полицию...

...установлено, что “Иван” в течение нескольких суток находился в районе расположения 23-го корпуса... занимался нищенством... ночевал в заброшенной риге и сараях. Руки и пальцы ног у него оказались обмороженными и частично поражёнными гангреной...

При обыске “Ивана” были найдены... в карманах носовой платок и 110 (сто десять) оккупационных марок. Никаких вещественных доказательств, уличавших бы его в принадлежности к партизанам или в шпионаже, не обнаружено... Особые приметы: посреди спины, на линии позвоночника, большое родимое пятно, над правой лопаткой — шрам касательного пулевого ранения...

Допрашиваемый тщательно и со всей строгостью в течение четырёх суток майором фон Биссинг, обер-лейтенантом Кляммит и фельдфебелем Штамер, “Иван” никаких показаний, способствовавших бы установлению его личности, а также выяснению мотивов его пребывания в запретной зоне и в расположении 23-го армейского корпуса, не дал.

На допросах держался вызывающе: не скрывал своего враждебного отношения к немецкой армии и Германской империи.

В соответствии с директивой Верховного командования вооружёнными силами от 11 ноября 1942 года расстрелян 25.12.43 г. в 6.55.

...Титкову... выдано вознаграждение... 100 (сто) марок. Расписка прилагается...»

1. Где и когда происходят события, описанные в повести В. О. Богомолова «Иван»?
2. Какие эпизоды произведения вас особенно взволновали?
3. Как бы вы оформили обложку книги «Иван»?

ПЕРЕЧИТЫВАЕМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

1. Каким впервые предстаёт Иван перед читателями? Прочитайте описание его внешности и поведения в первой главе повести. Какое отношение к герою вызвало у вас это описание?
2. Почему так недоверчиво и насторожённо относится к мальчику молодой офицер Гальцев?

3. Как вы объясните молчание мальчика, оказавшегося в расположении наших войск?
4. Как ведёт себя Иван, когда выполнили его требования?
5. Обратили ли вы внимание на описания природы в повести? Какова, на ваш взгляд, их роль? Найдите и прочитайте описания природы в эпизодах, рассказывающих о появлении мальчика в расположении наших войск (глава 2) и о ночной переправе Ивана в тыл врага (глава 6).
6. Какие черты, не свойственные мальчику этого возраста, вы заметили у Ивана? Расскажите об этом. Чем можно объяснить раннее повзросление мальчика?
7. Почему высокую оценку действиям Ивана дают в штабе армии? Почему с теплотой и уважением относятся к мальчику солдаты и офицеры?
8. В какие моменты у Ивана проявляются естественные детские черты?

ОБОБЩАЕМ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

1. Какой подвиг совершил юный разведчик? О чём свидетельствует документ немецкой тайной полиции?
2. Почему взрослым не удалось уберечь мальчика от гибели?
3. Почему повествование ведётся от первого лица? Как рассказчик относится к юному герою?
4. Почему писатель назвал повесть полным именем героя?

НАШЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Подготовьте краткий пересказ фрагмента об операции по переброске мальчика во вражеский тыл (главы 4—6).
2. Подготовьте рассказ о юном разведчике — «Каким я представляю Ивана» (внешность героя, его поступки, ваше отношение к Ивану).
3. Нарисуйте (устно, карандашами, красками) иллюстрацию к одному из эпизодов повести или составьте кадроплан (перечитайте эпизод из повести, подумайте, какие детали обязательно войдут в кадроплан).
4. Если вы смотрели кинофильм А. Тарковского «Иваново детство», поделитесь своими впечатлениями с товарищами.

ПОВТОРЕНИЕ

Ещё в пятом классе на уроках литературы вы познакомились с *эпосом, лирикой и драмой* — тремя родами художественной литературы. Читая и изучая литературные произведения, вы убедились, что писатель выбирает тот или иной род литературы, чтобы полнее осуществить свой замысел. Если он хочет выразить свои чувства и отношения к какому-нибудь явлению, то пишет лирическое произведение. Вы хорошо помните стихи А. С. Пушкина «Няня», «Зимний вечер» или «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова, в которых выражены чувства, переживания поэта. Желая широко развернуть перед читателем панораму происходящего, художник слова прибегает к эпическому повествованию и изображению. Таковы, например, поэмы Гомера, повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», рассказы И. С. Тургенева «Бежин луг», А. И. Куприна «Тапёр» и др. Когда же автору кажется целесообразным «отстраниться» от героев и событий, предоставить им возможность развиваться самостоятельно, на глазах у читателя или зрителя, тогда получается драма. Это знакомая вам пьеса-сказка С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Каждый род литературы имеет свои виды (или формы), которые, как вы знаете, называются *жанрами*. Сказка, басня, рассказ, повесть — это эпические жанры. Песня, лирическое стихотворение — жанры лирики. Пьеса-сказка, комедия, трагедия — жанры драмы.

Изучая различные произведения многих писателей, вы обращали внимание на их жанр. И это помогало вам глубже проникнуть в авторский замысел, полнее понять события, характеры действующих лиц. Когда у писателя возникает первая мысль написать какое-то произведение, она чаще всего сразу связывается с определённым жанром. Небольшое происшествие или случай из жизни даёт писателю материал для рассказа (А. И. Куприн «Тапёр»). Сплетение разных обстоятельств и судеб многих людей даёт возможность написать повесть, например такую, как «Дубровский».

Представить себе и запомнить соотношение родов и жанров литературы вам поможет таблица. В ней перечислены знакомые вам жанры. Их, конечно, больше, но о других вы узнаете в следующих классах.

Роды и жанры художественной литературы

Эпос		Лирика		Драма	
Жанры эпоса		Жанры лирики		Жанры драмы	
Фольклорные	Литературные	Фольклорные	Литературные	Фольклорные	Литературные
Миф; сказание; сказка; былина; легенда	Эпическая поэма; басня; рассказ; повесть; роман	Песни колыбельные, игровые, обрядовые	Лирическое стихотворение; лирическая поэма	Народный театр («Петрушка», «Батлейка»)	Пьеса; сказка; комедия; трагедия

ПРОВЕРЯЕМ СЕБЯ

1. Назовите три рода художественной литературы.
2. Что такое жанр?
3. Почему, изучая художественное произведение, необходимо учитывать его жанровую характеристику?
4. Каково соотношение родов и жанров литературы? (См. таблицу.)
5. Назовите жанры устного народного творчества, приведите примеры произведений.
6. Вспомните произведения древней письменной литературы различных жанров.
7. Назовите несколько известных вам басен, рассказов, повестей. По каким признакам вы определяете жанр этих произведений?
8. По памяти восстановите развитие событий в рассказе (по выбору), определите завязку, кульминацию, развязку.
9. Покажите, как в монологах и диалогах эпического произведения проявляются характер и взаимоотношения героев.
10. Какова роль пейзажа в эпических произведениях («Бежин луг» И. С. Тургенева, «Кладовая солнца» М. М. Пришвина)?
11. Найдите портретные зарисовки в рассказе А. И. Куприна «Талёр» и определите их значение в освещении внутреннего мира героя.
12. Приведите пример интерьера (внутренний вид помещения, его убранство) из какого-либо произведения, объясните его роль.
13. Вспомните и прочитайте наизусть одно из лирических произведений. Определите его жанровые особенности.

Аллего́рия — иносказание, когда под изображаемыми в произведениях существами, предметами понимаются другие лица, факты, вещи, как в басне.

Аллитера́ция — повторение однородных согласных звуков, придающее тексту особую звуковую выразительность: «Падают, плаваются, льются льдинки, втыкаясь в сугроб» (Н. Заболоцкий).

Антите́за — противопоставление эпизодов, картин, образов, слов. Например, две части стихотворения «Размышления у парадного подъезда».

Ба́сня — краткий стихотворный или прозаический рассказ поучительного характера. В нём всегда есть аллегория. Действующие лица в басне — животные, растения, вещи, в которых проявляются человеческие качества.

Были́на — один из эпических жанров фольклора, героическая песня повествовательного характера.

Геро́й литерату́рный — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипе́рбола — преувеличение свойств изображаемого предмета. Например, в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» с помощью гиперболы передаётся ужасная сила свиста разбойника.

Дра́ма — род художественной литературы (наряду с эпосом и лирикой). Её произведения предназначаются для постановки на сцене.

Жа́нр — вид художественных произведений: сказка, рассказ, повесть, лирическое стихотворение и др.

Инве́рсия — необычный порядок слов, придающий фразе особую выразительность: «Белеет парус одинокой в тумане моря голубом!..» (М. Лермонтов).

Интона́ция — выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к тому, что он говорит. Интонация образуется с помощью повышения и понижения тона, пауз, ударений, громкости речи. На письме интонация передаётся порядком слов, строением фразы, пунктуацией.

Компози́ция — построение художественного произведения.

Ли́рика — род художественной литературы (наряду с эпосом и драмой). В лирическом произведении создаются образ-переживание, картина внутренней жизни человека.

Литерату́ра худо́жественная — вид искусства, изображающий человека, жизнь при помощи слова.

Мета́фора — употребление слова в переносном значении, основанное на сходстве одного предмета или явления с другим: «Горит восток зарёю новой» (А. Пушкин), «Песни зазвенели» (Н. Гоголь). В нашей речи много метафор: человек горит на работе, гром победы, солнце садится, бородака ключа.

Моноло́г — развёрнутое высказывание одного персонажа, обращённое к другим или к себе.

Олицетво́рение — изображение неодушевлённых предметов как одушевлённых. Например: «Улыбнулись сонные берёзки» (С. Есенин).

Описа́ние — словесное изображение картин (портрет героя, пейзаж, внутренний вид комнаты — интерьер и пр.).

Очерк — эпический жанр, художественное повествование о реальных людях или событиях.

Пейза́ж — картина природы в художественном произведении.

Повествова́ние — тип речи (наряду с описанием, рассуждением и диалогом). Это авторский рассказ о месте действия, событиях, героях.

По́весть — один из видов (жанров) эпоса. По своему объёму, количеству действующих лиц, охвату событий повесть больше рассказа, но меньше романа.

Портре́т — изображение в произведении внешности героя (его лица, фигуры, одежды). В лице, фигуре, манере держаться и двигаться выражаются некоторые черты характера.

Разме́р стихотво́рный — схема построения стихотворной строки, основу которой составляет сочетание количества слогов и размещения ударений (например, ямб, хорей).

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Ритм стихотво́рный — чередование стихотворных строк, а внутри строк — ударных и безударных слогов. Ритм является основой стихотворной речи.

Рито́рический вопро́с — приём ораторской речи: утверждение в форме вопроса.

Ри́фма — созвучие окончаний стихотворных строк: сосен *вершины* — скованы *льдины*; *льются* — тонкие *блюдца*.

Роды литературы — три основные группы, на которые подразделяются все произведения словесного творчества: эпос, лирика и драма. Род всегда проявляется через вид (жанр).

Стихотворение — небольшое лирическое произведение, чаще всего в стихах.

Строфа́ — часть стихотворения, объединённая в единое целое содержанием, рифмой, ритмом.

Сюже́т — событие или ряд событий, изображённых в произведении в определённой последовательности.

Фанта́стика — художественный мир причудливых представлений и образов, созданных воображением.

Фольклóр (устное народное творчество) — произведения, созданные неизвестными авторами, бытующие в народной среде в устной передаче (сказки, песни, былины и др.). Существуют и другие виды народного творчества: народная музыка, народный танец и др.

Хорéй — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (УУ).

Худóжественные срéдства — средства языка, которые делают художественную речь более яркой, выразительной: эпитет, метафора, сравнение, олицетворение и др.

Эпíграф — краткое изречение (поговорка, цитата), которое автор помещает перед произведением или его частью, чтобы выразить главную мысль.

Эпизóд — часть (отрывок) художественного произведения, в котором говорится о законченном событии, происшествии.

Эпítет — художественное определение предмета или явления, помогающее живо представить их, почувствовать отношение к ним автора: «Бразды *пушистые* взрываая, / Летит кибитка удалая...» (А. С. Пушкин).

Э́пос — род художественной литературы (наряду с лирикой и драмой). В эпическом произведении рассказывается о различных событиях, внешних по отношению к автору. Виды (жанры) эпических произведений: сказка, миф, былина, рассказ, повесть и др.

Эссе́ — небольшое прозаическое произведение, выражающее индивидуальные впечатления, наблюдения, размышления.

Юмор — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех весёлый, доброжелательный.

Я́мб — двусложный размер стиха с ударением на втором слоге (УУ).

СОДЕРЖАНИЕ

О художественной литературе	3
-----------------------------------	---

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

Илья Муромец и Соловей Разбойник	11
<i>Из древнерусской литературы</i>	19
<i>Летописание</i>	21
Сказание о смерти князя Олега	22
<i>По мотивам летописного сказания</i>	24
Песнь о вещем Олеге	24

ЖАНРЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

<i>Басня как эпический жанр</i>	30
И. А. Крылов	32
Волк и Ягнёнок	33
Квартет	35
<i>Как читать басню</i>	38
Демьянова уха	40
Осёл и Соловей	42
Свинья под Дубом	44
<i>Рассказ как эпический жанр</i>	45
И. С. Тургенев	48
Бежин луг	49
<i>Сюжет и композиция рассказа</i>	79
А. П. Чехов	80
Хамелеон	81
<i>О рассказе А. П. Чехова</i>	88
А. И. Куприн	89
Тапёр	90
<i>Возможности рассказа</i>	110
В. Г. Распутин	111
Уроки французского	112

Ю. П. Казаков	144
Никишкины тайны	145
Стихотворение как лирический жанр	165
А. С. Пушкин	166
Зимний вечер	167
<i>В разлуке</i>	168
Няне	169
«Люблю её снега...»	170
Зимнее утро	170
<i>Стихотворная речь</i>	173
М. Ю. Лермонтов	175
Парус	175
«Гонимый миром странник...»	177
Тучи	178
Н. А. Некрасов	179
На Волге	180
<i>Антитеза</i>	185
«Раз я видел...»	186
Размышления у парадного подъезда	187
А. А. Блок. Летний вечер	192
А. А. Ахматова. «Перед весной бывают дни такие...» ...	193
Н. А. Заболоцкий. Одинокий дуб	194
Н. М. Рубцов. Звезда полей	195
Повесть как эпический жанр	197
А. С. Пушкин	198
Дубровский	199
Н. В. Гоголь	261
Ночь перед Рождеством	262
В. О. Богомолов	292
Иван	293
Повторение	344
Литературоведческий словарь	347

(Название и номер учреждения общего среднего образования)

Учебный год	Имя и фамилия учащегося	Состояние учебного пособия при получении	Оценка учащемуся за пользование учебным пособием
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			

Учебное издание

Мушинская Тамара Фёдоровна
Перевозная Евгения Васильевна
Каратай Светлана Николаевна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 6 класса
учреждений общего среднего образования
с белорусским и русским языками обучения

2-е издание, исправленное и дополненное

Нач. редакционно-издательского отдела *Г. И. Бондаренко*

Редактор *Л. Б. Сопот*

Художественный редактор *И. А. Усенко*

Компьютерная вёрстка *Ю. М. Головейко*

Корректоры *Е. В. Шобик, Д. Р. Лосик, В. П. Шкредова*

Подписано в печать 18.04.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 117 800 экз. Заказ

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/263 от 02.04.2014.

Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск

ОАО «Полиграфкомбинат им. Якуба Коласа».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/3 от 04.10.2013.

Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск